

Литературный сборник
Второй выпуск

РУССКОЕ ВОСПРИЯТИЕ

СЛИЯНИЕ СОЛНЦ

РУССКОЕ ВОСПРИЯТИЕ СЛИЯНИЕ СОЛНЦ

Литературный сборник
Второй выпуск

DIGIBOO
Москва
2021

УДК 821.161.1

ББК 84

Н 19

Главный редактор и составитель

Роман Назаров

Русское восприятие. Слияние солнц. Литературный сборник: Второй выпуск / Гл. редактор и сост. Р.А. Назаров – М.: DIGIBOO, 2021. – 156 с.

ISBN 978-5-93856-495-4

Человек – неотъемлемый со-трудник и со-творец Природы. Человек – это маленькое солнце. Нравственные качества маленького солнца отражаются и сохраняются в духовной памяти ноосферы. В неисчислимых архивах культурной памяти человеческие открытия и переживания объединяются в единое сознательное утверждение Бытия. Произведения авторов сборника «Русское восприятие» – сияние и слияние солнц в эволюционном движении Природы.

© Фарид Нагим, 2021

© Андроник Романов, 2021

© Галина Бурденко, 2021

© Алексей Абакшин, 2021

© Наталья Барышникова, 2021

© Роман Назаров, 2021

© С.В. Иващенко (наследники), 2021

© Издательство DIGIBOO, 2021

СЛАДКИЕ ЧАРЫ ЦИКУТЫ

(вместо предисловия к сборнику)

Окраина дачного поселка. Пыльная тропинка змеится берегом реки. Скоро пляж, вон за той раскидистой липой.

Много ярких цветов, как будто довольных глобальным потеплением. Справа вдоль каменных ворот и ограждений напыщенные гортензии с флоксами охраняют владельцев трехэтажных коттеджей. Слева из сочной нескошенной травы поднимаются местные представители флоры – наследник скифского золота зверобой, желтый салют пижмы и тонконогая ромашка, бедная родственница из далекой галактики.

Фотографирую на смартфон. Кручусь, пытаясь разглядеть снимок. Солнце слепит глаза и затмевает экран. Да нет, вроде хорошо получилось. Сейчас пройду под липой, а через тридцать-сорок шагов сосновая поляна с загорающими дачниками.

Что это там за цветок у воды? Как будто салатовая шапка гортензии. Еле слышимая струйка сладкого морковного аромата подхватывает мое внимание. Да ладно, пять шагов в сторону реки, спущусь, щелкну и – загорать. Спускаюсь, цветок все ближе. Какая же это гортензия, не гортензия это вовсе, а листья вообще другие. Осы усердно копошатся в мелких цветочках бутона, казалось, вылепленного из кофейного крема и нежных сливок. Еще шаг-второй. Сейчас. Руку вытяну и кнопку нажму. Раз. И еще раз...

Как будто парализовало меня. Не могу пошевелиться. Не могу понять, почему все вокруг за дрожащим туманным стеклом – и река, и смартфон в руке, и липа с тропинкой. Прошла парочка – парень в солнцезащитных очках и девушка в белой панамке. Не заметили меня. Не могу открыть рот, чтобы позвать кого-нибудь.

Страшный цветок, тот цветок, который я все-таки щелкнул, мне и говорит. Иначе не смогу точнее передать, что со мной было. Мне и говорит... «Чувствуешь, какой я вкусный, чистый. Возьми меня. Будь мной. Ах, я столько времени ждал тебя! Совершим слияние – ты станешь растением, а я стану человеком...»

С трудом я пересилил наваждение и буквально сбежал от цветка. Вылетел на тропинку.

И пошел чуть медленнее, чтобы загорающие дачники не увидели моего первоубийственного страха.

Так вот что такое Природа! – думал я, разогнанный бешеной скоростью мыслей. Вот что такое инстинкт Природы... Вселенная пуста. Во Вселенной никого нет, кроме Земли и нашей хрупкой ноосфера. Во Вселенной нет ни инопланетян, ни Странников, ни каких-то там высших цивилизаций. Только мы –

человечество и Природа. А инстинкт Природы отстаивает священный энергообмен жизни в любых доступных формах.

Инстинкт Природы ищет пути приспособления в органических и неорганических тканях бытия, осознанность и понимание со-творит из жажды освоения светлого и темного пространств. Поглощает сферу абсолютно непознаваемого, превращая ничто в бытие. Инстинкт Природы источает и выращивает сознание до космических масштабов. Утверждает человеческое в нечеловеческом, настигая энтропию...

Настигая энтропию так, словно в слепой эволюционной силе Природы скрывается неумолимый и расчетливый сверхразум, генерирующий слияние солнц.

Роман Назаров

Фариd
НАГИМ

Фарид Нагим

Я родился в селе Буранном, Оренбургской области, на границе с Казахстаном. Прямо в нашем дворе сохранился старый пограничный столб, на котором с одной стороны написано Азия, с другой Европа. По этой границе я ходил в Европу, в школу. Когда мы въезжали в Оренбург, пассажиры шутили: «Дышите воздухом Европы». Незримая граница прошла и по мне. Это болезненно – грань между добром и злом, между верой и отчаянием, спокойствием и одержимостью, мужественностью и женственностью. Я – татарин, для которого русский язык родной, я – русский писатель. По рождению я мусульманин, но православие становится для меня родной религией, я чувствую мистическую связь со святыми этой веры. Прозаики говорят: «чувствуется все же, что ты драматург». А драматурги: «как приятно читать твои ремарки, ты прозаик». Я пишу пьесы на русском и для России, но они переведены на немецкий и поставлены только в Германии. Я как бы есть как драматург, но меня как бы и нет. И еще, я все же верю, что Христа не распяли, что «Титаник» не утонул, что в России не было революции, а Гитлер Адольф стал гениальным художником, обласканным вниманием всего мира и так далее... Мне близок Франц Кафка, он тоже поделен вкось и вкось. Люблю его рассказы и особенно дневники.

ВИТЮША

Витюша стеснялся этого мира и не мог окончательно поверить, что мир создан для него и даже приглашает к участию в своем серьезном, сложном устройстве. Ему было трудно жить, порой даже казалось, что он не отсюда. Наверное, поэтому Витюша присматривался к необычным, странным людям, например к бомжам, жалел их, словно чем-то обделенных тайных родственников. Было интересно, почему так сложилось, что они резко выделяются среди других, почему не переживают из-за этого, куда уходят ночью и где живут. Он и сам иногда придумывал и даже подыскивал себе места, где мог бы думать, слушать музыку, прятаться ночью, пережидать холода, что мог бы кушать из оставленного или выброшенного другими, словно предчувствовал свою судьбу.

Когда-то давно мама забрала Витюшу из большого дома, где было много шумных детей. Потом он долго учился в школе. У него не получалось складывать цифры, вернее, он никак не мог поверить, что, если одно прибавить к другому, получится третье. Его это изумляло, и он продолжал высчитывать правильный ответ весь урок. Учитель и ребята на специальной машинке доказывали, что ответ уже и так верный, и в свою очередь изумлялись его неверию. А ему казалось, что такого не может быть, что он упустил что-то важное и совершил непоправимую ошибку. Это его озадачивало, мучило. Гигантские палочки цифр хаотически вращались в космосе и никак не могли соединиться. Ночью он мог проснуться, вспомнить об ошибке и заплакать.

Ему было трудно и на других уроках, потому что, когда вставал отвечать, ребята ждали, что он будет ошибаться и мучиться точно так же, как на математике, они сдержанно хихикали, шептались, а Витюша смущался или специально угрюмился и молчал, зная, что одноклассникам это будет приятно.

У Витюши была странная особенность – звуки общались с ним и рассказывали о себе много интересного. Мамин кофе зловеще замолкал, потом пышно вздыхал и только после этого сбегал на раскаленную плиту. Витюша знал бурчание всех машин во дворе и не глядя говорил маме, кто подъехал. Потом он стал узнавать звуковой почерк дворников, походку слесарей и много других звуков и фонов, которыми наполнен мир. Злые дети быстро прознали, что он боится шума, и дразнили его Витюха – стеклянное ухо, а некоторые хулиганы любили подкрасться и гаркнуть в затылок.

Однажды вечером, когда ушли праздничные гости и они с мамой вымыли посуду, Витюша взял ложечку и стал настукивать по тарелкам и фужерам, извлекая разнообразные и очень приятные для себя звуки.

— Как же это у тебя получилось, Витюша? — радостно удивилась мама. — Что-то я раньше не слышала такую песню. А вот такую сможешь исполнить? — Она пропела что-то.

Мелодия была живая и грустная. Он только попросил повторить ее и, когда мама снова запела, побежал следом за ней ложечкой по звукам. Мама не верила, что сын ее может так, и радовалась до слез. Витюша и сам удивлялся тому, что у него получалось. Вскоре в доме не осталось ни одного целого фужера. Но мама поняла, что делать, и отвела его к учителю, который с усталым недовольством показал ему, как играть на баяне. Инструмент был громоздкий, неудобный, все время норовил вырваться из рук и соскользнуть с коленей. Учитель спесиво пыхтел, вздрагивал, боясь, что баян грохнется, а Витюша испуганно обнимал этот лакированный разваливающийся шкафчик, и всё.

Потом мама и учитель тихо говорили о нем. Мамин голос летал бабочкой, а голос учителя ловил ее сачком. Витюша бродил по классу, скрипел пальцем по партам, а потом увидел маленькую гармошечку, она стояла так, словно бы улыбалась ему. Он взял ее и понял наконец, что нужно делать.

— Так он действительно раньше не играл? — изумился учитель и без записи взял его в свой класс.

У мамы был праздник. Витюша старался не огорчать ее. Из всей музыки, что она покупала, ему очень понравилась пластинка, где мальчик по хрустальным вершинам взбегает на небо — все выше и выше, остается еще чуть-чуть, чтобы случилось что-то невероятное, и он, в надежде на это, мог ждать и слушать целые дни напролет.

Но Витюше скоро наскучило рисовать разные фигурки в большой разлинованной тетради. Они тоже были цифры со своим звуком. Ему нравилось играть на инструменте вместе с другими детьми. Но он всегда играл что-то не то и не мог остановиться, когда все останавливались. Ему казалось, что не он, а инструмент руководит им и мелодию никак нельзя прерывать без ее разрешения. Учитель слушал его, задумчиво хмурился и отворачивался к окну, а дети хихикали.

— Извините. Это, наверное, и вправду какой-то феномен, — сказал он маме.
— Но я не знаю, что с ним делать дальше. Он, увы, необучаем в методическом плане.

И мама, в сердцах разругавшись с бедным учителем, забрала сына из этой школы.

Но музыка все равно продолжала звучать в нем и отовсюду: стоило два раза подряд звякнуть какой-то железке, или в разговоре людей проскальзывали певучесть и новая интонация, или весело сигналили машины, как в ответ на это в душе его рождался ослепляющий музыкальный вихрь. Витюша цепенел и, продолжая следить за развитием темы, мог остановить собственное движение, застыть посреди улицы и провалиться во времени.

После какого-то класса мамины знакомые пытались устроить Витюшу на разные работы. Но в тех делах, что нужно было исполнять, он не находил смысла, пользы для других, и ему скоро становилось неинтересно продолжать деятельность, она

вызывала пустоту в душе, желание спать. Каждое утро возникало недоумение и даже отчаяние – неужели вся громадина города, разветвленная сеть автобусов, трамваев, электричек, поездов метро и прочих серьезных машин заведена только для того, чтобы переставить людей с места на место ради какой-то чепухи. Его удивляло, что люди радуются только зарплате и не переживают из-за того, что не приносят никакого добра этому миру, что в исполняемых ими прimitивных и нудных функциях нет ничего нового, необыкновенного, радостного. Ему всегда хотелось исключить себя из этого бессмысленного круговорота. А людям казалось, что он глупый, ленивый, недисциплинированный, больной какой-то. Дома он слушал музыку в себе, играл на инструменте, а мама с грустной задумчивостью смотрела на него. Потом она взяла его на свою работу – во Дворец отдыха геологических ученых. Он помогал женщинам по бытовому хозяйству и мужчинам во дворе, приносил видимую и ощущимую пользу всем. Иногда играл для теток-администраторов на баяне. Если Витюша был весел, то инструмент печалился и плакал, а веселые звуки не шли – их запирало в душе. И наоборот, хохотал и рвался из рук, когда Витюше было грустно. Это удивляло его.

– Снова радио включили? – спрашивали отдыхающие и некоторое время слушали. – Странная музыка какая-то, как и не баян вроде...

Женщины почему-то жалели Витюшу, звали на свои посиделки и просили играть им частушки. А он стеснялся сказать, что ему неприятно играть такое, что у него музыка хоть и сложнее, но явно лучше.

Когда в стране начались перемены, мама испугалась. Новые слова раздражали и обижали ее.

– Всё, Витюша, сынок. Мафия победила, – сказала она однажды.

А Витюше передалось ожидание чего-то другого, не того, что было всегда, и в душе возникла новая мелодия. Он стал смотреть телевизор без звука, ходить на митинги и демонстрации, правда, у него не получалось кричать вместе со всеми, это нарушало стройность звуков, но он часто дышал в такие моменты, всхлипывал горлом. И все казалось, еще чуть-чуть – и люди перешагнут небывалый порог, станут другими и никогда не умрут.

Умерла мама. Просто музыка ушла из нее. Дворец геологических ученых вскоре закрыли. В дом, где они когда-то жили вдвоем, стали наведываться гости. Они угощали его всячими сладостями и просили сыграть им на баяне. Вежливо слушали, а потом говорили, что было бы лучше, если б он пел простые, всем знакомые песни и не заморачивался. С ними пришел хаос, шум. У них были глупые голоса. Витюшу томила и удручала их энергия и наивная деловитость. Они считали его «трудным» и «приторможенным», скучным и неблагодарным. Особенно их злило, что он не здоровался с ними, не делился своими мыслями и планами. Они любили всё громкое – застолья, фильмы, песни; даже затыкали наушниками уши, потому что внутри у них была пустота и полностью отсутствовала врожденная радость. А Витюшу раздражал шум, он сбивал его личную мелодию, его мысли и нарушал потаенный мир. Когда они наконец предложили

ему подписать документы, он остро почувствовал, что его обманывают, хотя люди старательно делали вид, будто желают ему добра и хороших перемен. Витюше стало невыносимо стыдно за них. Конечно, он все подписал и увидел их злую тайную радость от того, что они так ловко одурачили его. Витюша почувствовал недолгую жалость к себе, а потом обиду и злость, как на помеху, уже юридически установленную. Но он обрадовался, так как теперь у него появилось неотложное и законное право оставить свою квартиру, вырваться из какофонии этих людей, вся необычность которых состояла в том, что они из гостей стали хозяевами и при этом чувствовали себя правыми, – даже мамин баян подарили какому-то дядьке. Витюша собрал свои любимые вещи в крепчайший отцовский геологический рюкзак и присел на дорожку. И людям тем стало не по себе: ведь им не оказали никакого сопротивления.

Витюше хотелось передать им всю невозможность дальнейшего пребывания в такой глупой ситуации, в таком бессмысленном шуме и признаться, что это не они, а он уже их обманывает.

– Извините, – сказал он на прощание. – Я уже сюда никогда не вернусь.

Ему стало невыразимо грустно, до слез. Тревога и смятение были в душе. А люди нервно пожимали плечами, злясь на глупость и важность его поведения, и ругались в пустоту – как ругают швабру, на которую сами же и наступили.

– Ишь, прощается, интеллигент! – обиделась «мама Тоня». – А здороваться так и не научился!

«Дядя Петик» стучал пальцем по виску и громко клацал зубами.

Витюше было тускло и лениво жить, когда его заставляли продолжать обычную жизнь, длить ее. Ему было тревожно и раздражительно жить лишь потому, что так заведено и положено кем-то. А когда его прогнали умирать, когда не осталось ничего, кроме открытого противостояния миру и воли выбирать, вдруг появились забота и внимание к самому себе, энергия и находчивость к продлению примитивного существования, к защите самого себя. Свежий ветер ворвался в душу, и кислородом наполнило кровь. Наконец-то он вырвался из заведенного порядка вещей, чтобы жить изначально, по самому себе. Он влился в исконный, природный круговорот, понял много важных и удивительных вещей, которые были бы недоступны в благоустроенной жизни. И с людьми стало проще: теперь с ними сразу все было ясно. Теперь они не приставали к нему, словно бы его оградили какой-то невидимой стеной. Вокруг – неожиданно для него – раздавались разнообразные, новые звуки и сами собой складывались в стройную красивую мелодию. Жаль только, что он не мог произвести ее из себя без инструмента.

В те времена еще не устанавливали так много кодовых замков, домофонов и можно было ночевать в подъездах, слушать чужую жизнь за дверьми, вообразить ее счастье. Еды стало меньше, но она всегда находилась. Витюша похудел, и от этого стало легче и просторнее. Он весь засалился и немного чесался, но на душе было чище. Он возмужал. И если бы его сейчас увидела мама, то, наверное, не узнала бы, а потом обрадовалась таким удивительным переменам в облике сына и его самостоятельности.

Каждый новый день начинался как увлекательное путешествие. В каждой урне скрывалась тайна, из-за угла выглядывало приключение. Огорчало только одно – оказалось, бомжи те же люди, только хуже. Если бы у них в жизни все сложилось удачно, имелись деньги и власть, они превзошли бы в злости и нахальстве всех устроенных людей. Были, конечно, несчастные, которых погубили обстоятельства. Но тем удивительнее, как быстро в еще недавно хорошем человеке умирает стыд, устанавливается согласие с унижением и просыпается плохое и низкое, будто они заражались этим от подгнившей еды и окружающего холода. Даже самому тупому грязнуле хотелось выставиться перед нормальными людьми за счет другого. Унижая и оскорбляя его, они поворачивались к «чистеньким»: мол, вот я каков, посмотрите! я то еще о-го-го, а вот он – совсем уже никудышный. Многие из них любили беспринужденно сделать что-то жестокое и болезненное собрату, да такое, чтобы нанести непоправимый урон и сладострастно наблюдать за тем, как несчастный мучается и угасает, а они ничего – живут еще. В своих стайках они всегда стремились найти самого слабого и несообразительного, чтобы совместно презирать его и за счет его несчастья и падения еще крепче объединяться. С горечью убедился Витюша, что некоторые из них опустились на дно и пришли к животной жизни, потому что были животными с рождения и вот так нашли себя. Ими легко было помыкать, лишь за счет чужой воли они и продолжали свое существование. Теперь Витюша узнал бомжей ближе и боялся их. Одни очень быстро хотели «понять» его, чтобы навязать свою волю, определить ему место и подчинение для своего удобства, а другие – вели себя хуже животных, потому что были хитрые, с руками и хорошо умели драться.

Однажды зимой Витюша набрел на спокойный и уютный уголок в чебуречной на вокзале. Он пригрелся рядом с мусорным баком и задумчиво смотрел, как под столом сменялись ноги людей. Думал о них, слушал свою музыку, дремал, а потом заметил, что очень уж долго не уходят рыжие, красивые ботинки, переступая так, будто их хозяин волнуется. Вдруг к нему склонилось лицо и молодой приятный голос пригласил перекусить, а может быть, и выпить. Витюша смутился и промолчал, прикрыл глаза, как это делают дети, когда хотят, чтобы их не видели. Но человек не отставал и не забывал про него, тогда Витюша подчинился и с трудом поднялся к столику. На него с интересом смотрел молодой парень в проводках и с большими наушниками вокруг шеи.

– Слушай, друг, как тебя зовут? – спросил он с волнением в голосе.

– Меня? Витюша.

– Понятно, хм. Слушай, Витюша, а что за такую красивую мелодию ты напевал?

– Я ничего не напевал.

– Как не напевал? Я уже полчаса тебя слушаю!

Витюша удивился.

– А скажи, пожалуйста, ты мог бы еще раз напеть мне ее?

Витюша растерялся. Ему было очень неловко перед этим человеком и в то же время приятно, что с ним так себя ведут. И, конечно, досадовал, что выглядит сейчас приурковато.

— Вот, смотри, слушай, мужчина поет. — Парень включил коробочку.

— Да, очень сильный и крепкий голос, — послушав, одобрил Витюша. — Но глупый. Значит, и человек глупый, спесивый.

— Спесивый, хм. Ну это ладно, а скажи, пожалуйста…

— Пожалуйста!

— Не-ет, — усмехнулся парень. — Ты сам можешь мне спеть свою мелодию, просто, без слов? А я тебя запишу.

— Конечно, могу!

У Витюши заволновалась душа, он понял, что человек хочет сделать что-то необычное, важное и полезное. Парень поднес к нему включенную коробочку с цифрами, и Витюше вдруг стало тепло и радостно. Он пел о своем детстве, о надежде на другую жизнь, о мафии, которая победила, и о маме, о той тихой музыке, что ушла из нее. В мелодию его врывались подслушанные, красивые звуки, он повторял и смаковал их, казалось, еще немного — и весь инструмент его тела зазвучит на небывалой волне, выдохнет самое главное, именно то, что и разрешит все людские беды. Еще никогда в жизни Витюше не было так хорошо, никогда в жизни он еще не был так счастлив.

— Ах ты… зарядка кончилась! — в отчаянии парень даже ругнулся.

А Витюша вдруг очнулся, но еще долго находился на зыбкой грани между прекрасным, недоступным миром и шумной чебуречной.

— Ты!.. Я!.. Я даже не знаю, что это такое!.. — парню было так хорошо, что он продолжал ругаться нехорошими словами. — Ты гений, Витюша! Я же музыку пишу для кино, композитор типа. Не, ну бывает же такое! — парень даже оглянулся, будто призывая и других восхититься вместе с ним. — Ее только немного облегчить, упростить и… Покушай, друг. Пивка хочешь?!

— Нет, благодарю вас, — хрипло ответил Витюша.

— Ты — настоящий композитор! Я пятнадцать минут оригинальнейших композиций записал! Ты даже не представляешь, как ты можешь прославиться! — парень произносил много радостных и незнакомых технических слов и все предлагал перекусить.

Витюше совершенно не хотелось есть. Еда всегда была лишь досадным промежуточным моментом в его жизни. Хотелось звучать и звучать, делать что-нибудь хорошее.

— Так, а давай-ка я тебя еще и на телефон запишу! — обрадовался своей сообразительности парень и поднес к носу Витюши другую коробочку.

Он собрался, задумался и с удивительной даже для самого себя легкостью начал звучать и уж совсем близко подобрался к самому главному музыкальному полю, когда что-то чужеродное и неуместное начало сталкивать его с дорожки, нарушать красоту и сбивать волну.

— Да! — парень раздраженно поднес телефон к уху и смутился. — А скажи, пожалуйста, не проблема, если я минут на двадцать опоздаю?.. В пробке стою.

Витюша ждал, когда он освободится, и постепенно возвращался в этот мир, чувствуя, что стоит на цементном полу и локтям жестко упирается в железное ребро стола.

— Вот, послушай свою музыку! — вдруг сказал парень.

Витюша смотрел на тусклую коробочку, слушал, и ему было очень стыдно и плохо: коробочка выдавала совершенно не то. Как же такое может быть — то, что так мощно, красиво и стройно звучало в его душе, перерабатывалось плоской коробочкой в такие же плоские, пластиковые звуки, которых и без него так много в этом городе.

— Нет! — вскрикнул он. — Это не я.

— Извини. Ты же — бомж, так? — по-доброму заглянув ему в глаза, спросил парень.

— Так.

— Странно, но ты даже не пахнешь... А может быть, ты великий композитор, который потерял память и заблудился?

Витюша глупо кивал на все головой.

— А ты не хотел бы у меня пожить?

Витюша смутился и испуганно сжался. Ему стало жарко.

— Короче, коллега, ждите меня здесь! Я отнесу диск и вернусь сюда минут через сорок, ок?

Витюша кивнул. Парень пошел было к двери, но вернулся, полез в карман, достал оттуда деньги и еще что-то.

— Вот, все же перекуси, — смущенно сказал он. — А это — моя визитка с номером. Вот это номер моего телефона. Мало ли что. А это мой адрес, Витюша, я тут живу. И ты будешь тут жить! — парень вдруг крепко обнял Витюшу и тихо засмеялся, как очень близкий, даже родной человек. — А все же лучше дождись меня, понял? До встречи!

Парень, его звали Александр, давно ушел, а Витюша все стоял за его столиком возле мусорного бачка. Ему было хорошо, не страшно и достойно на земле, как нормальному человеку. После того как Александр записал его сухие звуки, в нем словно бы освободилось место для другой, новой мелодии и внутренние струнки дрожали в радостном ожидании.

А потом к Витюше подошел мужик, стал что-то говорить, тряся модной, разделенной колечками на два конца бородкой. Вдруг он разозлился на что-то, крепко сжал локоть и вывел Витюшу на улицу, за угол чебуречной.

— Гони сюда бабки, бомжара! — сказал он грозным хриплым голосом.

Витюша знал, что «бабки» — это деньги, и просто протянул руку — бумажку он так и вертел в пальцах, даже забыл про нее.

Мужик удивился такому его поведению.

— Ты кто такой будешь? — упрятав деньги, спросил он мирным, сытым голосом.

— Витюша.

— Что чувствуешь за собой, под чьей крышей ходишь, Витец?

— Не зной. Так хожу.

— Химоза! — представился мужчина. — Слыхал? Будешь теперь подо мной ходить.

Витюша обрадовался этому предложению и покорно пошел за хриплым мужчиной, уходил куда-то далеко, потому что невыносимо стеснялся Александра и, конечно, не смог бы с ним жить. Что нашло на него такое, что он не боялся общаться с ним, петь музыку? Даже думать об этом случае было стыдно до судорог. И тревожило еще, что композитор мог обидеться и разозлиться, если какие-то звуки ему не подойдут.

Химоза был бомж, но очень важный. Он выбрался в город со своего мусорного полигона, чтобы заключить с партнерами договор на поставку какого-то материала.

Так Витюша попал на загородную свалку, похожую на древний город. Только она была больше – целая страна бомжей. Тут резко разграничивались свои районы и республики – «воруй-город», «цыганский рай», «чуркистан», «похоронщики». Попасть сюда и остаться здесь жить было не так просто, как могло показаться. Тут имелось все, что необходимо для жизни, даже в чем-то роскошной, которой, может быть, никогда не будут жить обычные, но нуждающиеся горожане или крестьяне. У местных бомжей были свои «профессии»: бутылочники, баночники, картонщики, металлисты, пэтщики и так далее. Металлисты собирали железо, выковыривали цветмет из приборов, тянули медную проволоку из обмотки электромоторов. Местные люди жили в пещерах, сообщающихся между собой, в картонных домиках, стеклянных домах, возведенных из советских оконных рам, в холодильниках с дырочками, шифоньерах и так далее.

– Скажи мне, Витец, что это? Все это вокруг?! – нудно и строго хрипел Химоза.

– Помой… ну, свалка.

– Запомни, это не помойка и не свалка.

– Угу.

– Что «угу»?! Что ты можешь запомнить, обиженный? В натуре – это мусорный полигон! – Химоза был из тех людей, которым нравилось все объяснять, «лохам разжевывать». Говорить он мог бесконечно, без устали, наслаждаясь и смакуя звучание слов, как что-то сладкое, жирное, сочное. – Ты теперь – «пэтщик»! А пэтфлекс, он же полиэтилентерефталат, короче говоря, обычная пластиковая бутылка. То бишь «полторашка», как выражаются местные «синяки». Но речь сейчас не о них. Самая высокая закупочная цена на прозрачный флекс. Объясняю! Прозрачная – самая дорогая. Затем – голубая. Следом – зеленая. И самая низкая по цене – коричневая…

– Угу.

Витюша чем-то удивлял Химозу. Видно было, что он до конца не мог разъяснить его для себя и потому относился к нему снисходительно, даже не бил, как других своих рабочих.

В первый же день Витюша с помощью подчиненных Химозы вырыл для себя глубокую пещеру и устлал ее толстым слоем отличнейшего, свежайшего картона. Спать было уютно, потому что, как оказалось, свалка умеет вырабатывать какое-то свое внутреннее тихое тепло.

Самое главное, что понравилось Витюше, – тишина пространства, какой не могло быть в городе. С утра и до ночи он выискивал, очищал и сортировал «полторашки» и всякие другие пластиковые емкости. Работалось легко и приятно, потому что можно было не думать о деле, а только прислушиваться к звукам снаружи и к музыке внутри. Вместе с пэтфлексом всегда находилось что-нибудь из еды. Свалка была изнанкой города, она грустно и бесхитростно раскрывала все тайны, которые скрывал его сияющий фасад.

Через неделю Витюша простудился и тяжело заболел. Это была акклиматизация на испарения и общую ауру места. Он бы умер, наверное, если бы Химоза не принес ему каких-то сильнодействующих лекарств. Но самое главное, что хозяин, обративший внимание на его музыкальность, подарил ему радиоприемник и батарейки.

Однажды приятным весенним днем, как всегда раскапывая мусор, Витюша вдруг услышал, скорее даже, ему показалось, что кто-то пискнул... Потом еще. Он пошел на этот призыв – только его ухо могло так точно привести к источнику звука, – начал разбирать завал и наткнулся на что-то теплое и такое пушистое, будто жидкое. Это была полуохлаждая кошка. Собаки, скорее всего, покусали, а дворник подцепил лопатой, да и закинул в бак. Она тяжело дышала и дергала лапками, но хвостом поводила плавно, даже грациозно, будто притворялась, что еле жива. Витюша взял ее к себе, поил и кормил изо рта, согревал ночью, и кошка выжила. Так у него появился друг и родственник. У кошки было русско-е-русское лицо, оно чем-то неуловимым, каким-то мягким светлым выражением напоминало лицо умершей мамы. Казалось, что и вправду это мама таким вот странным и чудесным способом нашла его. Он не мог так не думать, глядя в ее красивые глаза, видя ее привязанность и любовь к себе. Стоило ему задуматься и замереть, как тут же объянялась Мурыська – мурлыкала и маленьким язычком лизала грязные, заскорузлые руки.

Кошка хорошо понимала Витюшу, чувствовала его настроение. Если ночью какой-то бок подмерзal, она переползла именно на то место, прижималась и отогревала. Если ей что-то не нравилось из найденной еды и она отказывалась, то и Витюша не ел этого. С Мурыськой он чувствовал полноту жизни, ему было светло думать о ней и приятно осознавать, что у него кто-то есть. Он стал заботиться об убранстве пещеры, чаще менял картон, а вместе с ним появлялись вкусные, сладкие запахи печенья, экзотических фруктов или новой бытовой техники. Витюша с радостью ждал окончания рабочего дня и спешил с подарочком домой, зная, что обязательно увидит Мурыську возле пещеры или где-то поблизости. Он даже подрался из-за нее с тремя пришлыми бомжами, которые хотели ее украсть для каких-то своих целей. В небывалой ярости Витюша легко одолел всех троих. Местные ребята не пришли на помощь, а только наблюдали, что будет. Но, когда он одержал победу и, счастливый, прижал Мурыську к груди, вышли поздравить, а потом наперебой пересказывали этот случай Химозе, тот хохотал и все переспрашивал, какие приемчики применял Витюша.

В таком счастье они прожили до осени. Витюша всегда боялся этого времени года. Меняли цвет деревья. Красиво тлели и опадали листья, каждый со своим неповторимым звучанием. Улетали на юг птицы. Их не видно было в небе, только доносились курлыканье, и казалось, будто что-то доброе и светлое покидает это место и Витюшу, прощается с ним, и сожаление о расставании звучало на невыносимой ноте. Воздух трезвел, очищался от летнего марева и дымки и пах пронзительным холодным настоем. Витюша слышал в этом воздухе запах слез и тонкого горения, будто это листья сгорали и плакали. Он дрожал и покрывался мурашками, но не от холода, а от возбуждения. Уши горели, жгло спину, а руки были холодные и четкие. Волнение и тоска передались Мурыське. Она жалела его как могла и будто бы спрашивала: «Ну, чем же тебе помочь, Витюша?»

Началось все с одного страшного случая. Была ночь, Витюша лежал у себя в берлоге, как вдруг что-то легкое упало ему на нос. Он сдул, но что-то снова щекотало его. Витюша приподнялся, включил «светлячка» и увидел, что из мусора с левой стороны свисает нитка — крепкая, витая, черная. Потянул. Нить, немного запнувшись, дернулась и снова легко подалась. Он вытянул довольно много, нить уходила уже на другую сторону конуры, словно вела куда-то. И вдруг Витюша испугался и замер, душа его задрожала. Он не понимал, что его так напугало, ведь ничего страшного не произошло. Но темный страх, приведший вместе с нитью, больше не покидал его. Днем он все же вытянул нить, на конце которой болталась самая обычная деталька детского конструктора. Но черное, скользкое и страшное не уходило из души.

На исходе ноября он затосковал. Только одиноким людям ведома эта страшная тоска. Она приходила к нему и раньше, но никогда с такой силой. Обычные люди могут жить самой бессмысленной жизнью, негодовать на работу, злиться и даже проклинать своих родных. То есть жизнь их может быть мрачнее и безысходнее существования бомжа-одиночки. Но никогда им не придется пережить леденящего душу, необъяснимого и какого-то смертельного ужаса одиночества, бесплодности и будто бы ненужности своей никому.

В первых числах декабря выпал снег. Вместе с ним пришла новая музыка. Он ждал ее и готовился, но она пришла внезапно. Невероятные звуки разбудили его, пронзили и раздвинули берлогу до самой луны. Да, новая, небывалая даже для него мелодия, глубокая, многоголосая, такая большая, что на нее не хватало внутреннего пространства Витюши. Ему стало страшно. Он понял, что не сможет пережить ее. Мурыська мяукала. Она не понимала своего хозяина.

В дальней кишке своей берлоги Витюша нашел старую курточку, а в ней — замызганный кусочек картона композитора Александра. Вот кто мог бы спасти его, избавить от разрывающих звуков, взять из него эту мелодию и разложить на музыкальные инструменты, если их на нее хватит. Это была взрослая, настоящая музыка. Пусть она убьет его, но пропасть вот так на мусорке она не должна! Витюша твердо понимал это. В самый канун Нового года он услышал сообщение по радио, которое все решило.

Витюша тепло и крепко оделся для дальней дороги, посидел, как в тот день, когда простился с родным домом, схватил Мурыську в охапку и побежал к Пете Шуруповерту.

— Шуруповерт, выходи! — с неожиданной для самого себя суровостью позвал он его из берлоги.

— Витек! Салам-балам блатным пацанам, — он выполз из норы и хлопнул себя по горлу. — Есть чё?

— Ты знаешь, какой сегодня день?

— Нет, значит! И курить ты тоже не куришь.

— Новый год!

— Нам, чтобы выпить, Витюх, Новый год не нужен.

— Я только что по радио услышал, что на Казанском вокзале устраивается новогоднее представление! Благотворительное. Для бомжей, значит! С Дедом Морозом... Поехали, Шуруповерт!

— Ох, и смешной ты... Нам выпил, на, — и Новый год. Хоть летом!

— Там суп горячий будут разливать!

Шуруповерт отер лицо снегом, пожевал его и задумался:

— Не, Витек, без мазы.

— Поехали! Я уж и не помню, когда на елке был. В школе, наверное, и всё! — Витюша крепко прижал Мурыську к груди и удивлялся своему красноречию.

— Поехали, а? В Новый год все добрые!

— Мне в последний Новый год на Москве руку сломали. Так-то зажила, но срослась криво — вот!

Витюша знал, что никто с ним «на Москву» не поедет. Но Шуруповерт был именно тот самый человек, на которого можно оставить Мурыську. Пётр Шуруповерт любил животных сильнее людей. И всегда завидовал, что у Витюши есть Мурыська. Он умел смешно и галантно разговаривать с ней.

— Хочешь, на. Вперед! Расскажешь потом.

— Ну ладно, Шуруп, обязательно расскажу и даже привезу подарочек от Деда Мороза, так уж и быть! Ладно! Только вот какое дело: Мурыську оставлю тебе. Боюсь я за нее в Москве, да и добираться с ней сложнее.

— Мурыську? Оставляй, на, без булды! — Шуруповерт оживился и заметно обрадовался. — И от Снегурочки подарочек... или вместе с ней приходи.

Звук его смеха был правильный и очень добрый, хотя внешне Шуруповерт казался диким и злым.

Мурыська все поняла и крупно вздрогнула за пазухой, заскреблась и запла-кала.

— Ах ты ж, Мурысь!

Кошка никак не хотела его отпускать. Витюша даже не ожидал такого. Просто оторвал ее от себя и кое-как передал. Она тут же вырвалась из лап Шуруповерта. Витюша поймал. Она снова вырвалась и словить себя уже не давала, но стоило Витюше пойти, как Мурыська, брезгливо перебирая лапами по снегу, устремлялась вслед за ним и останавливалась, если он тормозил.

Он обманул ее – пообещал взять с собой. Мурыська сама запрыгнула к нему на руки, а он передал ее Шуруповерту, который заранее приготовленной бечевкой бережно, но крепко привязал ее к искореженному остову легковой машины возле входа.

Мурыська рвалаась, билась, переворачивалась в воздухе, царапала лапкой веревку и злобно шипела. Витюша погрозил хлопочущему Шуруповерту кулаком, отвернулся, заплакал и прочь побежал от этого ужаса.

– Мурысина! Прости меня, прости! Я обязательно вернусь и привезу тебе подарочек. Ты же взрослая, Мурысина!

Слезы щипали, жгли ему щеки, леденели на морозе. Болело и ныло все за родную душу, но неодолимая музыка гнала его вперед. Витюша уже не мог остановиться, бежал-бежал и очень скоро добрался до главной трассы. Испуганно замер, вздрогнул и зашатался от нахлынувшей волны звуков, от переплетения струй и ветровых труб в пространстве. Поднял руку, «голосовал», как это делала когда-то мама и другие взрослые. А дорога пустая.

Витюша вдруг вспомнил, как в школе на Новый год они с товарищем играли клоунов. Мама сшила костюм и колпак с помпончиком. И этот помпончик зацепился за еловую лапу, да так крепко, что Витюша не мог уйти. Все покатывались со смеху, будто это он специально так придумал.

Вдалеке появился джип. Витюша не поверил сначала, вздернул руку, испугался и опустил, снова поднял, будто почесать затылок, робко вытянул и увидел свои грязные пальцы-корявки. Джип занесло на льду, и он полетел прямо на него, будто бы с намерением сбить. Витюша едва успел отпрыгнуть. Гигантский веер снега накрыл его и сдул на обочину, в сугробы. Надрывно выл мотор. Выбравшись и отряхнувшись, он увидел, что джип буксует, рычит, но все без толку – сел плотно. Из автомобиля выбрался толстый мужик с дубинкой.

– Ко мне! – приказал он Витюше.

Волосы мужика были забраны в хвостик, сам весь – в кожаной одежде. Все это напоминало байкеров-сафари, которые ради развлечения иногда гоняли бомжей, неосторожно отлучившихся от мусорки.

Мужчина открыл багажник, вынул пластиковую лопату.

– Фу-ух! – Витюша обрадовался.

– Я виноват, я тебя прощаю – копай! – мужчина вручил ему лопату. – Однозначно.

Это был циничный и злой человек. Но зло его было таким большим, что Витюша не представлял для него интереса, как ракушка для акулы. Он начал прилежно и усердно откапывать задние колеса. Заодно и согрелся, даже куртку скинул. Копал и робко поглядывал на мужика.

Байкер курил сигару. Радостно и мощно, словно любуясь своим здоровьем, выдыхал клубы дыма. Осматривался с таким видом, будто окружающая красота была его собственностью, продолжением его самого.

– Все готово, шеф! – подобострастно отрапортовал Витюша.

Байкер сел в автомобиль. Мотор взревел и вырвал машину на твердое поплотно трассы.

Витюша охнул от досады, но машина не уехала. Байкер вылез все так же с сигарой, а в другой руке держал наполовину опустошенную красивую бутылку. Он впервые внимательно посмотрел на бомжа.

— Я бы тебе денег дал… Но, понимаешь ли, деньги – это живое существо! – затянувшись сигарой, сказал он. – И если я их тебе дам, в твои ручонки, то оскорблю их, они на меня обидятся и уйдут. А я их уважаю и не хочу, чтоб они уходили от меня.

— Мне не нужны деньги…

— Сигару, сэр?

— Понимаете, сегодня снег, трасса тяжелая. Я бы с вами поехал, откапывал бы по дороге.

— Понял! – засмеялся байкер. – Так бы и сказал, что в Москву надо. Нет?

— Да, правда! Сегодня тридцать первое. На Казанском вокзале благотворительная елка для бомжей. Во как хочу посмотреть!

Мужчина все так же брезгливо осматривал его, но в глазах появилось удивление.

— Как же я тебя повезу, повелитель вшей? Ты мой салон видел? – удивление сменилось озадаченностью, и зазвучали добрые нотки в голосе. – Разве что в целлофановом пакете в багажнике. Все равно все провоняют, а я там продукты вожу иногда. – Свет милосердия, едва блеснувший в глазах большого мужчины, померк, лицо омрачилось и каменно отяжелело. – Ну тебя, слыши, почетный житель помойки. Так всегда по жизни – ни одно доброе дело не остается безнаказанным! Мы это уже хавали!

Мужчина решительно воткнул бутылку в сугроб, положил рядом раскуренную сигару. Хотел еще что-то сказать напоследок, но посчитал это недостойным себя. Сел в машину и уехал.

Начиналась метель. В душе появилась тоска и уныние. Видимо, сегодня уже ничего не получится, а может быть, и никогда – вырваться со свалки, наверное, было даже тяжелее, чем попасть сюда. Он побрел назад, кривясь от стыда за свое поведение перед большим мужиком. И вдруг среди завалов на границе «чуркистана» мелькнуло оранжевое пятно. Витюша понял, что это такое, и рванул туда по снежной целине. Он задыхался и кашлял, но не останавливался.

Так он и думал – это был большой иностранный мусоровоз. Водитель его уже все выгрузил, проверил, но задерживался у ступенек, нервно общаясь с кем-то по телефону. Витюша скромно стоял в сторонке и ждал окончания разговора; помочь водителю, то есть выслужиться как-то, уже было невозможно.

— Я на работе! Да, на работе! – водитель сплюнул. – Я же говорил, что до шести. Успею, говорю. Куплю. Куплю. Что? Какого сыра? Твердого? Куплю.

Он закончил разговор, но все еще продолжал ругаться с кем-то внутри себя и намеренно не обращал внимания на Витюшу.

— Здравствуйте, возьмите меня до Москвы, пожалуйста! Я двести рублей заплачу.

— Что?

В нем совсем не было музыки, только заунывно и тускло звучала одна какая-то прокуренная нота.

— Двести...

— Да на что мне твои двести рублей, весь салон провоняет. Что я напарнику скажу? — водитель сплюнул. — А может, ты больной? Кто тебя знает? Все, иди, дядя, с Новым годом!

Он так много плевался, что даже удивительно было, как он еще не усох весь.

— Там, понимаете, благотворительная елка для бомжей. Я со школы на елке не был. Суп наливают. Ну пожалуйста... Триста!

— Вот ты запарили! Пошел отсюда!

— Мне мама костюм клоуна шила...

— Какой клоун, какой костюм? — в звуках его голоса проскользнуло участие и доброе недоумение, что он все-таки прицепился к Витюше, думает о нем, озабочивается его проблемой. Человек словно бы издалека стал вспоминать, что можно быть добрым и внимательным к другому человеку. Все это происходило потому, наверное, что на дворе был праздник.

— Короче, клоун, давай свои триста.

— Вот спасибо!

— Спасибо! — он длинно и презрительно цыкнул в снег. — Набери картонок и лезь в мусорный отсек — не замерзнешь. А замерзнешь — вискарика хлопни. До Белорусского довезу, а там и пешкодралом недалеко.

— Правда?! А меня там не задавит, не смолотит в мусор?

— Не боись! Мы там пороссят из Баковки привозили...

Витюше приятно и весело было представлять в темноте, как оранжевая коробка несетя по трассе. Никто и не знает, что он в ней едет по делам. Машину тряслось и подбрасывало. Витюша громко выпевал начало своей грозной музыки и не стеснялся этого, потому что вокруг все грохотало и лязгало. Так хорошо мечталось, как он приедет на праздник, увидит Деда Мороза, встретит добрых из-за праздника людей и они помогут ему позвонить и разыскать Александра, как обрадуется композитор и, может быть, познакомит его с другими композиторами и музыкантами... Только уж очень холодно становилось, и он старался уткнуться вглубь самого себя, в свои теплые праздничные мечты.

Мусоровоз въехал в гигантский автопарк и встал в ряд таких же машин.

Водитель в ярости выскочил из автомобиля и заорал в мобильник:

— Да ты мне уже мозги раком поставила!.. Что?! Да я вообще могу не приходить сегодня, поняла!.. Коза ты драная! Что?! Что слышала!

Витюша затаился в ледяной тьме. Он боялся пошевелиться, так как водитель предупредил его, что он сидел тихо, как мышь в соломе.

Мужчина спрятал телефон, зло осмотрел машину, попинал колесо и задумался. Но снова затрезвонил мобильник.

Виктор с тревогой и надеждой прислушался. Водитель разговаривал с кем-то, наверное, с начальниками и, кажется, ругался.

— Ну и что!? Ну и всё... Ну и всё! — водитель зло сплюнул, сбросил звонившего и, подумав немного, набрал другой номер и другие звуки из своей груди.

— Приве-ет. Я. Не ожидала? Да нормальный у меня голос... Новогодняя ночь полна сюрпризов. Да нормальный, говорю. Ты-то как сама? Ошибаешься. Уже не одна! Не, я серьезно, чё! — Он смачно сплюнул. — И я не один. Вместе мы вдвоем типа... Через час где-то, чё тут. Код подъезда напомни. Куплю. А сыра какого? Точно мягкого? Куплю. Уже.

Водитель прощальным взглядом окинул свой агрегат и спешно, почти впропрыжку, направился к выходу.

Витюша прислушался. Наконец-то тихо. Только мотор отходил от работы, что-то сипело и переливалось в нем, щелкало. Он подождал еще немного и негромко позвал:

— Эй, приехали или нет? Эй, водила, ты где?

Тихие звуки быстро гасли в морозном, темнеющем воздухе. Охнул и затих остывший двигатель.

Витюша зябко поеживался в раскаленной железной пещере. Удивительно: тело сковал холод, но в то же время мучила жажды. Он приложился к бутылке, но стало только хуже.

Новогодний вальс. Глинка, «Фантазия»! — с радостным одобрением узнал Витюша. Ночь, полная огней. Мерцает красавица ель, украшенная игрушками и гирляндами. Взрывы конфетти. В толпе веселых людей Витюша увидел бомжа в костюме клоуна и с бутылкой виски в руке. «Как же так?» — поразился он и вздрогнул, бутылка выскользнула из окоченевших рук, покатилась и звякнула издалека. Он очнулся в какой-то сдавленной тьме. Его туго-претуго, выжимая из крохотных легких последний воздух, пеленала мама. Он бы задохнулся и умер, если бы не заснул.

От накаляющегося мороза продольно скрипнул мусороприемник, и крик этот снова разбудил Витюшу, напугал и вернул в страшную ловушку, где и разогнуться уже не получалось, а холодно было так, что заорать хотелось... Но тут что-то теплое и пушистое коснулось щеки.

— Мурыська! Ты обманула меня! — обрадовался он. — Тоже здесь спряталась. Какая же ты умная!

Мурыська ластилась, грела его жарким пухом, обволакивала и пела свою кошачью песенку. Витюша крепко прижал ее к себе.

— Это же я, твоя мама! — сказал Мурыська. — Ничего не бойся. Хочешь, пойдем со мной?

Витюша дернулся за неё, но что-то не пускало его, тянуло назад. Боясь, что мама уйдет, рванул изо всех сил — без толку. И так страшно ему стало. А потом он почувствовал приближение чего-то светлого и доброго. Кто-то колдовал над ним.

— Здравствуй, Витюшка — стеклянное ушко! — сказал Дед Мороз.

Он бережно распутал его помпончик и освободил колпак.

– А ну-ка, беги домой! – строго приказал дедушка.

Все вдруг стало невесомым. Он с удивлением поднялся, словно бы вспорхнул, и увидел внизу, прямо под собой, скрюченного, всеми забытого человека.

– Это я, – спокойно узнал Витюша.

И тут в одно мгновение все понял.

– А как же музыка!? – вскрикнул он и тут же с трезвой холодностью осудил себя.

Как бы он хотел вернуться и все исправить! Эта страшная минута была последней земной пыткой. Безвозвратно поздно открылась ему личная слабость, фальшивость земного поведения и ненужная уступчивость там, где он мог бы не уступать ради самого главного в себе и в других людях. Он был способен на это. Ведь Бог и душа всегда подсказывали ему правильные чувства и решения. Другие люди просто так, без толку уничтожили его. Ему было так тяжко. Казалось, сейчас разорвется от горя и гнева.

Тут снова что-то дернулось, и он поднялся еще выше.

– Какой-то человек лежит. Кто это? Что это?

И вдруг разом он увидел в многомерных пространствах, как пьяный толстый мужик-байкер из джипа на четвереньках гоняется за хохочущими детьми. Стоя на коленях, толстяк жарко дышал ему в лицо.

Вот водитель мусоровоза сладко обнимается с женщиной в люрексе и замирает, вперившись взглядом во тьму комнаты, будто и вправду увидев кого-то.

Роскошный, богатый мегаполис отмечал ежегодный праздник. Много пьяных, жарких и крикливых людей. Им казалось, что жизнь никогда не кончится, а если и будет что-то страшное, то где-то там, далеко и не с ними, ведь они лучше всех.

Витюша хотел что-то важное сказать им, но робел.

Он увидел Александра, который стоял на сцене огромного зала и благодарили кого-то за награду.

– В этот счастливый день мне бы очень хотелось, чтобы радость признания разделил вместе со мной тот неизвестный бомж, чьи удивительные мелодии я услышал в привокзальной чебуречной.

Он замер и тихо добавил:

– Витюша, может быть, ты меня видишь? Где ты?

Аплодисменты и крики поздравлений.

Витюша увидел заснеженную свалку на окраине города. Все пэтчики сидели кружком во главе с Химозой, важным и трагичным. Даже Мурыська была с ними, она сиротливо жалась к сапогу пьяного, слезливого Шуруповерта.

– Витюша пролетел, – очень точно заметил Химоза. – Помянем обиженно-го.

«Не надо обо мне помнить! Помните о себе! – вот что он крикнул бы каждому в ухо. – Помните о своей последней минуте!»

Серый безрадостный день еще одного нового года. Водитель мусоровоза спешно одевается, ищет, куда бы сплюнуть. Из-под одеяла на него смотрит женщина.

— И шампусика купи. Хорошо пошло вчера. Недорогого, рублей за триста.

— Рублей за триста... Триста. Триста, маму мою! — водитель проглотил слюну и в ужасе посмотрел на тетку.

— Чего ты?

Автопарк. Натужно гудит и стонет промерзший «мерседес». Водитель приоткрыл отвал, заглянул внутрь. Лицо его замерло, взгляд застыл, губы покривились... Но это продолжалось секунду. В следующий же миг он воровато оглянулся и закрыл отвал — только бутылка виски звонко лопнула.

Конечно, Витюша уже не видел этого. Он бежал по хрустальным вершинам все выше и выше. В последний раз земной бутылочный звяк дернулся... Но там, где вершины всегда обрывались, а великие мелодии, уже не зная, как им быть дальше, бессильно замирали над пропастью, там, торжественно и тихо, плеснулся океан такой музыки, в которой звонкая Витюшина капелька вскрикнула напоследок и растворилась без следа.

ДЕВОЧКА И СМЕРТЬ

Маленькая, затерянная в степях деревушка – такие обычно прячутся в лощинах, неподалеку от тракта. Завывает ветер. Скрипят во тьме карагачи. Далекий заунывный лай собаки.

Небольшой домик. В окнах моргает телевизионный свет. Полутемные комнаты. Дверей между ними нет, только занавески. В большой комнате работает телевизор. В маленькой спит Катя. Из-за неплотно сдвинутой занавеси на нее падают синие телевизионные полоски. Катя открывает глаза, садится на кровати – растрепанная голова, испуганное лицо.

В большой комнате мама – сонно смотрит телепередачу «Дом-2».

Катя сидит на кровати. Волосы всклокочены. Лицо искажено страхом, по щекам текут слезы. Она встает и, скрючившись, словно от боли, тихонько пробирается к печке. Пьет воду из ковшика – руки трясутся, зубы стучат о железо.

Мама приглушает звук телевизора, прислушивается. В тревоге поднимается с кресла и крадется на кухоньку. Включает свет, отодвигает занавеску. У печи на корточках сидит Катя – взъерошенная, бледная, чужая.

– Катя! Как же ты меня напугала! Ты че?

Катя захлебывается в плаче и не может начать говорить.

– Хоспади, да что с тобой такое?

Катя вздрагивает, кривит рот и странно смотрит на мать.

– Что?

– Мама, я умираю!

Мать какое-то время смотрит на нее в сонной оторопи.

– Что болит? Живот?! Что? Чего? Скажи ты!

– Нет, мама! Я умру!

Мама в растерянности стоит над дочерью и ничего не может понять. На автомате отходит, краем глаза смотрит на телевизор.

– Да с чего ты умрешь?

– Я проснулась и поняла, что я умру! Я точно знаю, что я умру. Мне страшно!

Катя плачет навзрыд и заламывает руки.

– Так тебе сон, что ли, страшный приснился? Или напугал кто?

– Я умру, умру. Мама, почему я так несчастлива? Я самая несчастная! Я так боюсь!

– Катя, я в три раза старше тебя! Я же не боюсь!

Мать в растерянности ухмыляется и с печальной озадаченностью смотрит на дочь.

– Не в этом дело!
– Пошли-ка во двор, воздухом подышим!

Катя еле двигается. Мать помогает ей накинуть на сорочку длинное пальто. Катя вступает в галошики, а мама в большие резиновые сапоги и, приобняв дочь за плечи, ведет во двор.

Мерцает купол звездного неба. Мать с дочерью стоят у бочки с водой. В ней дрожат звездные кляксы.

– Давай я тебе полью, лицо сполосни.

Мать льет воду из ковшика в ладошки дочери. Та омывает лицо. Взгляд ее свежеет и проясняется.

– Ну что, как, получше тебе? – мать поеживается, ее передергивает от ночной прохлады.

Катя вытягивает вперед руки и смотрит на свои покрасневшие кисти. Пальцы дрожат.

– Мне так жалко мои руки – они тоже умрут! – девочка сотрясается в плаче.

– И пальчики умрут. И я умру!

Она плачет, растягивая рот, испуганно блестя глазами.

– Да с чего ты взяла-то? Ну что за капризы такие, Кать?

– Я точно знаю, что умру. Я умру. Ты не можешь понять!

– Да я вообще в три раза старше тебя... Я же молчу!

Матери и жалко дочь, и в то же время она начинает раздражаться.

– Хорош, Кать. Пойдем домой. Я тебе валерьянки накапаю.

Возвращаются. Гремят посудой на столике. Мать подает стакан. Руки девочки дрожат, стекло стучит о зубы.

– Печку завтра пораньше затоплю, чтоб теплее вставать было.

Женщина укладывает дочь в кровать. Одной рукой гладит ее волосы, другой отодвигает занавеску и смотрит телевизор.

– Я тебе ведро из сеней сюда принесу. Если захочешь, в него сходи.

Смотрит на дочь со страданием и любовью.

– А может, обидел кто? Ты сразу мне говори! Я любого урою!

Катя лежит с закрытыми глазами.

Над домом звездное небо. Лает собака. Проезжает запоздалая машина.

Дом погружен в сон. По комнате проползает свет фар. Катя лежит с открытыми глазами. В них страх.

Мама тяжело спит с пультом в руке. Катя плачет и прижимает зубами кулак, чтобы не закричать. С ужасом смотрит она во тьму.

День. Фельдшерско-акушерский пункт. Бледная Катя сидит на старой советской хирургической каталке. Мама общается с медсестрой, которая одновременно что-то записывает в общую тетрадь.

– И она, прикинь, прямо в «Одноклассниках» написала, типа: «Лютая. Свободна. Бешеный, я твоя! В общем доступе».

– Ну, Самошкина, она со школы такая! – не удивляется мама.

– А помнишь, как пацаны по спине пальцем проводили? Проверяли – носишь ты уже лифчик или еще нет.

– Помню.

Медсестра поднимает глаза на девочку.

– Солнышко, ну ты че? Такая молодая помирать собралась?

Катя хочет что-то сказать, но только икает. Отворачивается к окну. За ним барханы, поросшие тонкими лезвиями овсеца. Стремглав прыгает перекати-поле. Медсестра с серьезным видом рассматривает бумаги.

– Катюх, небось, полкласса пацанов тебя любят, а ты вон че.

Катя рассеянно смотрит на медсестру. Лицо осунувшееся, заплаканное.

– Как в учебе у нее?

– Марь Семенна ее хвалит! Чистописание, дисциплина. Уроки без напоминаний делает.

– Ну тем более, солнышко! Умная, красивая, вся жизнь впереди.

– Но... Не говори.

Медсестра подмигивает маме. Официально прокашливается.

– Итак. Диагностика не показала никаких отклонений в здоровье пациентки. Кровь, сердце в норме! Легкие я послушала. Горлышко посмотрела. Анализы у нее безупречные, хоть пей их, – медсестра подмигивает маме. – Безгрешные, скажем так. Только вес не соответствует росту и возрасту. Ты что, каши мало ешь, Катюх?

– Она за эту неделю схуднула, как другим не помешало бы. Прям чахнет...

У Кати начинают трястись плечи, по щекам текут слезы. Женщины растерянно смотрят друг на друга.

– Та-ань, у меня ФАП, вам еще не по профилю. Ее, похоже, в район надо везти, к психотерапевту. Сейчас такие дети пошли, что лучше свозить. А то мне же по шапке и прилетит.

– Ох, блин, и так уже отгул у Булыгина взяла.

– Ты договорись с Бауржаном. Он каждое утро людей до Бузарово возит. Оттуда на «два вагончика» до Даль-Елецка доедете.

– А направление там, страховка, полис, тоси-боси?

– Это я скажу. Но ты одним днем, типа экстренный случай.

– Слушай, мать говорит, может, ее к бабке сводить?

– Я в эту «Битву экстрасенсов» что-то не верю.

– Ох-ох... А может, и так пройдет?

– Так-то, конечно, пройдет. Вся жизнь пройдет.

Глубокая ночь. Шум ветра за окном. Мама спит. Катя ворочается на кровати. Утыкается головой в стену, водит пальцем по узору ковра и плачет. Лицо ее искажено ужасом.

Мать садится на диванчике. Вынимает из-под матраса кошелек. Копается в нем. Там сто рублей и мелочь. Она встает, осматривает карманы пальто. Поднимает kleenку на столе – там затертыес десять рублей.

Фельдшерско-акушерский пункт. Катя сидит на стульчике за дверью. Слышино, как мама общается с медсестрой.

– Если по «Одноклассникам» судить, одна картина, а в реальности совсем другая, скажем так.

– Оль, зайди триста рублей... Ваше беда какая-то. В район ее повезу. Дорога, лекарства, тоси-боси. Я с алиментов отдам.

– По-хорошему это я вас туда везти должна. Но как тут? Одна «скорая» на пять сел.

– Спасибо, подруга! У Булыгиных свадьба. Так что день-полтора у меня точно есть.

– Да ты что?! Рапунцель замуж выходит? Ой, не могу, за кого?!

Слышен общий раскатистый смех. Катя сидит с поникшим видом и смотрит в дальнее оконце. Степь, ветер, перекати-поле.

Небольшое строение станции, первый этаж кирпичный, второй – деревянный. Надпись: ЗАПАДНО-КАЗАХСАНСКАЯ. УРАЛЬСКОЕ. БУЗАРОВО. Полутемное помещение, два ряда старых отполированных сидушек. В углу бак, из краника в таз капает вода. Окошко кассы. Внутри неразборчивые переговоры по рации. Слышино, как проносятся поезда – глухо, будто из-под слоя ваты. Две тетки в углу грызут семечки. Под трубой батареи лежит бездомный пес. Когда кто-то входит, ужасно визжит дверь. Катя сидит рядом с мамой. Мама спит глубоким сладким сном. Визжит дверь, и Катя видит дедушку неряшливого вида. Он подходит, внимательно осматривается и шепотом обращается к Кате.

– Здравствуй, доченька.

– Здравствуйте.

– Ты не против, я тут присяду?

– Садитесь. Тут много места вообще-то.

Дед присаживается на сидушку наискосок. Внимательно посматривает.

Мимо станции пролетает товарняк.

– Доченька, прости, чего же ты печальная такая?

– Мы с мамой «два вагончика» до района ждем.

– Это я и так понял. Вы не в больницу ли собирались?

Катя грустно кивает головой.

– Ох, и я туда же. Чем же ты захворала, маленькая?

Катя смотрит на него. У старика располагающее лицо, добрые, внимательные глаза.

– Я не знаю, дедушка.

– Интересный случай. Ну а доктору что скажешь, голубушка? Они сейчас строгие, занятые.

Катя с мучением в лице смотрит на деда и вдруг решается открыться ему.

– Скажу, что умру.

Старик печально качает головой. Кате нравится его внимательный взгляд и серьезное участие – ни смешишки в его бородатом лице.

– Умереть боюсь. Вот.

– Так-так… Ничего не болит, а ты смерти боишься?

Катя кивает головой. И удивляется волнению старика, будто ему дышать тяжело.

– Что с вами?

– А то, что, когда я был в том же возрасте, что и ты сейчас, я тоже боялся смерти.

– Правда?!

– Ух, как я боялся, что умру. Вот ни с того ни с сего! Ночами не спал. Все дрыхнут, а я плачу лежу. Кошмар. Дети днем играют, а я слышу их крики радостные и думаю: вот же счастливые, играют и не знают, что я умру.

– И я точно так же, дедушка. И у меня так же!

– Но тебе повезло больше, чем мне.

– Чем?

– Тогда, в детдоме, некому было сказать: «Не бойся, мальчик, ведь есть Бог. Он тебя любит и оберегает». А тебе-то чего тогда бояться? Подумай. Тем более что смерти вовсе нет. Есть душа бессмертная и Бог. Душа тут временно живет, – старик прилежно и уверенно стучит кулаком по груди. – А тебе наоборот, здоровое тело лечили. Анализы, небось забирали всякие?

Катя усердно кивает головой.

– Запомни, доченька, не думай, что я старый дурак, Бог любит тебя. Оберегает и не допустит, чтоб ты умерла. А сильнее его и нет никого. Так чего же тогда бояться в этом мире?

– Так неужели Бог и вправду есть, дедушка?

– Вот ты муравей!

– Почему это?

– А представь, муравейчик стоит на самом верху муравейника, смотрит снизу вверх на во-от такой листик былинки и удивляется: да неужели человек есть? Не может такого быть? Есть только я, муравей, и все мне позволено! Так же и человек.

– Но как же Бог один, а нас много? Как он даже меня в деревне Линевка, вот в таком маленьком домике, может ночью отличить и защитить?

Старик вздыхает с некоторой растерянностью.

– Ты, наверное, не знаешь, что такое Джи Pi Эс навигатор?

– Не знаю, дедушка. Мы географию еще не проходим.

– А это просто, в космосе болтается на орбите спутник и отслеживает миллионы машинок на земле, связанных с ним. Женским голосом дорогу им подсказывает, говорит, где авария, пробка или ремонт. И даже если ты в глухой степи заблудился, спутник этот тебя отследит и дорогу укажет. То есть одна железячка другую видит и помогает ей. А ты думаешь, что Господь Бог не сможет живого человека отследить, помочь ему, сберечь и на путь истинный направить?

– Может... А что же надо делать, дедушка, чтобы в него верить?

– Верить. Знать, что он есть, и никого и ничего не бояться.

– Умным быть.

– А-а, ум – дело десятое. Крысы тоже умные... За добро стоять, за справедливость, мир этот любить.

– Хорошо, дедушка. Я поняла.

Задумавшись, вспоминает, что хотела еще что-то спросить.

– А почему же я умереть забоялась?

– Ну это ты, как и я. У меня вот бабушка того, к Господу отошла. Потом детдом... Понимаешь, мы с тобой тело свое осознали, наличие и бренность его. Ох, еще и намучаешься ты с ним! Надоест даже. А жить будешь столько, что аж сама устанешь. Будешь старенькая говорить: «Ой, устала уже, когда же я к Господу отойду? Надоели вы мне все тут. Ничто мне не в радость, пошлость одна окрест, хочу душой своей взлететь к духу вечному».

Катя смеется.

– Вот ты смеешься, а я тебе чуть не забыл главный секрет сказать.

– Скажи, дедушка, пожалуйста.

– Тебе страшные сны снятся? Такие, что аж, кажется, умрешь, какие они страшные.

– Снялся.

– А вот неверующие люди даже умирают во сне от страха. Задыхаются, и сердце так обмирает, что забывает, как дальше идти. А все лишь потому, что они заветной формулы не знают.

Катя слушает затаив дыхание.

– Всего-то навсего надо произнести: «Господи! Спаси и сохрани!» Даже во сне за эту формулу держись божественную. И все ужасы от тебя, как дым, отлетят. И так же, если страх смерти приходит. Я вот в детдоме был один. И некому было сказать тогда, что я не один, в какой бы пустыне ни находился. Ах, голубушка моя, так мне горько за того мальчика.

– Горько...

– Господи, спаси и сохрани! Вот и все. Запомнила?

Катя кивает. Задумчиво улыбается и смотрит в окно.

Пролетает, длино приседает и ухает товарняк. Громкая сирена тепловоза. Вскакивает мать, еще не очнувшаяся от сна. Отирает подбородок от протекшей слюны. Дико озирается.

– Мама! Тут дедушка такой волшебный был... – Катя растерянно озирается.
– Только где же он?

Деда уже нет.

– Где? – мать хлопает себя по бедру. – Сумка моя где?!

– А?

– Ну! Ну ни на минуту нельзя расслабиться!

Мать заполошно озирается, ищет сумку, ее нет.

– Там же яйца с хлебом, носки мои... и полис, мать ее за ногу, твой! Как мы теперь в больницу попадем?!

– Мама, кажется, не надо уже никуда.

– И сто пиисят рублей... Ой я дура!

Слышен шум поезда за окном, сирена тепловоза. От ветра хлопает входная дверь, будто кто-то невидимый вышел.

Звездный купол над маленьким домиком. Шуршит карагач. Словно экзотическая птица, вскрикивает сова.

Мама спит с пультом в руке. Возле диванчика арахисовые орешки и баночка с энергетическим напитком. На стульчике каталог «Орифлэйм».

Катя лежит на кровати. Спокойным и ясным взором смотрит она во тьму ночи.

Андроник
РОМАНОВ

Андроник Романов

Родился в Казахстане. Закончил Литературный институт им. Горького (семинар Ю. Д. Левитанского). Публикации в журналах «Новый Мир», «Знамя», «Октябрь», «Дружба народов», «Литература», «Дети Ра», «Новый Свет», «Сибирские огни», «Плавучий мост», «Простор», «Текст.express», «Новый Берег», «Дирижабль», «Нижний Новгород» и др. Стихи и проза переведены на английский, французский, арабский и др. языки. Автор четырех книг. Лауреат: XV Международного Волошинского конкурса, IV Международного фестиваля-конкурса «Русский Гофман» и др. Финалист литературных премий «Нонконформизм», «Русский Гулливер» и др. Основатель и Главный редактор (2014-2019) журнала «Литература». Автор издательств «Эксмо», «ACT», «Рипол», «Русский Гулливер» и др.

КЛАДБИЩЕ НАСЕКОМЫХ

Вода из-под крана пахла железом. Умываться не хотелось, но это был верный способ окончательно проснуться. От высокого мутного окна тянуло сыростью. Если бы не фрагмент зеленого сквера, случайно попавшего в дождливый пейзаж с бетонной девятиэтажкой и неторопливым грязным автобусом, можно было подумать, что лето кончилось, так и не справившись с затянувшимися майскими холодами. Но вся эта унылая, плывущая по стеклу августовская акварель настроения не портила. Троллейбус у расплывшейся в каплях остановки, стайка бегущих к нему пешеходов с крошечными порхающими зонтами, и даже этот общий сортир с похабными стишками на измазанных дермом дверях – были частью моей новой московской жизни. Реликтовые переулки, памятные доски на домах, литературные вечера в мрачных, похожих на номера дешевых гостиниц, комнатах общежития теперь уже моего, нашего Литературного института. Все это казалось важным и кружило голову круче, чем самопальная водка из ларька напротив.

Я наклонился над раковиной, набрал полные ладони воды и, задержав дыхание, бросился лицом в обжигающий холод, расплескавшийся тут же по моей футболке. Жесткое вафельное полотенце пахло плацкартом. Махровое, сложенное в целлофановый пакет мамой, я забыл дома – торопился – и теперь было немного стыдно за то, что не сдал это с остальным постельным бельем месяц тому назад на подъезде к Казанскому вокзалу.

В коридоре было пусто. Из кухни пованивало горелым, что-то шкворчало и потрескивало, забытый на плите чайник громко полоскал горло крутым кипятком. Я толкнул дверь комнаты, которую вот уже неделю делил с приехавшим поступать на заочку питерским неоанархистом. Так он представлялся везде, где оказывался, перетаскивая внимание на себя и меняя формат любого собрисца, любопытных до всего неформального, абитуриентов с неуклюжих пафосных самопрезентаций на странные, пересыпанные оксюморонами, разговоры об афганской войне, новом осевом времени, необходимости евгеники и глобальной социальной революции. Как-то за бутылкой перцовки он убедил меня издавать с ним журнал.

Широко расставив короткие ноги, сосед стоял у окна, рассматривая на просвет нарисованный мной накануне эскиз обложки.

– Ну, что думаешь? – цепляя за гвоздь полотенце, спросил я.

– Смущает бумага в клетку.

— Это эскиз.

— Слушай, а ведь охеренно... Давай так и сделаем. А? Обложка на тетрадном листе. Застилизуем. Название — чистый панк. “Нампохер”... Начинать нужно с жесткого эпатажа.

— Мне больше нравится “Sie Kommen”. Хотя бы со смыслом, — я плюхнулся на кровать.

— Ты, млять, в России или где?.. Мы делаем последний в этой стране самиздатовский журнал. Он должен быть безбашенный. Хомо спиритуалис против хомо сапиенс. Тигры против ежиков! Будем эпатировать обывателя... Зыры! Я тут придумал новый жанр. Типа такой тематический хайку. Называется хуйку. Зацени:

Нежным своим язычком
Сок собираешь со стебля,
Нежная пчелка моя.

— Стебля? — усмехнулся я.

— Ага! Заметил? Гениально, да?..

— Тыфу на тебя, Голицын. Зачем тебе такая фамилия с такой дурной башкой?

— Это не дурь! Это новая эстетика. Ты не вкуриваешь, Пердяев...

— Не Пердяев, а Бердяев! — расхохотался я.

— Один хрен... Стоп! Сколько времени? Мля... У меня ж сочинение через полчаса... Все! Я полетел. Ты в общаге будешь?

— Только к Нике на пятый. Слушай, ты уверен?..

— Давай потом. Не успею.

— Тапки!

— Что тапки?.. А, блин! Так бы и ушел.

Голицын остановился в прихожей, с разворота запустил правым тапком через всю комнату в письменный стол, скинул левый, влез в кроссовки, взялся было за дверь, но та распахнулась сама.

— О! Ника! Привет!

Ника получила звонким поцелуем по левой щеке, но правую подставлять не стала. А Голицын крикнул уже из коридора:

— Не балуйтесь там без меня!

— Привет. Кофе хочешь? — я встал, заглянул под крышку одиноко стоявшего на подоконнике чайника. Воды в нем не было. — Ты чего такая? Заходи.

— Андрюш, что теперь будет?

Ника присела на край голицынской кровати.

— Что случилось?

— В смысле? Ты не в курсе?

— В курсе чего? — я достал из шкафа пару чашек и, прихватив чайник, направился к двери.

– В стране переворот!

– Да ладно! – я остановился.

– Утром в новостях по всем каналам. В связи с невозможностью по состоянию здоровья... Приемник бы купили, что ли... Все! Понимаешь? Пойдем в комсомол, сука, стройными рядами. П...ц! Че ты ржешь?

– Что ты прям... Как матрос, прости меня, честное слово...

– Ты меня слышишь? Это все серьезно!

– Мы тут с Ваюськой как раз самиздатовский журнал начали, – сказал я, чтобы хоть что-то сказать. – Знаешь, как называли? "Нампхер". В одно слово.

– Вот никогда, блин, не понимала твоего пофигизма! Надо что-то делать!

– А что тут сделаешь? Стихия.

– Слушай, поехали в центр!

– Поехали. Но сначала...

Я постучал чашкой о прокопченный бок чайника.

– Тебе с сахаром?

*

– Приятно на вас смотреть, у вас антисоветские лица, – стариk протянул Нике книгу. – Это вам. "Новые стансы к Августе". Любите Бродского?

– Спасибо.

Ника растерянно посмотрела на него сверху вниз, взяла книгу и, не взглянув на обложку, стала запихивать темно-синий томик в свой сшитый из старой джинсовой куртки рюкзак.

– Решительная девушка, – попытался я извиниться за Никину бесцеремонность, но стариk, улыбаясь, только махнул рукой.

– Нам выходить, – буркнула Ника и потянула меня к выходу. – Всего вам доброго!

– Нифига себе, – заговорил я, когда мы протиснулись к стеклу с покалеченной надписью "Не прислоняться". – Ты знаешь, что это за издание?

– Я не люблю стихи. Тем более Бродского. Можешь забрать.

– Слушай, какое-то знамение, честное слово. Конец света.

– В смысле?

– Букинист раздает раритеты. В метро. Сюжет для...

Ника меня не слушала. Она смотрела на змеящиеся ленты кабеля в темной стене перегона, нервно прикусывая нижнюю губу.

– Ну, что? Готов? – спросила она, когда в окна вплыли ажурные медальоны "Белорусской". – Переходим и – к первому вагону.

Поезд остановился. Ника тут же, будто боясь, что я передумаю, ухватила меня за руку и повела к переходу на кольцевую. Вверх, налево, мимо бронзовых

комсомольцев и бородатого купчины с огромной клешней, мимо похожих на толстые световые мечи плафонов, вниз, к задремавшей в аквариуме эскалаторщице, по мраморной лестнице под гипсовую геральдику арочного потолка станции “Белорусская Кольцевая”.

– Значит, договорились? – сдвинула тонкие брови Ника, как только в черном проеме тоннеля показался прожектор. – Ты в вагон, я к машинисту. На следующей выходим.

Поезд поравнялся с нами и, скрипнув гидравликой, остановился. Ника отдала мне рюкзак и забарабанила ладошкой в темное стекло, дверь приоткрылась. Она что-то сказала – что именно, я не рассыпал – и ее впустили.

Когда поезд вошел в тоннель, Никин голос задрожал в глуховатых динамиках вагонов:

– Граждане России, в стране произошел государственный переворот. Президент Российской Федерации Борис Николаевич Ельцин призывает каждого из нас встать на защиту свободы и суверенитета нашей родины. По всей стране идут забастовки и митинги. Пришла и наша очередь! Присоединяйтесь к защитникам Белого Дома! Тысячи людей уже там! Они ждут вашей помощи! Мы должны отстоять законно избранное правительство, отстоять демократию! Не дайте коммунистам вернуться к власти!..

Пассажиры оживились. Меня колотило от гремучей смеси ужаса, возбуждения и внезапной гордости за интеллигентную скромницу Нiku, не умевшую прежде толком постоять за себя.

Раз за разом история повторялась: она к машинисту, я в вагон. Заметив на платформе милицейский наряд, мы смешивались с толпой, уходили переходами, поднимались наверх и, дойдя до ближайшей станции, спускались снова.

На Тульской Ника вдруг повернула назад. Я оглянулся и увидел бегущего по платформе милиционера. Мы влетели на эскалатор как пара гончих и понеслись наверх, не столько напуганные, сколько возбужденные погоней, которую с самого начала боялись, и которой нам так не хватало два с половиной часа нашей отчаянной контрреволюционной деятельности.

– Что? Сдал? – спросил я, когда мы, пробежав приличное расстояние, оказались в сыром, пропахшем плесенью подъезде.

– Предупредил. Оказывается, нас уже ищут, прикинь. Давай автобусами. Куда поедем?

– Ну, куда… Куда звал! – усмехнулся я. – Сначала в магаз. Жрать хочу. И кофе. И курить.

– У меня есть, – Ника достала из кармана пачку “БГ”.

*

— Смотри! Васька... — Ника дернула меня за рукав так сильно, что тяжеленное, разбухшее от дождя бревно выскользнуло из рук и больно ткнулось торцом в грязный носок кроссовка.

— Б...! — сморщился я.

— Вась! Василий! — закричала Ника и побежала к Голицыну, смешно петляя между защитниками демократии, которые как муравьи тащили в кучу все, что было плохо прибито, приварено или вкопано в землю.

Васька стоял на одной из вершин этой кучи, и, балансируя на качающейся перевернутой скамейке, помогал бородатому мужику втащить на склон баррикады вырванный с корнем дорожный знак “остановка запрещена”.

Услышав Нику, Голицын выпрямился, широко улыбнулся, подался вперед и ловко, в два прыжка, оказался на втоптанной в жидкую грязь траве газона.

— Эй! Осторожно! — парень в камуфляже загородил собой оператора, на которого Васька чуть не налетел.

— Извини, брат... Ника!

Ника добежала до Голицына и повисла у него на шее. Хромая, я подошел следом.

— Что это с ногой? — Ника тут же забыла о Голицыне.

— Ты уже типа ранен? — ухмыльнулся Васька.

— Бревно уронил, — я постарался улыбнуться.

— Давно вы здесь?

— Часа два.

— Расскажи ему, как мы звали сюда народ, — защебетала Ника. — Прикинь, мы после Манежки спустились в метро, я просилась к машинистам, а Андрей ехал в первом вагоне. Звали народ по громкой связи. А потом за нами менты гонялись.

— Крутой! Кто придумал?

— Она, — кивнул я в сторону Ники.

— Молодца! Пойдем, я вам тут все покажу.

Голицын взял Нику за руку.

— Слушай, как мне попасть внутрь? — остановил я Ваську. — Мне нужно позвонить в редакцию. Сделаем материал, поднимем шум на полстраны. Помнишь, я говорил, я работал в республиканской...

— Отличная идея! — перебил меня Голицын. — Пойдем, я проведу. Ник, подождешь здесь? Только никуда не уходи. Ладно?

Широкоплечий парень, которому я показал бордовое удостоверение с крупной надписью “Пресса”, хохотнул, увидев название газеты:

— “Ленинская Смена”, говоришь? Ну, проходи, “Ленинская Смена”. Никита, проводи товарища к телефону.

По длинному коридору мы с Никитой дошли до крохотной пустой приемной какого-то мелкого чиновника из тех, кому по штату положена секретарша. Никита заглянул в кабинет, тут же прикрыл дверь и повернулся ко мне:

– Подожди, там занято. Обратно дорогу найдешь?
– Найду, спасибо.
– Давай.

Никита ушел. Я потоптался на месте, уселся на короткий кожаный диван и только тогда почувствовал как устал за весь этот безумный день. Окна в приемной не было, тусклые потолочные плафоны делали чиновничий предбанник по-казенному мрачным. Немного света добавлял стоявший в углу – у правого подлокотника дивана – металлический торшер со стеклянной чашей, на дне которого было настоящее кладбище насекомых. За матовым стеклом угадывались их скрюченные силуэты.

Минут через десять из кабинета вышел толстый человечек в помятом сером пиджаке, глянул на меня, и, ничего не сказав, двинул в коридор.

Я тяжело поднялся, вытащил из кармана записную книжку, нашел номер и пошел в кабинет. Внутри было неуютно. Стол, шкаф, большое кожаное кресло, портрет Горбачева на белой стене, как и положено – напротив входа. Я подошел к столу, снял трубку и набрал номер. Представил, как скажу Лизе: “Привет, я звоню из Белого Дома”, как она побежит звать Игоря Иваныча, и шеф обязательно переспросит: “Откуда-откуда? Из Белого Дома?”

Но мне не ответили. Я сбросил вызов, набрал номер еще, а потом и еще раз. В дверь заглянул Никита:

– Ну что? А то тут...
– Не дозвонился, – сказал я, положил трубку и пошел к двери.
Настроение было паршивым.

*

– Бутерброды.

Голицын протянул нам с Никой по тонкому, завернутому в пищевую пленку, бутерброду с колбасой.

– Там, – он махнул рукой в сторону, откуда пришел, – наливают кофе.
– Что говорят? – я развернул бутер до середины, чтобы не испачкать его липкой, въевшейся в пальцы грязью.
– Ждем штурма. Горбачев жив. Говорят, в Крыму под арестом. Таманская дивизия перешла на нашу сторону.

– Скорей бы все это кончилось, – я скатал оставшуюся от ужина пленку в шарик. – Сейчас бы в койку. Наши уже спят. Сколько времени? Часы есть у кого?

– Часа четыре, наверно... Садись ко мне. Тут есть место, – Ника отодвинулась.

Места на куске фанеры, на котором сидела Ника, завернутая Голицыным в принесенный откуда-то “оттуда” плед, оказалось много. Но не настолько, чтобы я не почувствовал ее запаха с легким привкусом земляничного мыла.

– Сигареты остались? – спросил я.

– Так ты последнюю и выкурил, – повернулась ко мне Ника. – Лезь под плед, погрейся.

– Махру будешь? – Васька достал из кармана надорванную пачку махорки и протянул мне.

– Давай, – я отщелкнул в темноту пленочный шарик, оглянулся по сторонам, наивно надеясь увидеть в каком-нибудь углу подходящий для самокрутки сухой лист бумаги.

На бетонных плитах площади среди стоящих группами и шатающихся по одиночке людей валялись только мокрые газеты и обрывки потемневшего от влаги картона.

Я достал из кармана блокнот, аккуратно вырвал последнюю страничку, свернул козью ногу, всыпал в нее щепоть васькиной махры и закурил. Первая же затяжка разорвала горло кашлем. Похочатывая, Васька хлопнул меня по спине ладонью:

- А ты как хотел?.. Это тебе, брат, не ваша Болгария... Слушай, ну расскажи, что ты бычишься? Дозвонился?

- Дозвонился.

- Статья-то будет?

- Не будет никакой статьи.

- Может, ты не объяснил как надо?

- Как надо?! - сорвался я, - Все я объяснил!

- Ну, не знаю, - растерялся Голицын, - Вон как Ника. А топорятались, сука, как кроты сидят, ждут кто кого.

- Я не хочу об этом. Ника права. Сейчас самое время - все это поменять. Надо.

- Надо. Но, видишь ли какое дело... - Васька присел на корты, - Все эти люди - это не Россия. Девяносто процентов пойдет за Янаевым... Минимум. Здесь демократия - экзотика. Помитинговать и - жить, как жили... Для русского человека бунт важнее свободы. Вот, что... Как думаешь, что будет, если победит Ельцин? Давай, гипотетически.

- Ну-у, завел шарманку... Шанс будет на демократию.

- Ну, да... Будет... Откуда ей взяться? Ельцин - секретарь ЦК. Все они - и эти типа демократы и те, кремлевские, все, млять, внуки лысого дедушки. Бывшие комсомольцы. У них вот здесь, - Васька постучал пальцем по лбу, - одна программа. Тут зона комфорта - диктатура. Ты слышишь? “Зона”, сука, “комфорта”! Пиздец!

- Ну не собирай. Это устойчивое выражение. На всех языках...

- Да-да... На всех... Только по-русски с гулаговским душком... Это же словесие власти. Там советские чиновники и гэбисты в третьем поколении. Они никуда не денутся, брат. Я тебе скажу, что будет. Диктатура номенклатуры. Вот, что будет. Вот увидишь.

- Если ты так уверен, зачем ты здесь?

- Хороший вопрос.

Я повернулся к Нике:

– Твое счастье, что она спит. Она бы тебе сказала.

– Мне бы вашу веру, ребятки... Все дело в правде. Правда, она, понимаешь, как свет в конце тоннеля. Ладно!.. Живи одним днем, как говорится... Вон, как эти, – Васька кивнул на выпавшую из контекста парочку целующихся подростков. – Хиппи, блин, цветы жизни.

Голицын поднялся и, задрав голову, подставил лицо начинающему дождю. Спину мне согревала спящая Ника. Я смотрел на плывущие за набережной огни и думал: жить бы с ней где-нибудь далеко-далеко у моря, родить ребенка, писать длинный роман о чем-нибудь небанальном...

Абрис домов напротив сложился в контур виденного мной в детстве Охотского побережья: выброшенный на камни баркас, темный морской горизонт перед самым рассветом... И будто краешек солнца, вспыхнуло и расплылось, как в замедленной съемке, большое огненное пятно на противоположной стороне набережной, и тут же, вместе с глухим ударом выстрела из стоявшего там Т-90, взорвался верхний угол правого торца Белого Дома. Куски бетона вперемешку с осколками полетели на разбегающихся людей. Слева и справа затрещали автоматные очереди.

– Подъем! – Васька стоял рядом. – Ходу, ходу!

Я вскочил, подхватил Нику.

Непонятно было, куда бежать. Силовики штурмовали фасад. Казалось, волна атаки захлестнет здание и сомкнется где-то прямо перед нами.

– К набережной! – крикнул Васька.

Это было полным идиотизмом – бежать по открытому лестничному спуску навстречу стреляющему прямой наводкой танку. Не успел я решиться, как впереди нас оказались те самые подростки. Парень удирал, не оглядываясь. За ним, отставая все больше и больше, бежала, раскинув руки, его маленькая подруга. Первым подстрелили мальчишку. Сначала показалось, что он споткнулся. Девчонка, смотревшая все время под ноги, налетела на него и покатилась вниз.

– Снайпер! – закричал Васька. – Разделимся! Бегите! Вы вместе! Не оставляйся!

Я схватил Нику за руку. Бледная, она больно сжала мою ладонь.

Рванули вниз. Голицын – забирая вправо, мы – влево, к мосту. Я сразу понял, почему он выбрал именно ту сторону. Наша была освещена хуже, и впереди, у самой дороги, стояли деревья, за которые можно было уйти с линии огня. Васька петлял, не давая снайперу прицелиться, но убежать далеко не успел. Подбитый, он с размаху, плашмя ударился о бетон.

Когда до деревьев оставалось несколько метров, Ника вскрикнула, и, выпустив мою руку, схватилась за живот. Под ее ладонью расплывалось темное пятно. Я подхватил ее, обнял, прижал к себе, пытаясь удержать, но она потеряла сознание... Горькая тупая обреченность накрыла меня.

Я поднял Нику на руки и медленно пошел по дороге.

Правда – она как свет. Так и есть, Васька. Так и есть. Как свет для тех мотыльков...

Что-то с силой ударило меня в левый бок. Дорога перевернулась, я ткнулся головой в асфальт и открыл глаза.

Надо мной стоял Голицын:

– Вставай! Все веселье проспишь. Кажется, началось...

РОДИНА

«Вот, суки!» – думал Гордеев, разглядывая почерневшую от гангрены ногу, напечатанную под дурацким предупреждением на прежде бело-черно-желтой упаковке его любимой «Коибы». – Подать бы на вас в суд...» Открыв пачку, он не стал выбрасывать отрывной лепесток фольгированной упаковки, сложил его вдвое, провел по месту сгиба ногтями, расправил, аккуратно разорвал на две половинки, и сунул их под оберточную пленку, спереди и сзади так, чтобы они закрывали уродливую глупость отечественных мракоборцов.

«Аруба» оставалась чуть ли не единственным подпольным заведением, где все еще можно было выпить чашку хорошего кофе с хорошей кубинской сигаретой или хороший виски с хорошей сигарой – это уж по желанию и достатку. Правда, курить здесь можно было только купленное в баре. Гордеев курил Cohiba. Они напоминали ему любимые в студенчестве «Лигерос», прозванные за крепость «смертью под парусом», французский «Житан» без фильтра, и – добываемый в буфете кубинского посольства за тогда еще советские копейки, изысканно-ядерный «Партагас». В них была заметная доля крепкого сигарного табака, очищающего процесс от пошлости ширпотреба. Каждая затяжка напрягала горло и дурманила голову тем самым неповторимым ароматом. Именно здесь хотелось цитировать Хемингуэя, называться афисионадо, разбираться в абсенте и прочих благородных ужасах любителей здорового образа жизни, одержимых и потому задевавшихся законодателями и теперь истребляющих все, что не радуется зелёному салату и свежевыжатому сельдерею.

До встречи оставалось полчаса. Гордеев пришел в «Арубу» заранее, чтобы посидеть-подумать, хотя ещё утром решил: надо соглашаться. Перспективы, конечно, туманные, но они хотя бы есть. А здесь – «Раша из Раша» – новый шеф упражняется в слабоумии, лезет во все дырки, хотя ни черта не понимает ни в проектировании, ни в производстве, а все их яйцеголовое КБ ему кивает, мол, мы-то знаем вас – комитетчиков, рано или поздно каждый пакует чемодан и переезжает в место потеплее. Назвать новое изделие «Пустырником» мог только клинический идиот... Обидно... «Обидно, – думал Гордеев, – что не уехал, когда

звали. А сейчас какое там Токио, в Палангу не выпустят: “Сиди, Гена, рисуй, работай, Гена...”» Была шальная мысль все бросить и пропасть, уехать. Но куда тут уедешь? Все, что не Москва и не Питер – глушь. Был бы помоложе – лет на двадцать – записался бы в торговый флот матросом и до ближайшего заграничного порта... Гордеев усмехнулся: «Кому ты там нужен?» И вспомнил Марка. «Хотя... Может, и нужен». И посмотрел на часы.

Марк. Такие тысячами, сотнями тысяч идут по улицам городов, едут, стоят в пробках, переминаются в очередях у касс супермаркетов, листают «Фейсбук» в вагонах метро, те, которые – типичные – футболка, джинсы, кроссовки: увидел, отвернулся, забыл. Единственная деталь – очки. Очкариков мало. Снимет и станет невидимым.

Он появился в «Арубе» на прошлой неделе. С порога направился к барной стойке, окликнул бармена, заказал пятьдесят текилы, расплатился, взял стопку и повернулся к залу. Перехватив взгляд Гордеева, он приподнял стаканчик, выпил и тут же пошел к выходу. Это было странно, потому Гордеев его и запомнил.

На следующий день очкарик появился снова. На этот раз у барной стойки с большой кружкой пива, выглядывал свободное место в зале. Заметив Гордеева, он приветливо улыбнулся. В ответ Гордеев жестом пригласил его к себе за столик.

– Марк! – протянул руку очкарик.

– Геннадий.

– Что вы сегодня курите? – Марк уселся напротив Гордеева и жестом подозвал официанта.

– Я как всегда, – Гордеев кивнул на лежащую на столе открытую пачку «Каибы».

– А я люблю экспериментировать, – Марк хищно улыбнулся, взял из рук подошедшего официанта сигарное меню, открыл и ткнул в него пальцем. – Вот это. «Боливар». Пачку. И... – в ход пошла винная карта, – «Олтмор». Двенадцать лет. Сразу бутылку.

– Извините, «Олтмор» нет, – официант поджал губы. Стало казаться, что ему действительно жаль. – Могу посоветовать «Балблэр» девяносто девятого года.

– Вот этот? – Марк повернулся к официанту винную карту.

– Да, – кивнул официант – Очень хороший виски.

– Вы не против «Балблэра» девяносто девятого года? – спросил Марк Гордеева.

Гордеев слегка смущился. Он не привык знакомиться вот так — наотмашь, тем более схода пить, но раз уж сам позвал, то почему бы и нет. Чисто символически.

— Да. Вполне.

— Отлично, — Марк повернулся к официанту. — Неси «Балблэр». И еще... «Камаро» и что-нибудь на закуску. Мяса.

— Могу предложить куриные грудки, запеченные под пармезаном, — официант достал крохотный блокнотик.

— Хорошо, — согласился Марк. — Два.

— Две порции?

— А я что сказал? Два. И «Камаро».

— Я записал. Могу забрать меню?

Официант ушел. Марк вынул из внутреннего кармана пиджака айфон, достал из штанов зажигалку и положил их аккуратно около салфетницы.

— Я пью виски по-ирландски. Не понимаю, как можно разбавлять его колой.

— Да, — согласился Гордеев. — Лучше закусывать, чем разбавлять... Часто здесь бываете?

— Третий, по-моему, раз. Приятель привел. Хорошее секретное место, — Марк улыбнулся.

— Те, кому надо, о нем знают, — сказал Гордеев. — Это как бы достопримечательность. Сюда приходят интуристы. Вот и не трогают Я знаю хозяина. Он такой стопроцентный кубинец. Остался в Москве после универа.

— Все запретное манит, как говорят. Это хороший маркетинговый ход. Смотрите, сколько народа.

— Как обычно...

— А вы всегда на этом месте?

— Я его бронирую.

— О, так можно? — Марк изобразил удивление.

— Как в любых ресторанах.

— Отлично. Надо записать телефон.

— Я дам.

— Давайте, — Марк взял в руки айфон.

Гордеев нашел в телефоне номер «Арубы».

— Готовы записать?

— Да.

— Девятьсот пять...

— В начале плюс семь?

— Да, — Гордеев повернул телефон экраном к Марку.

Марк записал номер.

— Спасибо. Буду знать. В августе приеду в Москву с женой. Хочу показать ей это место.

— Я так и понял, что вы не местный.

— Это так заметно? Не тяну гласные?

— Типа того.

Марк усмехнулся:

— Я родился в Иерусалиме. Отец при Брежневе эмигрировал в Израиль, потом в Штаты.

— Никогда бы не подумал. У вас отличный русский.

— Это все мама.

— Значит, вы интурист?

— Не совсем. Я два года уже работаю в России, в Петербурге. Я и моя жена.

Она русская.

— Питер шикарный город.

— Только очень холодный. Особенно зимой. Сырость... А вы отсюда?

— Да. Родился в Замоскворечье. Вы позволите? — Гордеев достал из пачки сигарету.

— Конечно. А можно мне ваших попробовать?

Гордеев протянул пачку.

— А вот и наш «Балблэр», — Марк кивнул в сторону приближающегося официанта. — Мне Москва больше нравится. Но у боссов свои планы.

— Чем занимаетесь?

— Сырье. Лес, нефть, — Марк закурил. — Всего понемногу. Вывозим ваше богатство. А вы?

— Я инженер.

— Хороший инженер?

— Ну, не знаю. Вроде не жаловались, — чиркнул зажигалкой Гордеев.

— Технарь, значит... Да-а, хороший табак, — Марк положил сигарету в пепельницу, взял в руки бутылку. — Вы уж простите мою бесцеремонность. Поговорить не с кем, а умного человека, как говорит моя мама, видно за версту. Давайте за знакомство.

Марк налил виски в бокалы. Подняли, чокнулись.

— Лехаим, — Марк пригубил. — Ммм... Не обманул-таки халдей. А?

— Да, неплохо.

Гордеев отпил и поставил бокал на стол.

Бархатное тепло приятно обожгло горло, вкус виски смешался со вкусом табака.

– Не думаете переехать насовсем? – спросил Гордеев.

– А вы? – улыбнулся Марк, приподнял голову и выпустил пару колец дыма.

– Где родился, там и пригодился.

– Этому вас тоже мама научила? – Гордеев затянулся сигаретой.

– Это я сам, – хохотнул Марк. – Слушайте, я тут у вас чуть не сел. Серьезно! Прилетаю в Питер, мне на паспортном контроле говорят: «Это не вы». Молодая девушка смотрит в мой паспорт и говорит: «Это не ваша фотография». Представляете? Вызывала офицера. Я у окна стою как идиот, они двое напротив. Сли чают с оригиналом. Я на том фото с усами. Я палец к губе приложил. «А так?» – говорю... Ну что вы смеетесь? Это страшно. Отправят в Сибирь снег убирать, и родная мама не узнает где ее лял Марки. И знаете что? Знаете, чем кончилось? Я им показал мой аккаунт в «Фейсбуке». Мои фото. Маму, папу, дом в Огайо. И они меня пропустили. Паспорту не поверили, а «Фейсбуку» поверили. Вы представляете?

– А ваши что, лучше? – усмехнулся Гордеев. – Что ни заявление МИДа, то – ссылки на социальные сети.

– Эй нет, – Марк поднял палец. – Это совсем другое дело. У нас Псаки...

Гордеев расхохотался.

– Да ну ее к черту, политику, – Марк поднял бокал. – Давайте за дружбу.

– Готовы заказать?

Гордеев обернулся. Держа кожаную папку на манер подноса, у стола стоял улыбающийся Марк.

– Are you ready? – прорычал он густым басом и обнял поднявшегося к нему навстречу Гордеева. – Как поживает мой русский брат? С чего начнем? Виски, текила?

Гордеев натянуто улыбнулся.

Финал прошлой встречи предполагал, как ему казалось, совершенно иное продолжение.

Тогда, у кромки бассейна Петровской сауны, похожей своими мозаиками на перепрофилированный дворец пионеров, разглядывая покосившийся плафон сквозь бокал с коньяком, Марк сказал:

– Гена, тебе нужны деньги. Деньги делают человека, Гена.

– У меня есть деньги, Марик, – промычал Гордеев.

– Много денег, Гена. Много...

— Помню, один ген... — Гордеев запнулся и постучал себя пальцем по лбу.
— Гондон сказал...

— Что сказал один гондон? — спросил Марк.

— Богатство — это не много денег, а скромные потребности, — выдавил Гордеев, и они оба расхохотались.

— Хорошая шутка, — сказал Марк. — Это твой шеф так шутит?

— Не смешно на самом деле... — глупо улыбаясь, Гордеев поднялся с шезлонга, подошел к краю бассейна и, подпрыгнув шумно, рухнул в воду.

— Не утони! — весело крикнул ему Марк. — Ты нам нужен живой!

Усаживая Гордеева в такси, Марк похлопал его по плечу:

— Ты достоин хорошей жизни, Гена. Ты хороший человек... Подумай об этом.

Проснувшись наутро в своей холостяцкой душке, Гордеев подумал о Марке, стал вспоминать, о чем они говорили сначала в «Арубе», потом — уже изрядно поднабравшись — по дороге в сауну. И чем больше подробностей всплывало в его похмельной голове, тем тревожнее ему становилось. Получалось, что он выболтал, где и кем работает и над чем конкретно, и все это как-то легко, под шуточки Марка, вискарь и приплясывания молоденьких проституток, похожих на пионерок с мозаичного панно над бассейном. «Вот так оно и происходит», — думал Гордеев — и когда стоял в душе, и когда чистил зубы, и когда ехал в метро на работу. Ему вспомнился горбатый профиль Толкачева, с которым работал отец, — они даже были знакомы — а потом оказалось, что Толкачев — цэерушник, предатель, и его расстреляли, и даже заступничество Рейгана не помогло.

Марк позвонил вечером. Позвал назавтра в «Арубу» — поужинать.

— Что-то ты сегодня невеселый какой-то. Что-то случилось? — спросил Марк, усаживаясь напротив.

— Да нет, все нормально.

Гордеев вытащил из пачки сигарету.

— Ну, смотри, можем все отменить, если нет настроения.

— Как отменить? — смутился Гордеев. — Так просто отменить?

Страх, колотивший его последние сорок часов, вытеснила неожиданная обида, как будто он — Геннадий Гордеев — выиграл в лотерею крупную сумму денег, достаточную, чтобы уехать из этого гадюшника наовсем, навсегда, и вдруг обнаружилось, что получение выигрыша невозможно из-за какой-то совершенно глупой нелепой формальности, буквы в фамилии. «Видите, здесь написано Гордеев, а вы по паспорту Гордеев, через «о»...» И — прощай, Токио, древние храмы и музей Фукагава, покорные японки и смелые камикадзе, все, чем он бредил, начитавшись в юности Акутагавы и Кобо Абэ.

— Марк, давай начистоту, — Гордеев пошел ва-банк. — Ты же неслучайно ко мне подошел. Давай уже, говори. Чего тянуть?

Марк молча вытащил из гордеевской пачки сигарету, чиркнул зажигалкой и закурил.

— Ну что ж... Значит, я не ошибся... — Марк говорил тихо и уверенно, голос его звучал теперь по-другому. — Ваша контора ведь в ведомстве ФСБ?

— Ну, допустим, но я не комитетчик, — ответил Гордеев.

— Это и хорошо. Я хочу выйти через тебя на нужных людей... У вас в ГРУ крот. Очень большой чин. Поэтому напрямую нельзя. Мне нужна твоя помощь... Я хочу работать на Россию.

— Как на Россию? — растерялся Гордеев.

— Так, на Россию, — спокойно ответил Марк. — Это ведь и моя родина, брат...

СТИХИ

ГРАВИТАЦИЯ

Так неожиданно находишь себя в других
Сомелье воздуха и постпродажной пиццы,
Предпочитающих рифмованной прозе жизни белый стих,
Ожидавших на вокзале чем бы подзарядиться.

И не просто волен, а делаешь. Просто так.
Потому что хочешь или потому что не хочешь.
И таких условностей как... как – злейший враг -
Ни в гугле, ни в телефонной книге не находишь.

Она смотрит ему в лицо, он делает вид,
Что ему интересно... И прочие сцены быта
Становятся в скучный ряд с перформансами Дали
Просыпающейся нимфетки у пушкинского корыта.

Если бы я был подростком пятнадцати-тридцати,
Я не сел бы на поезд. Я вышел бы на остановке.
Я кричал бы тебе, не оглядываясь: Прости!
И не относился бы к жизни как к дрессировке.

* * *

Все, что останется от – несгоревший клочок:
Лица на фоне заката библейских историй,
Съёмное гетто, где даже хозяйский толчок,
Воду сливая, шумит как Эгейское море.

Там начинается старость, кончается страсть
С первым троллейбусом, с двух сообщений в смартфоне,
Там – восходящий поток, и уже не упасть,
Чтобы воскреснуть, как Лазарь, – в купейном вагоне.

Двое на пристани – снимок – полнеба, прибой
Лупит наотмашь по сходням брезентовым флагом,
Двое прощаются – там – над его головой -
Серая чайка висит вопросительным знаком.

* * *

Как ты заходишь, говоришь,
Не называя произносишь.
Прощай, Париж!
И ты паришь,
И тонким пальчиком выводишь
На запотевшем “Андроник“;
И смотришь в букву А так долго,
Что возникает мой двойник
И улыбается неловко.
А там за Гомелем война,
И пишут разное и просят
Кто поцелуя, кто вина,
Названивают, мозг выносят.
Но рыжий мониторный лис
Качает гривой и смеется:
Мы все у Бога удались.
Не хмурься, розовое солнце!

* * *

Гостиница. Провинциальный сон
Сокурова о Чехове. Темнеет.
Портые кряхтит, заводит патефон
и, слушая Высоцкого, потеет.
Гремит ведро. Разбитый коридор
скоблит хозяйка с бронебойным задом.
Обои цвета яда, едкий хлор.
Романтика, разбавленная матом,
в которой мне дописывать роман
о городе с кислотными дождями,
о том, что если снится океан,
не нужно ждать, о том, что между нами
не просто неумение простить,
а глупости и гордости в избытке,
о том, как эту зиму пережить
и не свихнуться, избежать попытки
повеситься ли, спиться – все одно...
О мире, что тебе еще неведом,
в котором океан шумит в окно,
и пахнет дом цветами и обедом.

* * *

Небесной механики нет
в том, что было бы, не
сделай ты то или это.
Не девушку, так подушку
обнимешь в итоге.
С детства меня приучали к войне
мои сотоварищи по горшку,
играющие в войнушку.
Я рос, читая письма Макграта,
думал, Овидий – волк
или собака,
делал планер из палочек,
ел черешню.
А рядом сидел на корточках
бог как бог
и не делил окружающих
на грешников и безгрешных.

* * *

здесь расставляешь ящики по углам
заходишься кашлем задыхаешься почти не дышишь
читаешь рукописи молишься разбираешь хлам
и пишешь
там в недописанном воздух в достатке сна
море смешалось с небом вино и ужин
и геометрия проще и суть ясна
времени больше нет и бог не нужен

* * *

Зимние сумерки особенно хороши.
Идешь, поскрипывая светло-синим снегом.
Немного ветра, дверью подъезда хлопает от души
Женщина, скользит, бежит, врезается в толстый сугроб с разбега
И смеется. Думаешь, так не бывает? Да,
Так не бывает у вас, у нас же – сплошные сласти –
Эта обледенелая вода.
Кронштадтская изморозь. Кто вы? Входите! Здрасте.
Идите к огню. Чаю хотите? Там
Стихи вполголоса, водка, потом – поцелуй на морозе,
Бадью с Бодлером. Прижатая мной к домам,
Она говорит со мной – как это? – “на полном серьёзе“
Забавная. Дальше сгущается молоком,
Густыми сливками пахнет морозный воздух.
Господи, как это здорово, что я с Тобой знаком!
И как это всё – по-настоящему – не серьёзно!

Галина
БУРДЕНКО

Галина Бурденко

Родилась в 1970 году в Тульской области. В 2019 году окончила Высшие литературные курсы Литературного института имени А.М. Горького, семинар прозы Е.А. Попова. Лауреат международных литературных фестивалей «Интеллигентный сезон» (г. Саки, Крым), «Степная лира» (ст. Новопокровская, Кубань), «Седьмое небо» (п. Николаевка, Крым), «Генуэзский маяк» (Генуя, Италия). Стихи и рассказы публиковались в периодике, в том числе в переводе на сербский и итальянский языки, а также на литературных веб-сайтах и порталах Textura, «Вторник», «Артбухта», «Зарубежные задворки», «Игра в классики», «Белая скала», «Фабрика Литературы», в сборниках «Заповедник сказок. 2017», «Поезд идёт на восток», «Загадай желание», «На восток. Антиутопии», «Ковчег Лит». В 2020 году вышла первая книга «Стоп-кадры».

СНОВЕЛЛЫ

АМУР И ПСИХЕЯ

Сон, который заставил много думать. Впрочем, как всегда, безрезультатно.

Летит по небу гонец, курьер. В руке — лук со стрелами, в колчане — рассада. То ли свёкла, то ли салат какой. Пролетая, замечает меня, оборачивается. Я одновременно и в небе, на одной с ним высоте, и на земле. Он быстро стреляет в меня из лука (при этом стрела выбивает один из верхних кустиков рассады) и попадает.

Но в то же время стрела летит вниз, я же и на земле. И пригвождает кустик к земле. Кустик тут же приживается и принимается расти. Вырастает до неба и гонца. Пока рос, выглядел сочно-зелёным, и по нему шёл мощный электрический разряд в виде серебристой вспыхивающей полоски. Когда разряд дошёл до лица гонца, стало видно, что лицо тоже зелёное и азиатское. И по нему тоже побежали серебристые вспышки.

Эти серебристые вспышки на лице скоро превращаются в карту индустриализации. По изменениям на карте видно, как меняется территория вокруг ростка. Сначала два берега разделены проливом. Потом пролив становится уже и уже. Потом возникает перешеек, и этот перешеек из узкого превращается в широкий, стабильный. Так что никто уже не подумает, что на этом месте был пролив.

Я в квартире, муж собирается уходить по делам и уходит. А я подхожу к окну, чтобы на него посмотреть. Я, признаюсь, даже не знаю, как он выглядит, муж.

Увы, из окна видна только стена дома напротив. Я представляю, что мои ноги лежат на подоконнике. И они, действительно, оказываются на нём. Только они ярко-оранжевые. Я представляю, как они растут. И они, действительно, вытягиваются до стены противоположного дома. Но далее мне приходится сделать большое усилие, чтобы перебросить всё тело на ту стену.

Подушечки пальцев и ногти впиваются в штукатурку стены. Я чувствую неприятную пыль под ногтями. От падения меня ничто не страхует. Ещё одно большое усилие — и я на крыше. И одновременно в небе, потому что красная (как я люблю) черепица подо мной выглядит слишком мелкой. Так она выглядит только с высоты.

Я всё ещё пытаюсь увидеться с мужем. (Что вдруг за блажь, не знаю.) Захожу в поликлинику. На мне белый халат. Чуть позже окажется, что мы с мужем оба там работаем врачами.

Оказывается, муж в кабинете директора и очень занят. Я, сложив ручки, безропотно сижу на стуле. Я в этот момент терпелива, как настоящая восточная женщина.

Неожиданно выходит сам директор, большой друг нашей семьи. Он извиняется за то, что мы с мужем не можем сейчас увидеться, и дарит мне букет тюльпанов, которые, видимо, стояли у него на столе в вазе. Они мокрые.

Я продолжаю безропотно ждать, держа мокрые тюльпаны. Но тут появляется клиент. Это вечно молодой представитель шоу-бизнеса. Он о чём-то просит меня, но я вообще не понимаю, о чём он говорит. О каком-то наборе.

При слове «набор» открывается дверь ещё одного кабинета, оттуда вылетает мой непосредственный начальник и сообщает клиенту, что наборы хранятся строго у него, поэтому и обращаться за ними следует только к нему. Мне эти наборы представляются коробками конфет «Ассорти», стоящими в кабинете начальника штабелями. Но начальник избавил меня от неприятного общения. И я далее спокойно слушаю их диалог, а попутно читаю их мысли.

Вечно молодой говорит, как он устал выступать, ему нужен помощник. А думает при этом, что ему срочно нужен более молодой и здоровый двойник. Начальник спрашивает, для кого нужен набор, для брата вечно молодого? Тот говорит, что нет, для сына. Начальник думает, откуда у клиента с его ориентацией может быть сын? Но вслух ничего не говорит. А вечно молодой думает, что всех перехитрил, и набор (теперь уже я понимаю, что речь о наборе хромосом) нужен не сыну, ануку.

Я же думаю о том, что они оба не большого ума люди, поскольку я могла бы сделать двойника без всяких наборов. Но очень хорошо, что они об этом не догадываются.

В качестве иллюстрации к этому сну подошла бы картина Вильяма Бугро «Амур и Психея». Судя по зелёным крыльям Амура, Бугро что-то знал...

ВЕДЬМАЧИЙ СОН

Иду я по зимней дорожке в лесу моего детства, абсолютно не проваливаясь в снег, и рассказываю Андрею, моему мужу, как хорошо тут кататься на лыжах, когда с января проложена лыжня, деревья разные вокруг: дубы, клёны, ёлки зелёные — не то что в парке Горького. Романтика!

Выхожу с другой стороны леса. Каким-то образом перехожу через реку Упу.

И я уже не я, а молодой человек. И зима уже не зима, а лето. Но, собственно, и местность уже не наша: вместо равнины — огромный холм (я ещё слышу свой голос: «Посмотри, какая красота! И холм... просто как гора!»)

Юноша (то есть, я) на нём стоит и смотрит назад — на лес и речку. Впереди же него стоят срубы, а людей нету никого. И только одна улица идет всё выше и выше по холму. Он заглядывает в окошки, видит в домах кровати, застеленные кружевными покрывалами, очень старыми. Сами кровати в ряд кажутся похожими на кладбище. Но это не ему кажется, а мне. А он такой тупенький, что ничего не замечает странного.

Подходит к нему бабка и начинает расспрашивать, что он тут забыл. А потом еще и дед какой-то подходит. Дед с бабкой между собой о чём-то посовещались, и бабка говорит юноше: «Иди, сынок, искупайся!» И в спину его толкает. Он от её толчка полетел вниз по склону прямо в воду. А когда вынырнул, то увидел рядом купающуюся девушку, очень смешливую и симпатичную. Как-то её даже звали, но я не помню. Естественно, он в неё влюбился. Понятно, что и ей юноша понравился. (Впрочем, других юношей там вообще не видно. Конкуренции никакой.) Вышли они из воды, мило беседуя.

Тут откуда ни возьмись появляется невеста юноши, как и подобает невесте — в белом платье, но без кринолина. И она говорит всей компании, что это её жених, и любит он только её, и что им вообще давно пора идти. Девушка из воды опечалилась и смотрит с грустью на юношу. Тот тоже невесте не очень рад.

Тогда старуха достаёт откуда-то книгу, распахивает её, а там между страницами лежит нечто хрупкое, похожее на морскую губку. Оно само по себе серое, а когда люди говорят правду, становится красным, полыхающим. Такой вот детектор лжи.

Старуха спрашивает юношу, указывая на невесту: «Любишь ли ты эту девушку?» Юноша неуверенно говорит: «Да, люблю...» Губка тоже неуверенно мигает красным светом.

Потом старуха задаёт второй вопрос: «Хочешь ли ты остаться с нашей девушкой?» Девушка из воды мило улыбается. Юноша немного замялся и говорит: «Да». Губка при этом просто огнём горит.

Вся странная компания начинает шумно обсуждать, что же делать. Идти ли ему с невестой или остаться тут?

Невеста оказалась намного умнее своего избранника и быстро поняла, с кем имеет дело. Пока влюблённые продолжали обмениваться взглядами, она разузнала у старухи, что девушка из воды, если захочет, то может исчезнуть совсем. Для этого ей нужно только нырнуть в воду и больше не выныривать. И тогда ушлая невеста подозвала девушку из воды и стала ей рассказывать, как хорошо им было с женихом до её появления, а сейчас он околдованный, потому

и не понимает, что делает. И если она действительно хочет ему добра, то должна пожертвовать своей никчёмной жизнью нечистой силы и утопиться в реке. И девушка из воды, слушая, становилась всё грустнее и грустнее...

Всё. Вот такой открытый финал.

ГАРНИЗОН

Снится мне, что я девушка свободно-одинокая, вокруг война, а я в Гарнизоне. На мне гимнастёрка, юбка узкая и сапожки. Весь наш женский Гарнизон сидит в клубе на концерте. Разговоры вокруг совсем не о войне, а очень даже весенние. Вышла на сцену с классическим репертуаром бабуля с буклями. И тут одна наша гарнизонная девушка совсем некрасиво себя повела. Психическая, может? Так громко и неестественно засмеялась, что концерт раньше времени закончился.

Я с двумя подругами пересела на первый ряд поболтать. Одну звали Иркой, а вторую никто по имени не называл. Потому я сочинять не буду.

И вот подруги болтают, они друг друга знают с детства, а я сижу с синей лентой, собираюсь шить. Лента — то ли часть формы, то ли разрешённое украшение. Посередине простёгана синей же ниткой. А у меня с собой белые нитки, коими я второй ряд и простёгиваю.

Вдруг становится известно, что прилетел самолёт, а в нём Иркин муж. Заходит в клуб офицер в полушибаке и с портупеей. Такой бравый, что весь Гарнизон забыл, как дышать. И я, признаюсь, Ирке позавидовала, но делаю вид, что мне на портупею вообще плевать, шью я... белыми нитками.

Офицер тем временем подходит к нам и, присев, обнимает одной рукой Ирку, а второй её давнюю подругу, а также целует их обеих в щёки. Я в это время немного отстраняюсь, чтоб им было удобнее обниматься, и делаю вид, что интереснее ленты в мире ничего не придумано. Но офицер говорит: «А ты чего, как не родная? Иди обниматься!» Освобождает одну руку и ею меня нежно, но так, что мне и не рыпнуться, к себе прижимает. И рука у него — того, кого надо рука. Это мне сразу понятно. Потому что забыла я про войну, клуб, подруг и, опять же, как дышать. Но зато почувствовала, что он — просто божество войны. Этот Марс тоже забыл, что надо дышать, про остальное уж и не говорю... Аморальный тип, вот что!

(Как ловко я выкрутилась с эротической сценой, не пришлось и запикивать.)

Офицеру, понятное дело, через минуту улетать... Где-то там на пороге уже топчется ординарец. А я, хоть и сочинила дальше целый военно-полевой роман,

но после этих объятий проснулась. И благодарный читатель должен быть ещё более благодарен, что ему этот роман читать не придётся.

ЭКСКУРСИЯ ПО ЗАМКУ

Всё было настолько странным и стремительным, что я говорю им — трансляторам снов: «Ну вы даёте, ребята, я вообще ничего не поняла. Можно с начала и помедленнее?» Они мне: «Все понимают, одна вы, дамочка, не понимаете». Но начали заново. А то странное и стремительное я вам расскажу в конце, иначе вы тоже запутаетесь.

Я в составе туристической группы осматриваю то ли замок, то ли храм, а скорее всего, два в одном. Очень величественный, с библиотекой, там всё фолианты, фолианты...

Вместо положенного замку рва с водой — глубокое озеро, башня замка на-висает прямо над ним. Вокруг озера зелёные холмы.

Гид подробно рассказывает, как случайно нашли этот замок на краю света. (Я туда добиралась поначалу на поезде.) В замке даже пыли нет и совершенно безлюдно. А потом гид добавляет, что не все могут чувствовать себя тут в безопасности, некоторым членам группы лучше уехать до сумерек. Как вы догадываетесь, мне лучше было бы уехать, а также лучше было бы уехать мальчику лет десяти, который приехал с воспитателем. И гид наш, выразительно посмотрев в глаза воспитателю, сказал: «Я уже позвонил дяде мальчика, он за ним приедет». Воспитатель явно недоволен. У него волосы зачёсаны на лбу справа налево. И мне сразу становится понятно, что он нехороший человек и затеял недоброе.

Потом я вижу себя в поезде. Я жду завтрак в вагоне-ресторане. Заходят повара, что-то наливают в мой завтрак и поджигают. Играет музыка, и всем понятно, что у меня День рождения. Но завтрак мой гаснет раньше времени. Они ставят, однако, тарелку передо мной, а сами уходят. Я ем свой завтрак. Повара заходят снова, у них новая тарелка, они ещё раз заливают, поджигают, играет музыка, у меня День рождения... На этот раз всё получилось, они ставят вторую тарелку, уже пустую, мне на стол. И я читаю на дне предсказание: «Последняя идеальная жена, заполучившая путешествие». Я думаю: «Надо запомнить и мужу потом рассказать, он обрадуется».

Опять вижу замок. Те самые сумерки. Но не сказать, что в замке безлюдно. Например, можно увидеть роды в воде. Женщина ныряет в озеро с высокой башни. Пока она идёт ко дну, у неё отрастает драконий хвост, мощный такой.... На дне рождается вполне человеческий ребёнок. Она, однако, выныривает,

оставляя его в темноте и полном одиночестве. У ребёнка должны открыться жабры и вырасти хвост. Как только это происходит, он тоже выныривает на поверхность, где его ждёт мамаша и вся деревня. Обряд такой. Старинный.

А теперь то, что приснилось в самом начале.

В замке и окрестностях живут сразу два древних клана. Один клан склонен защищать людей. А второй клан озабочен исключительно вопросом продолжения рода. Если у туриста подходящая кровь, можно сбросить его в воду и проверить, вырастет ли хвост и откроются ли жабры.

Видимо, жабры открываются не у всех. И раз в год оба клана выходят на битву. Тоже обряд. Старинный. Оба клана одеты в чёрную кольчугу, явно не из металла, ибо битва идёт и на холмах, и в воде. Но у «наших» кольчуга гладкая, шлем красивый и добрые глаза. А у тех кольчуга с шипами, рогатый шлем и злобный оскал. Понятно, что чем ближе посещение замка к ежегодному Дню битвы, тем обстановка нервознее. И да, лучше убраться до сумерек. Хвост, может, и вырастет, но неиспользованные жабры с годами атрофируются.

ЕЩЁ РАЗ ПРО ГОРЫ, ОЗЕРО И СТРАННЫЕ ОБЫЧАИ

Сон приснился ровно через год. Как-то даже не по себе от навязчивых соппадений.

Иду я с группой туристов по зелёной горе. Наша цель — культовое сооружение, стоящее на пологом склоне соседней горы, примерно в средней его части. Под той горой озеро. Пройти к культовому сооружению можно по узкому перешейку между горами.

И вот мы уже на перешейке. Все фотографируют отражённое в озере культовое сооружение. А я посмотрела вниз — и чуть не свалилась от головокружения.

Полюбопытствовав, как и что здесь строится, и ничего не поняв о новой религии, иду обратно. Но останавливаюсь на выходе к перешейку у сувенирной палатки. Большинство сувениров такие же непонятные, как новая религия. Неожиданно нахожу две ёлочные игрушки (сосульки) с изображением Святого Николая. Беру их себе. Вдруг подлетает продавец — шумная женщина неопределённого возраста, то ли азиатских, то ли индейских кровей. Она показывает жестами, что я должна что-то оставить взамен. Я не против, но у меня с собой ничего нет. Она бесцеремонно хватается за мой нательный крестик, так что серебряный крестик после её хватания чернеет. Я ей говорю категоричное «нет».

На мне ещё обнаруживается большой кулон. Она хватается за кулон, так что он трескается, и из него вытекает глина.

Так она меня разозлила своими манерами, что я эту глину собираю в руку и наношу ей на волосы в виде маски, хорошенько растирая.

И тут земля под ногами приходит в движение, вместо зелёной травки всюду такая же глина. Я не оборачиваясь ухожу по перешейку, пока он ещё цел.

Не знаю, что там дальше было. Но я успела унести оттуда и ноги, и ёлочные сосульки.

ЗАКРЫТЫЙ ИНСТИТУТ

То, что научно-медицинский институт именно закрытый, работают в нём преимущественно женщины, а младшие сотрудники (типа меня) живут в женском общежитии на первых этажах здания, становится известным не сразу. Как в хороших рассказах, подробности появляются постепенно.

А начинается сон с прихода немолодой, но энергичной журналистки, которая хочет взять у меня интервью.

Захожу в комнату, вижу два стула. На одном сидит пожилой мужчина, на другой садится журналистка. На полу лежит мат, на котором сидит ещё одна девушка для интервью. Ну и я сажусь рядом с ней.

Журналистка спрашивает меня: «А вы знаете значение энергии для обогрева здания?» Я пытаюсь вспомнить курс школьной физики, а мужчина быстро отвечает: «Сто Кельвин». «Наверное, истопник», — думаю я про мужчину.

— Правильно! — говорит журналистка. — И меня не удивляет, что она даже этого не знает. Зато она умеет полгода прятать у себя в комнате мужчину.

(Пока она этого не произнесла, я ничего подобного о себе не знала.)

— Я в таком тоне разговаривать не буду, — решительно говорю я и встаю с пола.

— И я тоже, — говорит вторая девушка. И тоже решительно встаёт.

В руках журналистки маленький квадратный блокнотик, в который она что-то быстро вписывает. А напротив меня широко открытое окно, за которым весна и свежий воздух. Я понимаю, что в блокнотике грязи больше, чем в фавелах Сан-Паулу, быстро выхватываю его и, добежав до окна, выбрасываю со словами: «Блокнотику захотелось полетать».

Пока журналистка ловит ртом воздух, выхожу из комнаты... И я уже наблюдаю за своей героиней извне. Красивая, похожа на молодую Софи Марсо. Как автор, я знаю её будущее. Очень скоро она получит престижную премию. Но я не знаю, почему она вдруг так раз волновалась.

Она стремительно взбегает по лестнице на этаж выше. Я вижу в коридоре этажа вполне симпатичного (но ничего особенного!) молодого человека. Он не один, с ним женщина, годящаяся ему в матери. Но явно не мать.

Моя героиня подлетает к молодому человеку и обнимает его. Я слышу от нематери: «А это что ещё за фифа?» Но ни моя героиня, ни её бывший молодой человек ничего не слышат.

Мне опять приходится вселиться в неё.

Я смотрю на любимое лицо и спрашиваю: «Ты больше не со мной? Да? Да?» Не уверена, что я задала вопрос вслух. Я себе кажусь гипнотизёром, а вопрос длится целую вечность, пока любимое лицо не растягивается в плоский блин и мне не приходится смотреть только в правый глаз. Но глаз стремительно сужается. Вот от него остаётся только небольшой кружок, который скоро превратится в точку. А молодой человек всё ещё не ответил. Он уже давно опоздал с ответом. Что бы он ни сказал, он давно опоздал.

А мне очень жаль свою героиню, но в ней чувствуется такая силища, что очевидно, этот тюфяк — не её мужчина. Жаль, что ей придётся немного пострадать, но как без этого?

КИНО И НЕМЦЫ

Посмотрела во сне захватывающий детектив про Ватикан и наших разведчиков в фашистской Германии. Смотрю и думаю, как ловко всё сделано, надо запомнить и написать, вот только пересмотреть пару эпизодов.

Естественно, всё забыла, кроме этих эпизодов. Да может, оно и к лучшему, потому что в фильме был 2016-й год и у всех мобильники. Непонятно, как бы я выкручивалась.

Эпизод первый. Наша операция уже состоялась, немецкая разведка судорожно ищет шпионов. Наш разведчик тоже делает вид, что ищет, а сам бежит к кабинету, который под охраной, потому что в нём работают строго по сменам, выбивает дверь, бросается к холодильнику и достаёт оттуда средних размеров ящик с очищенной морковкой. А также достаёт из морозилки небольшую капсулу, в которой секретные материалы. Кладёт капсулу в морковку. Думаете, что он дальше делает? Ест всю эту морковь? А вот и нет! Он открывает люк в стене и вываливает всё в него. Далее камера наезжает и показывает нам, куда летит морковь. А там внутри, оказывается, транспортёр, вокруг него стоят коровки, коровки. А на транспортёре двое наших, ожидающих капсулу. Они маленькие такие, лилипуты. И тут я вспоминаю фразу мужа: «Вот это и есть настоящее кино!» Интересно, что вчера он из нашего холодильника доставал много страшных пакетов с пропадающими овощами. И хорошо, что мне приснились фашисты, а не его упрёк: «Да тут ещё и морковь!»

Эпизод второй. Начало истории. Наш разведчик и его жена-разведчица заходят в квартиру немецкого босса, пока в ней никого нет. Их цель — раздобыть много полезной информации. Наш сразу же уходит, чтобы стоять на стрёме у подъезда. Если вдруг что-то внезапное, то он ей по мобиле позовонит. Жена-разведчица, закрывая замки, слышит, как её муж здоровается, а в ответ ему раздаётся детский голосок. Без паники она идёт в первую попавшуюся комнату. (Тем временем мы слышим поворот ключа в замке.) Разведчица спокойно прячется под кровать. И тут же в комнату заходит маленькая девочка и её няня. Камера показывает из-под кровати детские ноги. Становится тревожно, потому что ребёнок что-то ищет, а это может быть предмет на полу. Если девочка нагнётся, то сразу обнаружит чужую тётю. Тут я проснулась. Но точно знаю, что это была кофта. И няня её очень быстро нашла на стуле.

А из главного сюжета запомнился финал. Поскольку наши выходили на связь в открытом эфире, немцы знали, что операция должна состояться в текущем 2016-м году. И весь декабрь они сильно нервничали и были начеку. И вот новогодняя полночь. Немцы выдохнули, мол, праздник к нам приходит, расслабились. Они не знали, что наши перевели их часы на 10 минут вперёд. И что именно теперь начинается операция. А через 10 минут раздастся звук кремлёвских курантов, лица немцев вытянутся от удивления, сами немцы застынут с бокалами шампанского и будут медленно прозревать, какие они дураки и тупицы. А ведь этот трюк с часами наши проделывали неоднократно.

Допустим, надо назначить встречу. Они передают: «Встречаемся завтра в Ватикане, в 16.00». Немцы все срочно едут в Ватикан. Без пяти четыре они на месте, ждут. Потом с осуждением говорят: «Да что ж такое, опять эти русские не пришли». Расходятя. И тут наши приходят, спокойно договариваются обо всём и хихикают.

Просыпаюсь я после всего увиденного, на часах пять утра. Пришлось ведь встать, сна ни в одном глазу. А ведь могла бы ещё десять серий посмотреть.

ЛЕС И МАЛЬЧИКИ

Иду я с мальчиком лет девяти по лесу... Тропинка приводит к глубокому оврагу, больше похожему на пропасть. Я хватаюсь за деревцо, но его корни уже не могут удержать нас на вершине, и деревцо падает вниз, увлекая меня и мальчика за собой. Зато благодаря кроне дерево сползает медленно, и мы вслед за ним.

Мы оказываемся в секретном месте. Видимо, сюда мы и шли. Без особого труда проникаем на территорию, огороженную колючей проволокой, и прячемся во дворе под длинным столом из досок. Возле стола стоят мужчины, громко разговаривают. Тут я понимаю, что мы пришли за братом мальчика.

Видимо, забрать его было несложно, потому что мы уже втроём идем обратно по лесу, вверх по склону. Новый мальчик в очках и кажется намного умнее первого мальчика. Тут я понимаю, что я — это молодой человек лет двадцати, далеко не бескорыстный. И я понимаю, что это вообще не я. Теперь я только наблюдаю со стороны.

Оказывается, папа этих мальчиков — учёный, сделавший опасное открытие. Его уже нет в живых, но все думают, что дети обладают информацией, которой с ними поделился отец перед смертью. Молодой человек (бывшая я) предлагает им объединить усилия и выгодно использовать секретные и опасные знания.

Неожиданно он срывается в овраг. Мальчик без очков вопросительно смотрит на брата, мол, а мы не попытаемся помочь? Но брат молча качает головой, как бы говоря, что это вредно для всего человечества и лучше оставить тело в овраге.

ЛИТЕЙЩИК ШИРОКОВ

Приезжает молодая московская писательница (совсем молодая, лет двадцать, в голове ветер, но красивая) на немосковский завод, в литейный цех, чтобы показать сигнальный экземпляр своей книги. Книга — что-то среднее между производственным романом и публицистикой. Главный герой — молодой литейщик Широков. Вот именно его ей и хочется увидеть, а не книгой похвастаться. Хотя и похвастаться тоже. Она уже всем московским подругам этим Широковым все уши прожужжала.

Проходит через заводскую проходную, аж вся светится от хороших предчувствий, открывает дверь в литейный цех. Все заняты делом — литьём. Она подходит к бригадиру — представителю рабочей интеллигенции, протягивает ему книгу: «Вот, мою книгу издали!» Бригадир внимательно листает. Писательница краем глаза видит своего литейщика Широкова. Тот совершенно не ожидал её появления и делает вид, что весь в работе, а у самого уши красные, как литьё.

Все её хорошие предчувствия сразу испаряются, теперь она думает, какая дура, что сюда притащилась. И быстренько прощается: «Ну, мне пора, до свидания, а книги я вам потом обязательно привезу». И за дверь шмыг, пока никто не заметил, что она готова разреветься. Все с молчаливым укором смотрят на Широкова, работающего с остервенелым усердием. Один за всю бригаду мог бы норму сделать. Только опытный бригадир говорит: «Может, так и лучше».

Тем временем писательница покинула злополучный завод и оказалась на зелёной лужайке с детской площадкой. Присев на карусельку, она думает, какой

этот Широков дурак, какая она дура, и почему всё случилось совсем не так, как было должно... Сквозь слёзы она видит кота, который скачет в беседке. Кот играет с водяным пистолетом. Неожиданно он получает струю воды себе в морду, а потом этот дождь капает на него с потолка. Писательница невольно смеётся.

ЛУНДСКИЙ МАНЬЯК

Сегодня снилось, что живу я в шведской семье (в хорошем смысле слова) приёмным ребёнком. Но по возрасту уже вполне себе взрослая. Живу в Стокгольме, хотя мой родной город — Лунд. И вот в этом Лунде я весьма известная особа, только не вполне понимаю, чем именно я знаменита.

Общество относится ко мне противоречиво. Настолько противоречиво, что за мной охотится маньяк. А я знаю, что этот маньяк живёт со мной под одной крышей — он родной сын моих приёмных родителей. Вся остальная семья не в курсе его тёмных дел. И потому в квартире постоянно дежурит полиция. А мне очень не хочется расстраивать родителей, и я молчу, как партизан.

Тут оказывается, что второй сын, маленький, видел маньяка. Но не узнал в нём брата. Догадайтесь почему! (За что я люблю сны — вот за это!) Маньяк был одет в деревянный ящик вместо костюма. Эта деталь рассказа ребёнка убеждает меня в том, что мальчик не врёт, а маньяк вконец обезумел.

Единственное, что мне оставалось, — бежать. Но в доме полиция. Как уйти незамеченной? Пришлось стать невидимой и бежать через окно и далее по облакам. Путь к свободе был нелёгким. Приёмная мать случайно коснулась меня-невидимку. Глупая женщина испугалась и схватила мою невидимую юбку. Пришлось укусить её за палец, чтоб отпустила. Странные эти шведы...

ЗАГАДОЧНЫЙ ДОМ

Заходим с сыном (он совсем маленький, года три) в какой-то московский двор. Во дворе развалины, и в дырку строения (довольно высоко расположенную) забирается молодежь в большом количестве. Сын находит на земле необычные стеклянные шары и начинает бросаться ими в сторону того дома. А видно, что это не просто стекляшки, в них что-то такое напихано, как в янтарь. Я пытаюсь у него отобрать шар, но он уже успел его раскокать.

Тем временем молодежь из дырки вылетает, и с ними ещё невеста в белом платье, но при этом связанная.

Я оттуда ребенка увожу, но остается у меня ощущение, что это не совсем обычное место.

Я рассказываю мужу про эти шары. А он во сне у меня такой прям весь из себя бизнесмен, почти что олигарх. Он даже отменяет очередную деловую встречу, чтобы выяснить, что это за дом.

Но почему-то я иду туда не с ним, а с незнакомыми людьми, как на экскурсию. И не узнаю там ничего.

Стоит музей этнографический, в нём посреди зала находится артефакт — хатка (не бобра, а типа домик), кирпичная. И то она такая целёхонькая, что явно реконструкция. А остальные помещения музея закрыты как служебные. Я пытаюсь убедить спутников, что нам тут втихомодо не то. А из стеклянных предметов под ногами я нашла медальон, с маленьким жучком внутри, и недолго думая сунула его в карман.

Вдруг один мужчина шёпотом мне говорит, как можно пройти внутрь музея: «Спросите, где у них туалет».

Я с наивным лицом подхожу к экскурсоводу: «А где у вас туалет?» Она несколько смущалась: «Вы знаете, у нас только служебный, и то он закрывается на ключ». Но показала мне, куда идти. Я туда прошла и под видом, что туалет занят, осталась там, в служебных помещениях. Иду себе... иду... скоро цивилизация закончилась...

Оказываюсь я в полуразвалившемся доме и понимаю, что нашла то, что искала. Я встречаю там разных людей, но они уже из себя работников музея не изображают. Хотя и спросить, что это за место, я не могу, боюсь, что меня тут же выдворят. В принципе, мне нечего больше добавить, потому что это будет уже не сон, а его интерпретация.

Последнее, что я видела, это три сильно ржавых раковины. Двое людей их трут, чтобы оттереть добела, и я присоединяюсь и начинаю тереть третью. Причём они пытаются очистить раковины от ржавчины с помощью безопасного средства, а оно ничего не очищает. Как мне кажется, всё дело только в том, насколько ты интенсивно трёшь. Ну уж будьте спокойны, чего-чего, а тереть я умею. Я почти успела дотереть до блеска, когда проснулась.

ПОСЁЛКИ, ПТИЦЫ, ИВАН ЛАПШИН

Немного сонливой аналитики. Сегодня даже разозлилась на то, как бессознательное беззастенчиво манипулирует. Вот, например, сны о новых посёлках. Стоит только выйти из родного посёлка, как попадаешь в новый. Я бы уже могла карту составить «Мифические посёлки Тульской области». У меня есть любимый, дачный. Если долго идти полем, а потом и лесом, не побоявшись в него сунуться, то выйдешь к дачному посёлку, где можно неделю скрываться ото всех. Во сне это бывает важно.

Есть ещё пара посёлков, в которых бум строительства. Просто Новые Ва-сюки в нашей дыре. Но там прекрасно сохранившиеся памятники старины.

Смотришь на башню пятнадцатого века и понимаешь, что уже её видела. Это ложные воспоминания. Скорее всего, и во сне ни разу. Манипуляция.

А сегодня новый тип посёлка приснился. Сначала мы с родителями выкопали картошку на дедовском участке у реки. (Я там сто лет не была. Участок родители кому-то отдали. Я думаю, там сейчас просто бурьян. Очень тяжёлая земля.)

Погода отвратительная. Ветер разметал клочки бумаги. Решили собрать их и сжечь. Явно не мой день, ветер сбивает пламя, и я обжигаюсь. Тут же вижу, как горящая бумага прожгла мою кожаную куртку, лежащую на земле. Пока я рассматривала дыру в полспины, сгорела вторая моя кожаная куртка. Вот зачем я пришла копать картошку в двух гламурных кожаных куртках?

Потом, когда я уже дома, приходят серьёзные люди и спрашивают: «Вам знаком человек по имени Иван Лапшин?» Вот вы бы что ответили? Я говорю: «Да, он учился со мной на одном потоке». Они мне дают посмотреть заламированный листок со схемой человека. Всё написано по-английски, в т. ч. имя Ивана Лапшина сверху.

Оказывается, он и ёщё несколько моих знакомых исследовали возможности влияния на психику и здоровье человека. Слово «поток» говорит о том, что это университетские знакомые. Да, эти могут. К счастью, серьёзные люди поняли, что я и научные исследования — вещи несовместные. И вот я уже пью чай и хочу рассказать симпатичному мужчине, как я утром сожгла две куртки.

И я бы рассказала. Но, даже не допив чай, я попадаю на тропу, ведущую к огороду. Вот зачем я туда опять? Мало мне курток? Мне надо с тропы свернуть к огороду влево, чего я не сделала. Теперь я в незнакомом посёлке. Он больше похож на парк, в котором живут люди. Навстречу бегут физкультурники. Над головой почти сплошная корона деревьев. Я завидую тому, как уютно тут все устроились. Разворачиваюсь и пытаюсь вернуться назад. Это моя главная ошибка. Бессознательное никогда такое не позволит. Чем упорнее я пытаюсь вернуться, тем яснее, что заблудилась.

Я прохожу мимо остановки, рядом небольшой рынок, но он не работает, потому что бабушки бастуют. Они стоят на остановке с плакатом «Требуем отдельиться от Кремля». «О нет, — думаю я, — что-то мне расхотелось тут жить». Тем временем я понимаю, что я тут уже была (ну конечно, и название даже могу вспомнить!), и здесь много котят. Тут же под ноги мне бросаются котята. Мелкие такие, размером с ладонь, белые и рыжие. Их количество растёт в геометрической прогрессии. Но я упорно ищу, как мне вернуться. Не до котят мне, этот трюк не пройдёт. Иду уже между заборами огородов, пока не упираюсь в глухой забор. Тупик! И тут я вижу стоящего на лестнице мужика, забивающего гвоздь. Вот кто мне поможет!

Я просыпаюсь и понимаю, что это не звук молотка, а звук прямо у нас в комнате. Муж вскочил первым. «Птица», — объясняю я, хотя он наверняка уже и сам понял. Слава человеку, изобрёвшему портьеры, птица билась о стекло, но не летала по всей квартире. Это оказался стриж. Причём он влетел в форточку,

окна были закрыты. И теперь я удивляюсь, что это случилось в первый раз. У меня летом иногда окна открыты полностью, так что и летающая тарелка могла бы залететь. Но ни разу не залетела. Я была уверена, что у стрижей есть встроенный радар, и потому они разворачиваются в миллиметре от стекла. Оказалось, нету. Чуть-чуть подтолкнули птичку к открытому окну — и она улетела.

ДВА СВЯТОЧНЫХ СНА

Первый сон — об осторожности.

Деревянный дом в несколько этажей. Большая компания, где я почти никого не знаю. На столе стоит вазочка для конфет, в ней ягоды в пакетиках. Я попробовала землянику. Пробовать остальные было неудобно. Никто, кроме меня, не ел.

В доме питомец-хищник. Убейте меня, но я не могу вспомнить, что это был за зверь. Очень большой, но ручной. Он гулял по дому, где вздумается.

И вот я поднимаюсь за ним по деревянной лестнице и вижу: питомец схватил за ногу бизона и как шандахнет им о чугунную ванну, стоящую посреди комнаты! А потом бездыханное бизонье тело бросил в ванну. В ней и вокруг неё уже много всего набросано: бизоны, косули. Обед у питомца.

Я застыла на лестнице и думаю: «Бизоны в доме скоро кончатся. И что тогда?» Потихоньку спускаюсь, с тем чтобы предупредить народ и покинуть этот интересный дом до следующего обеда питомца.

Второй сон.

Бизоны в ванне были разминкой. Всю ночь то объясняла, зачем нужно закрывать окна во время грозы, когда вокруг дома летают ведьмы в белых сорочках, а ветер вот-вот выбьет дребезжащие рамы, то наблюдала, как инопланетяне отбирают молодых людей, которым в детстве сделали укол.

Почему-то в святки всегда снится такое. Нет у меня объяснения.

И вот, устав от борьбы с мировым злом, приезжаю с родителями в нефрологический санаторий. На здании администрации название — «Почки». Хочется вернуться к вечеру домой, а мама вдруг говорит: «Нет, вечером заедем в гости в одну православную семью...»

Даже во сне я удивилась этому словосочетанию — «православная семья». Тем более от мамы, которая живёт без интернета. Это совершенно чуждый ей язык. Я даже хотела заменить определение, чтобы ненароком не задеть чьи-нибудь чувства. Но из песни слова не выкинешь. Заменить оказалось невозможно.

Итак, мама говорит: «Вечером заедем в одну православную семью, в ней живёт мальчик с двумя головами». И даёт мне открытый на нужной странице журнал.

В журнале фотографии снабжены короткими комментариями. На фото, романтично прислоняясь спиной к дереву, стоит уже даже и не мальчик, а моло-

дой человек довольно приятной внешности. Но голов, действительно, две. Одна обычная, а вторая похожа на маску первой.

Из комментария под фото следует, что его приёмная мать ведёт долгую и упорную борьбу за лечебный санаторий «Тулона».

Я вспоминаю, что денег у меня нет. А после визита их вообще не будет, ещё и останусь должна по гроб жизни. Возвращаю журнал маме с категоричным: «Нет, я домой!» И решительно ухожу в сад, чтобы не слышать маминых возражений.

В саду сажусь за общий стол, на лавочку, ем яблоко, отрезая дольки ножом.

И тут новость: приехала та самая приёмная мать с мальчиком, у которого две головы.

Мальчик садится рядом со мной. Я краем глаза замечаю, что его голова-маска такая «резиновая», что он может положить её на лавочку и прикрыть рукой. И чего он её не отрежет, думаю я. Меж тем мальчик был не из стеснительных. Тут же шепнул мне в ухо:

— Как обстоят дела с Красным Пиком?

— Не знаю. Я не местная, — шепчу я ему в ответ.

— Счастливая! — шепчет он с завистливым одобрением.

Сзади тут же подбегает его мать и, просовывая голову между нами, спрашивает:

— О чём ты с ней шепчешься?

Мальчик отворачивается и делает вид, что не слышит. Я понимаю, как она его достала своей опекой, но вежливо объясняю ей: «Он спросил про Красный Пик, но я не знаю, что это такое». Она даже не поблагодарила.

Меж тем вокруг стола собирается народ, в основном дамы на пенсии. Они все борцы, а я нет. Потому я уступаю своё место за столом, забрав с собой нож, чтобы помыть. Взамен я оставляю несколько своих ножей, завёрнутых в салфетку. И вот у меня вопрос: зачем я носила с собой эти ножи?

СЕМЬЯ ОБОРОТНЕЙ

В последнюю ночь пребывания в Белграде приснился мне мучительный сон. Мучения были вполне гамлетовские — выбор между семьёй и человечеством, поскольку угораздило меня родиться в семье могущественных оборотней. И вот я, ученица старших классов средней школы, хожу-хожу, думаю-думаю...

Хрупкий мир семьи оборотней держится на всеми забытых договорённостях. Но для меня угроза обращения в оборотня возрастает с каждым днём. Потому я, тщательно подготовившись (как это выяснится позднее), решаясь на открытый конфликт. Я выхожу на балкон, запускаю правую руку в карман

длинного плаща (карман полон семян газонной травы), набираю горсть и засеваю бетонный пол балкона, а затем и землю под балконом, на которой не растёт ни былинки. Очень важно, чтобы никто из домашних не увидел пробивающихся ростков. Трава должна войти в силу, чтобы процесс пошёл.

Я спускаюсь во двор, где мой дядя в гамаке читает сказки некоего Игоря. Сказки записаны от руки в тонкой школьной тетради в клеточку.

— Можно и мне посмотреть? — спрашиваю я.

— Рано тебе ешё, — говорит дядя.

Но я успеваю прочитать один абзац. Речь в нём идёт о девушкиах. По мнению Игоря, если девушка не родилась красивой, обещать ей счастье и удачу — это кривить душой. Ничего ей уже не светит в этом мире.

Я понимаю, что это последний наш разговор с дядей, которого я очень люблю, оттого сильно страдаю.

К нам подходит бородатый мужчина. Он говорит с дядей не по-русски, а я вслушиваюсь, чтобы понять хоть что-нибудь, и действительно понимаю, что он вынужден уехать от нас в племя вука. Бородач, оказывается, жил у нас долгое время. (Это слово «вук», кажется, всплыло из давно забытого мультфильма. Во сне я понимаю, что это волк, но в реальности мне пришлось гуглить, чтобы убедиться. Интересно, что на следующий день мы с мужем ходили кругами вокруг памятника, где Вук было именем или фамилией. Муж его в конце концов сфотографировал. А я почему-то весь день сомневалась, снять его или не снять, хотя он намного выразительнее многих снятых памятников.)

Бородач уходит. А дядя, задумавшись, говорит:

— А что происходит?

И бросает взгляд на балкон, куда перед тем смотрел бородач. Дядя видит буйство зелёной травы на балконе и под ним и говорит:

— Сейчас кто-то умрёт.

— И это будешь ты, — говорю я и, не делая паузы, как это бывает в плохих фильмах, произношу секретное слово «мАршала».

Дядя, никак не ожидавший, что я владею такими тайными знаниями, корчится в муках и уже не в силах покарать моё предательство семейных ценностей.

Конечно, на этом трагическом моменте я просыпаюсь и продолжаю мучиться наявлю. А времени всего три ночи, приходится спать дальше и смотреть продолжение. Хотя оно уже не такое интересное.

Приснились мне поэтесса и писательница, которых я очень даже ценю. Поэтесса во сне пришла учить нас литературе. У неё был такой строгий вид, что я удивилась, как же это раньше я за одним столом с ней пила вино. Но вид был не только строгий, но и отстранённый. Вместо урока она повела нас в лес. В лесу было лето, но снега по колено. Мы рвали для неё чистотел. Все рвали без вопросов, а я думала, что он нужен ей для зелья, на которое её подсадила моя семейка.

Единственное, что я могла сделать — это предупредить одноклассников, что сок чистотела очень ядовит.

А молодая писательница приснилась мне вагоновожатой. На ней была объёмная шапка с помпоном, а губы были ярко накрашены и вообще пухленькие такие.

Наш трамвай неожиданно остановился, но никто из школьников этого не заметил, потому что все застыли. А к писательнице-вагоновожатой подошла снаружи незнакомая мне родственница-оборотень (видимо, дальняя) и немножко уменьшила писательнице шапку и губы. Вся эта демонстрация силы была устроена специально для меня. Одумайся, мол, несчастная, против кого решила выступить?

Я опять проснулась, полная возмущения. Но пришлось увидеть и третью часть. Она самая невнятная, увы.

Я с классом нахожусь внутри каменного свода с широкими бойницами, а снаружи мечутся вороны. При попытке высунуться в бойницу вспыхивает огонь. Но птицы, которым зачем-то необходимо до нас добраться, обнаруживают, что попасть через бойницу внутрь можно бочком. Тут же они в большом количестве залетают к нам и мечутся над нашими головами. Это неприятно. Единственное, что я помню, мой совет какому-то парнишке пожертвовать одним пальцем, бросить палец в бойницу, чтобы птицы бросились за ним и сгорели.

Мне-то вообще ничего не угрожало, все мои мучения закончились в первой части. Я только наблюдала и пыталась минимизировать вред.

СОН-НАРЕЗКА

Во весь экран синий кит. Кому-то удалось впервые в истории снять кита так близко.

Тут же следует история о парных статуэтках обезьян. Одну из них Екатерина Вторая бросила в море. Именно эту статуэтку теперь нашли.

И снова морские животные. В длинном высоком помещении (окна в несколько рядов) временно находятся тюлени. Кто-то оставил работающую камеру, положив её на пол перевёрнутой. И мы видим тюленей, которые, как мухи, облепили окна. (Не пытайтесь представлять. Отсутствует логика пространства.)

Вечер. Парк. Столик в кафе. Две девушки. Одна кивает на поющего артиста: «Вот про этого мальчика я тебе говорила». Вторая девушка полна скепсиса: «Да ладно! Тут и говорить не о чем. Вообще не вариант». Скептическую девушку меж тем ждёт молодой человек в авто. Он нервно кусает губы, у него выщипанные волосы до плеч. Он вампир, Дориан Грей и Ван Гог. Почему Ван Гог? Потому что чёрно-белый фильм тут же превращается в мультфильм, раскрашенный под Ван Гога. «Артисту» ещё предстоит спасать дуру из лап этого злодея.

Утро. Спасать надо и меня. Я договорилась с друзьями о побеге. И сажусь босая на ступеньки аптеки, ожидая их. Я торопливо застёгиваю халат из некрашеного льна. Чей это халат? У него потайные пуговицы, которые одной рукой вообще не застегнёшь. Я застегнула только три верхние и завязала пояс. Мне неловко, потому что мелкие пацаны внизу внимательно наблюдают. Самый мелкий из них садится ко мне на колени и предлагает стать ему мамой. «Но я не твоя мама», — говорю я. «Я знаю», — вздыхает он. Я ничего ему не обещала, но твёрдо решила, что мы заедем за мальчиком, даже если друзья-спасатели будут меня отговаривать. Однако за мальчиком я не успела, его увезли в Плесецк, к космонавтам. И мне пришлось тащиться за ним туда. Глядя на экраны ЦУПа, в которых старушка-Земля беззвучно висела во всей красе, я думала, что это какой-то странный мальчик, я бы выбрала космос.

Но ещё страннее был пушкинист, которому не давала покоя история о том, как Пушкин сознательно убил человека. Мне тоже пришлось выслушать. Пушкин долго вынашивал идею сознательного убийства. И вот как-то ночью он заметил, что в окно лезет вор. Пушкин взял пистолет, дождался вора и выстрелил. Пушкинист же теперь страдает, как же так, ведь гений и злодейство — две вещи несовместные.

А мы с будущим мужем, который совсем ещё не догадывается о том, что он будущий муж, стоим над двумя листочками в клеточку. На столе два гусиных пера и синие чернила в чернильнице, сделанной из плоского, чуть выпуклого камня. Камень — осколок одной из двух статуэток обезьян. Я пробую писать — и у меня получается отличный квадратик. Да, я просто обвела клеточку. А будущий муж, поэт, так красиво ставит подпись! Но я не отчиваюсь, надо просто освободить, отпустить руку — и у меня получатся такие же красивые и нечитаемые буквы. С тем же наклоном! «Я тебя люблю!» — делаю я неожиданное заявление. И в тот же момент будущий муж говорит те же самые слова. Эта одновременность наполняет меня необъяснимой радостью, и я с улыбкой просыпаюсь.

ХРАМ ГОЛУБОЙ ЛИЛИИ

Футуристически-антиутопический сон

Новый аттракцион «Показать Москву». Любопытного облачают в гидрокостюм, но очень тяжёлый и толстый. В районе левого уха в костюме фиксируется крюк подъёмного крана. Любопытного поднимают на чудовищную высоту. Можете мне поверить, я наблюдала это чуть сверху. Высота реально чудовищная. Очередь любопытных ещё более чудовищная.

Но самое чудовищное, что внутри стрелки подъёмного крана бегают двое рабочих для того, чтобы выравнивать баланс. На них только лёгкие белые костюмы, похожие на костюмы космонавтов, иначе они не смогут там бегать. А если они перестанут бегать, они замёрзнут. И вот они весь день бегают, как белки в колесе, и уже перестали замечать, сколько им лететь до земли, если поставить ногу мимо арматуры.

Дальше ещё интереснее. Аристократическая тусовка при тиране. Власть тирана держится на сверхсекретном устрашающем оружии. Аристократия ходит по дворцу и шепчется, что старого тирана пора бы заменить на нового. Чем новый лучше, непонятно. Уже утверждена новая кандидатура, но все побаиваются сверхсекретного оружия. Вокруг дворца сады в большом количестве, туда тоже прохаживаются, но углубляться не рискуют, вдруг там оружие. В садах искусно подстрижены деревья, просто запредельно впечатляюще.

Внутри дворца находится Храм Голубой Лилии. Он представляет собой два ряда голубых скульптур и многорукую богиню во главе. Кажется, этот культ является анахронизмом, потому что никто и близко туда не подходит, а уж вторгнуться в периметр храма не рискуют, боясь ловушки.

Кто-то красиво поёт, остальные ходят со своими полупустыми фужерами, каждый раз опасаясь, что им подольют яд.

Наконец приходит и сам тиран, он маленький, кругленький и рассерженный. Во избежание лишних жертв тиран делает заявление и раскрывает секрет сверхсекретного оружия. Им оказывается пёс-чудовище, сдерживать которого может только одна женщина. Тиран показывает женщину. Это актриса с белыми ресницами и волосами. Её все узнают, а точнее — припоминают. Одна я не могу вспомнить, где она играла.

На улице солнечно, растут голосеменные деревья. Их голые семена похожи на большие стручки акации. Они лопаются не вдоль, а поперёк. И в той половине, что остаётся на ветке, скапливается роса. Её можно пить — она не отравлена.

По небу что-то быстро движется, и от этого неопознанного предмета отделяется другое что-то и быстро летит к земле. Оказывается, это человек, он спокойно приземляется на ноги и идёт во дворец.

И тут просто посыпались люди сверху, как будто им шлюз открыли. У них, конечно, есть какое-то средство для управления полётом, но мне его не видно. Я вижу, как большинство приземляется на ноги, но есть и экстремалы, которые падают на спину и делают кувырок. Честно говоря, меня эти летающие экстремалы уже достали. Не первый раз они мне снятся. И никакого толку от них во сне нет. Вот и сегодня я на них посмотрела, позавидовала и сразу проснулась.

ЧЕТЫРЕ КОШЕЧКИ И СИНЯЯ СТРЕКОЗА

Приснился сон пустой. Сначала увидела себя хозяйкой четырёх кошечек — двух взрослых и двух маленьких. «Многовато будет!» — подумала я и взяла на колени маленькую кошечку, чтобы оценить шансы пристроить мелких в добрые руки. Окрас оказался редким — розовые пятна на сером фоне. Значит, с руками оторвут.

Потом вижу себя в огороде. Сижу любуюсь, как вокруг всё колосится. Особенно порадовала морковь, которая была хаотично понатыкана повсюду. Ботва у неё короткая, а сам корнеплод так могуч, что разрывает землю. «Эх, сколько кроликов можно было бы осчастливить!» — думаю я. Но кроликов не видно, зато видно, как из трещины в яблоневом пне выползает гигантская синяя стрекоза с атрофированными крыльями. По моим прикидкам как раз с меня в длину. Испытываю брезгливый восторг, но тут же забываю про насекомое.

Однако сверху начинает что-то сыпаться. Что-то белое. Догадываюсь, что это стрекозиные яйца и стряхиваю их с волос. Поднимаю голову и вижу, что стрекоза заползла высоко на яблоню, оттуда мечет и мечет, а от самой осталась только верхняя часть тела.

Почувствовав опасность, закрываюсь на замок с мамой на кухне и ищу в ящике стола что-нибудь острое. Ножей в маминой кухне не оказалось, нахожу пачку перца. К сожалению, не чили, а пепперони. (Я, кстати, не знаю, откуда взялось это название. Но оказалось, что я вообще мало чего знаю.) «Недостаточно острый», — думаю я о перце и прихватываю ещё и кусок твёрдой проволоки.

А тем временем стрекоза уже зашла на кухню в образе стройной голой девушки. Идёт на нас, как зомби, и что-то говорит-говорит... Не знаю, как мама, а я точно знала, что это стрекоза, и у неё дикий сексуальный голод.

Высыпаю на неё перец — чхать ей на перец. То есть она даже не чихнула ни разу. И пришлось мне несколько раз проткнуть ей проволокой живот. Крови не было. А сама стрекоза не сразу, но поняла, что всё, миссия невыполнима.

Приснится же такая чепуха... Но одновременно я понимала, что настолько абсурдными могут быть только веющие сны. Оставалось понаблюдать, каким образом такое может сбыться?

Приезжаем с мужем в Тулу к моим родителям. Погода отвратительная, дождь льёт как из ведра. Кроме телевизора никаких дел нету. Как нарочно, по телеку нечего смотреть. Муж выбрал голландский ужастик «Знак». Я вообще была против. Но сидим смотрим...

Шаман-индеец всучил клиентам для снятия сглаза пачку перца, которая не сработала. Надурил, короче. «Начинается», — подумала я и мысленно поставила галочку напротив пачки перца.

Главная героиня видит страшные веющие сны (кто бы сомневался?). Напротив неё ставим не одну галочку, а много. Во-первых, она временами голая. Во-вторых, временами зомбированная. В-третьих, она протыкает своих биологических братьев различными острыми предметами. В одном эпизоде она берёт

на руки четырёх кошечек. В другом эпизоде она с мамой безуспешно запирается на кухне. А зомбированные братья одержимы выполнением старого индейского ритуала точно так же, как моя стрекоза во сне одержима инстинктом продолжения рода.

И только самой стрекозы в кино нет.

На следующий день вдруг появилось солнце. И мы с мужем пошли на огород. Морковки там действительно много, но я даже её не заметила. Я снимала ирисы, которые почти оцвели, и думала, не заманить ли мужа в лес. Сомневалась я потому, что в лесу после таких дождей мокро и комарино. Но мы дошли до леса и стали углубляться в него дальше и дальше, есть у нас любимые места. В конце концов мы вышли к кусту синих стрекоз.

Эти странные создания были настолько восхитительны, что издали мы оба приняли их за бабочек. Я занялась фотоохотой. Не очень успешно, потому что создания норовили летать поверх моей головы, а режим макросъёмки создан для спокойных моделей. Интересно было прочитать потом, почему у одних крылья синие, а у других коричневые. Хотя я догадывалась, что самцы и здесь выбрали лучшее.

И только вчера я пролистала несколько книг про насекомых. Попалось нечто удивительное про цикад Северной Америки. Они откладывают яйца на деревьях. Нимфы падают на землю и проникают к корням деревьев, из которых сосут соки. И только через семнадцать лет нимфы выходят на поверхность, взбираются на дерево, линяют и превращаются во взрослую особь. И внешне нимфы похожи на укороченных насекомых, а крылья им не положены.

Про стрекоз пришлось лезть в Википедию. У них, кстати, не нимфы, а наяды, потому что растут в воде. Но это все знают. А вот то, что я наугад ткнула в странное название «красотка-девушка», и тут же мне открылась фотка с синими и коричневыми стрекозами, это, извините, перебор. Зачем ещё эта красотка-девушка? Мне хватило и всех предыдущих совпадений. Какое-то нехорошее ощущение почувствовала у себя в животе, как только узнала про красотку-девушку. Как будто там, в животе, не бабочки, а стрекозы. И до сих пор немножко неприятно. И то, что фильм назывался «Знак», тоже стало неприятно. А вообще, надо больше интересоваться окружающим миром, чтобы во сне всё было понятно, а то крылья атрофированные... Энтомолог из меня никакой.

КАМУШКИ

Камушки во сне всегда загадочны, но при этом прозрачны. Камушки — это своеобразные гонорары. Литературные.

А сон был очень красочный. Меня в нём не было почти совсем. В нём были подростки. И если я хоть в ком-то присутствовала, то только в девочке, которая повела других на гору.

Девочка была одета ужасно. На ногах вьетнамки, выше спортивные широкие штаны, потом платье и сверху куртка. Всё ещё такое разноцветное. Я (всё-таки я там частично присутствовала) сказала кому-то: «У нас такую одежду называли «из-под пятницы суббота»».

Гора была высокая. А вместо вершины обнаружился огромный кратер. Все знали, что внутри кратера есть нечто загадочное и интересное. Знали все, но никто не видел. Потому что верхняя часть горы была вертикальной. Подниматься к самому верху показалось рискованным. И я так и не увидела, к сожалению, что там внутри. Хотя наша тропинка была короткой. В остальных местах стены кратера были намного выше. Даже кто-то высказал предположение, что в других местах гора выше в два раза. Чтобы заглянуть внутрь кратера, нам не хватило какого-нибудь метра. Обидно, но ничего не поделаешь.

Зато, спустившись, я нашла синий камешек, как будто стеклянный. Потом жёлтый. Потом розовый и фиолетовый. Камни были незамысловатой, но вполне узнаваемой формы. Один, например, был рыбкой. И внутри был нарисован глаз и треугольный хвост. Я собирала камни будучи уверенной, что это награда за подъём на гору.

Потом на земле я увидела концентрические схемы. Похоже изображают Солнечную систему. Вместо планет были кружочки. Я подумала, что камни надо положить на эти кружочки в особом порядке. Но было непонятно, что тогда случится. И, в общем-то, все захотели просто взять камни себе на память, чтобы дома отмыть и любоваться. Удивило меня только, что девочка «из-под пятницы суббота» взяла на память большой круглый камень, напоминающий пушечное ядро. Не знаю, чем она собралась любоваться. Ещё и тащить тяжело в обратный путь.

АКТРИСА

Я — молодая актриса. У всех нас, молодых актрис, проходит диспансеризация, во время которой мы лежим в больничке с психиатрическим уклоном.

Режим нестрогий, между посещениями докторов мы гуляем в парке. Перед больничкой канава, её всё время приходится обходить и перепрыгивать, чтобы не замочить ног.

Погода прекрасная, золотая осень.

И вот я, перепрыгнув канаву, поднимаюсь по ступенькам к двери больнички и, подняв глаза, вижу в высоком окне первого этажа молодого доктора, который мною очарован. От удивления у меня самопроизвольно открылся рот.

Захожу в больничку с самыми приятными ожиданиями и горячими ушами. А с моим доктором ещё несколько молодых докторов, и они без остановки шутят. Шутят так скабрёзно, как это могут делать только молодые доктора.

Поэтому я очень быстро покидаю больничку.

Под белым длинным халатом у меня такая же длинная юбка. Она романтически шуршит. Из-за юбки мои движения не очень быстры.

А тем временем молодые доктора опомнились и посоветовали моему доктору не упускать хорошенькую актрису, то есть меня.

Я прихожу домой. Дом выглядит так: за больничкой, на поляне, стоит стол, на нём вкусности. Моя очень многочисленная семья раскладывает тарталетки и разливает вино по бокалам. Я подумала, это они меня так торжественно встречают. И вдруг приходит мой доктор с одним своим другом из тех скабрёзных докторов. У меня опять возрождаются самые приятные ожидания.

И тут мой старший брат (да, у меня во сне вдруг появился брат, лучше бы не появлялся) произносит бес tactный тост за любовь. И мой доктор (я не сказала... я наконец-то смогла его рассмотреть, он оказался очень похожим на Владислава Дворжецкого в фильме «Бег»), оскорбившись тем, что без него его женят, произносит «совет вам да любовь», разворачивается и уходит. И второй доктор тоже уходит, не успев дожевать тарталетку.

Я же нахожусь в смятении оттого, что события разворачиваются стремительно, и мне пока не удаётся вставить ни слова. Последнее, что я помню перед пробуждением, это моё намерение упасть в обморок, чтобы мой доктор наконец-то смог проявить свои профессиональные навыки. А то какой-то он зажатый.

МАГАЗИН ДУХОВ

Кто-то из актёров во время театрально-литературного конкурса, в котором я принимала участие, посоветовал мне посетить магазин.

Приезжаю по адресу и нахожу железную дверь и отсутствие какой-либо вывески. На всякий случай тяну за ручку, дверь открывается. За ней небольшой коридор и ещё одна железная дверь, только закрытая на замок. Снова никаких вывесок.

«Странные люди эти актёры», — думаю я и выхожу на улицу.

Старушка-одуванчик смотрит на меня со всей подозрительностью, на которую только способна. Так что я со словами «мне в магазин» предпочитаю

скрыться за железной дверью. У внутренней двери нахожу звонок, закрашенный той же серой краской, что и двери. Звоню.

Открывает молодая девушка.

— Мне рыбок купить! — говорю я.

— Заходите! — улыбается девушка.

Магазин больше похож на склад: ряды стеллажей и канцелярский стол, за которым с ворохом бумаг сидит солидная женщина. «Рыбки у входа», — говорит она мне и показывает рукой на ряд аквариумов.

Как только молодая девушка прикрывает дверь, в магазине становится совсем темно. Единственный источник света — настольная лампа солидной женщины.

Солидная женщина выдаёт мне рассказ, напечатанный на газетном листе. Я должна его прочитать, прежде чем совершу покупку.

— А можно включить верхний свет? Я в темноте плохо вижу, — говорю я.

Но дело не только в плохой видимости, мне становится не по себе в абсолютной тишине.

— Конечно, — улыбается молодая девушка и включает верхний свет.

«Ну вот, совсем другое дело!» — успокаиваюсь я.

Рассказ, который я читаю, написан в жанре женской назидательной истории. Но вместо слова «женщина» вставлена картинка с современной женщиной в полный рост.

Количество женщин в рассказе растёт, вот уже на картинке семь женщин подряд, все разные. Пока я пытаюсь постичь смысл замены слова картинкой, верхний свет гаснет сам собой. И тут же дверь, не закрытая на замок, отворяется.

Обе продавщицы не реагируют, а я понимаю, что верхний свет мне не помощник.

— Нельзя ли мне локальный источник света? Вот хоть такую же лампу... — спрашиваю я.

— Конечно, — улыбается девушка, ставит рядом со мной лампу и прикрывает дверь.

Читаю дальше. Но тут же дверь снова приоткрывается. Обе продавщицы старательно не реагируют, они ждут, когда я дочитаю рассказ.

Занавес.

КТО ЭТО БЫЛ?

Обычно сны про загробный мир нестрашные, но бывает и наоборот.

Осень, сумерки. Открываю дверь в бабушкин пустующий дом. Впереди меня проносится кошка, которая будто только и ждала, что кто-нибудь придет и откроет эту дверь. Кошка бежит на веранду и устраивается спать на узком подоконнике. Я неключаю свет, потому что на веранде не так уж и темно. Иду к кошке и гляжу её, пусть себе помурчит перед сном.

Оборачиваюсь к двери и вижу, что открыта дверь в кладовку, которая расположена напротив веранды, и там бабушка. Но в кладовке темно, и бабушку мне видно плохо, она какая-то прозрачная.

Захожу в кладовку, в ней никого нет. Возвращаюсь в коридор. Открыта дверь на кухню. Кухня проходная, за ней маленькая тёмная комната, дверь в ней тоже открыта. В этой комнате умирали старики. И дед там умер, и прабабка. А во сне я вижу в ней незнакомого молодого человека и кричу: «Кто вы? Назовите своё имя!»

И пока я кричу, чувствую, как на меня накатывает панический страх. Мне страшно услышать его имя, страшно услышать голос, который может сильно отличаться от человеческого, и просто страшно находиться одной в доме с призраками. Я злюсь на себя за то, что так неосторожно вступила в разговор, пулей выскакиваю из дома и бегу на дорогу, где вижу девушку, выгуливающую собаку. И больше я ничего не могу добавить, потому что от страха проснулась.

Эта дорога не первый раз заводит не пойми куда и выводит оттуда. Вот так во сне меняется смысл дороги на символ.

МЕТАМОРФОЗЫ. ДВА ГЛАЗА

Снится мне, что по квартире летают оса и шмель. И не просто так, а пытаются друг друга съесть. И я сижу и смотрю, кто же кого съест. И тут происходит первая метаморфоза: шмель уже не шмель, а длинная полосатая гусеничка с ножками. И сразу вторая метаморфоза: гусеничка уже полосатая кошка. Но при этом такая зыбкая, что в ней чувствуешь подвох. Хочется от неё избавиться. И тут же кошка превращается в чёрный дым. Я открываю входную дверь, дым (он уже больше похож на призрак, слишком умный потому что) вылетает из квартиры. Но в это время заходит мама и широко открывает дверь, так что часть дыма снова влетает в квартиру. И я ей на него показываю, мол, надо его выпустить. Мы его выпускаем.

У меня остаётся ощущение, что эти призраки неспроста. И так просто от них не избавиться. Поэтому я почти сочиняю эпизод, в котором молодая женщина (не знаю, кто это) почувствовала что-то странное, стала поднимать матрас и нашла под ним небольшой глиняный сосуд с узким горлом. Из сосуда тут же вылетел уже знакомый чёрный дым. А потом она заглянула в сосуд. И оттуда на неё в моём сценарии должны были посмотреть два светящихся глаза. Хорошо помню, что я мыслила два круглых глаза. Но на неё посмотрел один квадратный глаз. И тут же возникла открытка, на ней мальчик, над которым проводят жестокие медицинские опыты. Именно поэтому у него один глаз. И женщина догадывается, что этот мальчик её пропавший сын.

И был ещё один странный эпизод. Наверное, навеяло новостями про то, как в Америке ищут правду о пришельцах. Но мне само слово «Вирджиния» уже снилось не раз. Сегодня это был город Вирджиния, и через дорогу от него находилась гора в частном владении. Однако все знали, что в горе сооружён музей, раскрывающий все тайны мира, которые только можно себе вообразить. У меня на руках был макет этого музея, выдолбленного в горе. Но при этом никто ни разу в самом музее не был. Вроде как туда невозможно проникнуть без разрешения. Но попытки случались. Кажется, я тоже где-то бегала, куда-то прыгала. Но ничего больше не помню.

На мой запрос «два глаза» Гугл подбросил мне картинку с изображением амулета — бусины Дзи. А ведь мы видим на ней именно один глаз.

ЛЕДЯНЫЕ ПТИЦЫ

Чистый сюр, предупреждаю.

Иду за дядей, потому что он расстроен, а я хочу его утешить. «Одна уже хотела утешить, — говорит дядя не обличаясь, — а потом молча ушла». Мы доходим до дома моего детства, рядом пригород. Мы на него садимся. Я сажусь на каменное кресло, такое, как на античных стадионах. Я рада, что дядя хотя бы остановился. Быстро темнеет. Напротив нас на небе яркая луна. И тут на фоне луны появляются огромные ледяные птицы. Они очень красивы, но это зло.

Громкоговоритель сообщает, что ледяные птицы начнут свою работу через час. Одна из птиц садится на балкон моего подъезда и замирает там, как гargoлья, только прозрачная.

Дядя, истинный борец со злом, вскакивает и бежит к подъезду. Я за ним не очень успеваю.

Я забегаю в подъезд, но это уже не жилой дом, а главное здание МГУ, сразу за входом находится ресторан. Много света, музыки, веселья. За одним из столов сидят мои однокурсники по литературным курсам. Я быстро здороваюсь и спрашиваю, куда побежал человек, зашедший передо мной. Они показывают на лестницу.

Бегу по лестнице, коридорам, вижу, как дядя стоит на балконе рядом с ледяной птицей. Мы оба предполагаем, что в течение часа птица наименее опасна. Не раздумывая, берём хвост, хотя он тоже ледяной, но одновременно горячий, и бросаем его на морду птицы. Под хвостом её морда начинает плавиться. Понятно, что тело птицы без морды, особенно без глаз, уже не так опасно, как раньше.

Но нам надо уйти, потому что это служебное помещение, здесь нельзя находиться посторонним. И мы (оказывается!) выкрали два комплекта комбинезонов, пока их хозяева находились в душевой.

Самых комбинезонов на нас нет. Мы выходим с балкона и видим, что комбинезон (один, но из двух частей) сушится на бельевой верёвке.

Потом мы видим женщину, по-хозяйски осматривающую полку с бельём. «Они не могли пропасть», — уверена женщина. Мы снимаем комбинезон с верёвки, проходим мимо женщины и незаметно подкладываем комбинезон на полки, которые она уже проверила.

Вся операция прошла быстро и успешно. Мы спасли наш кусочек мира. Не уверена, что остальные кусочки дождались своих героев. Помните, что птиц было несколько.

ПИСАТЕЛЬСКОЕ

Ужасы какие-то снятся. Сегодня во сне попала на сбогище молодых авторов. Выступал молодой, но явно очень модный автор (и критик). Фамилия, если она называлась, мне ни о чём не говорила, но одет он был в свитер кораллового цвета (сто пудов — модный автор!), а у остальной молодёжи сделались зомби-лица, как только он заговорил. Господи, за что? Не хочу к ним ни во сне, ни наяву. Звать будут — не пойду. Хотя... смотря как звать, конечно.

А перед тем снилось, как встречаю у подъезда одноклассника Сашку, который именно меня поджидает. Мы с ним поднимаемся ко мне. Но не совсем ко мне. Я снимаю в этом подъезде квартиру, и сама не помню, зачем. Вроде, мне удобно, что у меня в этом городе есть квартира, и я могу в ней переночевать.

Это не просто дом, а доходный дом. Но я вспоминаю об этом не сразу. Сначала надо понять, куда идти, потому что это целая сеть коридоров. Я в подобных снах часто не могу найти дорогу и забываю номер квартиры или комнаты, а тут всё получилось с первого раза, открываю дверь и вижу небольшую комнату, весь пол которой застелен дерюжками, и пылища столбом стоит. Я, конечно, давно сюда не приезжала, но за квартиру-то плачу исправно.

Приходит хозяйка доходного дома. Видимо, консьержка ей доложила о моём внезапном появлении.

— Что это? — спрашиваю я её, показывая на дерюжки.

— Это я писателей впустила, — говорит она, начиная скатывать дерюжки, — у них фестиваль.

— Какие писатели, — говорю, — у вас свободных квартир целый дом, а вы их всех ко мне селите. А у меня тут, между прочим, ценные вещи.

Она струхнула и говорит:

— Скажи, что про ценные вещи пошутила.

— Ну что я ненормальная тут ценные вещи оставлять? — говорю я.

И в этот момент я вспоминаю, что у меня здесь живёт ребёнок (кажется, дочь) и кот. Кот, как только я его вспомнила, бросился на ручки и давай мурчать. Где-то в углу ребёнок зашевелился. Живой, стало быть.

А вот про Сашку, одноклассника, я успела забыть. Так и не знаю, чего приходил. С этими котами, детьми, дерюжками забудешь, зачем шла.

СТИХИ

ПОСЁЛОК

Здесь голуби низко летают,
Не выше пяти этажей,
И пьяные жёны гуляют
От вечно нетрезвых мужей.

Бессонницы в мае нередки,
Беруши готовь не готовь...
Вчерашние дети в беседке
Истошно играют в любовь.

Закроешь в квартире все окна
В попытке спастись от весны,
Но запах черёмухи плотно
Вползает в разбитые сны.

Какое короткое лето!
Живое торопится жить.
А с краю на кладбище где-то
И детство, и юность лежит.

* * *

Всё будет с тобою не так, как с другими,
От зависти лопнет район Текстили.
Я стану писать тебе: «Милый друг Джимми...»,
А ты отвечать: «Дорогая Лили...»

Мы краски накупим на двести заборов,
Потратив все евро твои и рубли,
Но каждому небезразличному взору
Откроется: «Джимми — сердечко — Лили».

Случайный прохожий прищурится: «Вот как!
Наверное, эта Лили хороша...»
И вдаль устремится летящей походкой,
И счастью его распахнётся душа!

* * *

Случился вечер поэтический
В библиотеке поселенческой.
Пришли стихи послушать планово
Старушки девяноста лет.

И в ситуации критической,
И даже трагико-комической,
Стоит поэт, как на заклании,
Аудитории-то нет.

Свои стихи постмодернистские
Читает очень неуверенно,
Цитаты, в цели не попавшие,
В осеннем воздухе висят.

И взглядами по-детски чистыми
Поэта провожают бережно
Старушки, внуков не видавшие
Последние лет пятьдесят.

ОБИДА

Не получается шутить,
Как будто высохли все краски
И кистью незачем водить
По недокрашенной терраске.

Наш дом молчанием глухим
Наполнился в мгновенье ока.
И я шепчу твои стихи
Про дом, поставленный без окон.

Сухое шевеленье губ,
Я — рыба, брошенная наземь.
Ты первый раз со мною груб
Из-за случайной глупой фразы.

ВЕСЕННЕЕ

Из подъезда, где «Таня + Юра»,
Вышла девушка в красных колготках.
Голубое пальто по фигуре
Не стесняло весенней походки.

Она шла, излучая флюиды
На мужчин блекло-серого цвета.
У котов в марте громкие иды,
А мужчины, казалось, ждут лета.

Но флюиды кололи нещадно
Внутримышечно и внутривенно,
Потому что смотрелась нарядно
И местами вполне откровенно.

Так игриво подпрыгивал хвостик
У хорошенькой пони-девушки,
Что мужчины расправили кости
И нахмурились злые старушки.

Ну а девушке не было дела —
Она вся влюблена до макушки,
И пока на свиданье летела,
Ей весна рисовала веснушки.

* * *

В воспоминаниях бессильно тонул и плавал я.
Ноги её были красивые. Особенно правая.
Левую тату дурацкая чудовищно портила.
Кровь в ней текла пиратская. Терпел её фортели.
Только язык змеиный проколотый сильно нервировал.
Я ей нашёптывал: «Дура ты! Хоть и красивая!»
Ей же такие ругательства очень нравились —
Скалила ровные зубы свои и в ответ куражилась.
Но кто их, баб, разберёт, что им нужно.
Сказала, хочет идти вперед, предложила дружбу.
В гробу я видел дружбу твою, кукла ты крашеная!
Вот уже год её не люблю. Помню вчерашнею.

БОГОМОЛЫ

Если бы богомолы были огромны
И сидели рядком на зелёном газоне,
Я бы реже выходила из дома
И не приближалась к опасной зоне.

Вылазки на природу свелись бы к минимуму,
Шашлыки превратились в игру на выживание,
А то потянемшься к прутику ивовому,
А он тебя — хвать — и размелет жвалами.

Какое счастье быть великаном,
А не основой пищевой цепочки!
Мы извели своих тараканов,
Но это, к слову, ещё цветочки!

Мы сядем рядком на зелёном газоне,
Достанем сыр, помидоры и вермут.
Первый шашлык в этом сезоне.
Первый комар, прихлопнутый нервно.

Рядом с нами выжить непросто
Неспособным к сопротивлению.
Мы — богомолы большого роста,
Развращённые сытой ленью.

ТИНА

Есть, говорят, такое место,
Где непременно пойдёшь ко дну.
Где барокамерный детский оркестрик
Мелодию изображает одну
И ту же. Не то чтоб стужа,
А просто комнатная вода.
Люди, решив, что никто им не нужен,
По дну гуляют туда... сюда...
Денег нет, чтоб купить сигареты.
Нет и торговли у продавцов.
Раз в неделю бывает карета —
Привозит состарившихся вдовцов.

Не мертвецов, но в чём-то схожих,
Лёгкие так же полны H₂O.
Вдовцы пугают случайных прохожих
Забытым словом на букву «о».
Отчаянье... Чаянье... Таянье. Эти
Этапы смирения всем видны.
А впрочем, волнуют меня лишь дети
И те, кто их вытолкнет из глубины.

ЭКСПОЗИЦИЯ

По лесу движется маньяк
В плаще вьетнамского пошиба.
В бутылке плещется коньяк,
И в нём три звёздочки паршивых.

Такси везёт в аэропорт
Любительницу тантра-йоги.
Просроченный доела торт —
Теперь её мутит в дороге.

Судьба сведёт их у шоссе,
Как свёл таксист татуировки.
(Он хочет выглядеть как все,
Но не утрачивать сноровки.)

Кукушка: «ку» — и замолчит.
В лесу ни шороха, ни свиста.
Лишь труп в багажнике стучит,
Чтобы таксист не гнал так быстро.

Смеркалось. Змеями вились
Автоколонны в хороводе.
И звёзды пьяные сошлись
На сумасбродном небосводе.

СИРЕНЫ

Сирены, покинув холодные воды,
Ушли с головою в мир стиля и моды.

Застылые взгляды, скульптурные лица
На ярких плакатах культурной столицы.

Но больше не слышно сиреневых песен.
А мир без них скучен и неинтересен.

И держат сирены с мольбою о чуде
Свой собственный голос в закрытом сосуде.

Приснится поэту, шуту городскому,
Как бродят сирены по пляжу морскому.

Сверкают сосуды. Луна высока.
Но море сирен не простило пока.

Алексей
АБАКШИН

Алексей Абакшин

Детство провел в городе Вельск. Жил в Костроме.

Окончил Орехово-Зуевский пединститут.

Выпустил несколько книг и музыкальных альбомов. В 2005 году вышел документальный фильм «Человек из гетто» (режиссер Роман Назаров). Публикации на ресурсах: Проза.ру, Стихи.ру, SoundRussia.

ДЕВУШКИ И СОБАКИ

Сказать по правде, ничего такого об этой самой эпидемии, или как она там называется, я писать не собирался. Я, знаете ли, по своей натуре довольно ленив. К тому же, у меня, кроме этого, писать есть о чём, и получается вроде бы неплохо – свидетельством тому отзывы о моих опусах весьма известных людей, публикации в разных изданиях, образование соответствующее, в смысле подходящее к текущему моменту – гуманитарное. Один известный писатель так прямо мне и сказал – вам нужно писать, у вас сто книг в голове. Я посчитал на досуге – сто не сто, а с десяток насчитал. Живу я один, времени свободного много, зарплаты хватает, с голоду пока не пухну, запросы, в общем-то, минимальные – казалось бы – твори!

Но нет. Всё дело тормозит отсутствие мотивации. Мотивации у меня нет. Кто-то пишет из-за денег, кто-то хочет прославиться или завоевать расположение какой-нибудь красавицы. Один знакомый писатель сказал в беседе, что пишет от скуки. Так и сказал – пишу от скуки. И я ему верю – скука вещь серьёзная – один из главных социальных феноменов современного мира, наряду сексом и деньгами. Но мне мой старший брат ещё в молодости внушил, что «культурному человеку скучно не бывает». Так и сказал. Я себя особо культурным человеком не считаю, но слова брата запали в душу, тем более что он любезно объяснил, почему это всем бывает скучно, а «культурным людям» – нет. Брат сказал, что им в отличие от всех прочих скучать некогда. Они книги читают, языки изучают, ремёсла – в общем, находят себе занятие, которое совершенно не даёт скучать. В мире ведь очень много всего интересного – музыка, кино, живопись, места необычные – и за границей, а нет денег – в России много такого, чего посмотреть можно. И деньги тут далеко не самое главное. Важнее вкус и желание узнать что-то новое.

Но вернёмся к нашим баранам, вернее, к собакам, а ещё вернее – к девушкам. Нет, вы не подумайте, я не Казанова какой-нибудь, я человек серьёзный. Меня девушки, сказать по правде, в этом самом смысле давно не интересуют. Возраст, знаете ли. Но я не переживаю – меня и в молодости все эти глупости не очень-то волновали, а уж сейчас и подавно.

Так что дело тут не в девушкиах, дело тут в собаках.

Предвида ваше недоумение, спешу объясниться. Последнее время в связи с событиями, о которых я уже упоминал, под моими окнами стало появляться немало народа, выгуливающего своих питомцев разных пород, размеров и окраса.

Как-то сразу бросилось в глаза, что большинство из них – девушки. Но постепенно до меня стало доходить, что не они, а их разномастные питомцы стали причиной моего беспокойства.

Нет, они не лаяли, завидев меня в окне, не проявляли беспринципную агрессию.

Но было в их поведении что-то такое, что постепенно начинало вызывать у меня всё большую тревогу. Некоторые из них, подойдя поближе и увидев фигуру в окне, надолго застывали, не сводя внимательных глаз с объекта наблюдения. Не знаю, что вызывало такой пристальный интерес друзей наших меньших, но я чувствовал, что всё это неспроста. Несколько раз их хозяйкам с большим трудом удавалось увести своих питомцев от окна. Признаюсь, всё увиденное не добавляло мне оптимизма.

Чтобы хоть как-то успокоиться, я шёл в соседнюю комнату и включал телевизор, чтобы с головой погрузиться в самую гущу борьбы с известным всему миру вирусом. Комментарии авторитетов, ежедневные сводки, аналитика, разнообразные, далеко не всегда оптимистичные прогнозы, статистические выкладки, неведомая ранее лексика: «социальное дистанцирование», «экспонента», «обсервация», «пандемия», «самоизоляция» – всё это с самого утра погружало в особый, неведомый ранее мир.

Телевидение неустанно вносило свою лепту в борьбу с обрушившейся на человечество эпидемией, неумолимо клеймя тех, кто, проявляя преступную беспечность, покидал жилище без уважительной причины. А такие были – и немало! И я, спустя какое-то время, почти с ненавистью смотрел в окно на тех немногих, что шагали куда-то, презрев свой гражданский долг.

Но нет, я был не таков, добросовестно не выходя из дома, ну разве что в близлежащий продуктовый магазин, предварительно надев защитную маску, перчатки и солнцезащитные очки. На работу ходить было не нужно, и я целыми днями сидел дома, честно внося свою скромную лепту в дело общей борьбы с охватившей весь мир напастью.

Как я уже писал, живу я одиноко, замкнуто, почти ни с кем не общаясь. Для меня это абсолютно нормально – могу подолгу ни с кем не разговаривать, ну разве что с соседями поздороваюсь. Из дома последние года два с половиной выхожу крайне редко – разве что продукты купить или мусор вынести. Такой

вот поведенческий минимализм. С кем попало общаться не хочу – сотрясать воздух пустыми, ничего не значащими фразами. Вот и сижу безвылазно дома, ну прогуляюсь иногда по окрестностям своего района, расположенного на окраине небольшого города.

Так что в этом смысле я человек закалённый, подготовленный, и одиночество для меня вовсе не в тягость.

День за днём девушки с собаками всё так же прогуливались под окнами, и некоторые собаки всё так же пристально глядели в моё окно. Мне льстило их внимание, и я подумал, что должен хоть как-то оправдать их ожидания. Поразмыслив, решил, что должен и дома ходить в защитной бело-голубой маске, одноразовых перчатках и тёмных очках, как можно чаще мыть руки с мылом и мерять температуру. И мне уже не стыдно было глядеть в глаза четвероногих друзей, когда я видел очередную девушку с собакой за окном. И мне начало казаться, что и собаки, оценив мою высокую гражданскую позицию, более благосклонно взирали на человека в защитной маске и тёмных очках, пристально глядящего на них из окна.

Спустя какое-то время я начал понимать, что девушка в этом тандеме вторична, а главную роль играет умная, тонко чувствующая ситуацию собака. И неважно, какой она породы – овчарка, лабrador или беспородная дворняга. Собака разумнее девушки, в ней больше социальной ответственности, если хотите. Девушка запросто может пойти гулять без собаки, но собака никогда не пойдёт на прогулку без девушки. Девушки – попса, собаки – то, что надо в такой ситуации. Собаки – это серьёзно.

Да, они не умеют ловко управляться с компьютером, у них нет последней модели айфона, они не торчат от Бритни Спирз или Димы Билана, но именно с них надо брать пример в такое непростое время.

Они всегда бдят, они всегда начеку, они всегда «на чеке», как выразился известный персонаж сериала «Пёс». Они не совершают антисоциальных действий, не жарят шашлыков на природе в разгар эпидемии коронавируса, и если вынужденно присутствуют на подобного рода безобразиях, то вряд ли в душе их одобряют, а мясо из рук безответственных хозяев берут из присущей их природе деликатности.

И не будем забывать, что именно собака первой побывала в космосе! Собака – это звучит гордо! Победи в себе девушку, воспитай в себе собаку (в самом высоком смысле этого слова). Нет гламурным фифочкам с крашенными ногтями и накладными ресницами. Да – ежедневной самодисциплине, преданности и простоте.

Так – выживем, так – победим!

РУССКИЕ ПЛЯШУТ ВПРИСЯДКУ

(из книги «Другой век»)

* * *

Леониду Галкину

Может быть где-то, не знаю,
В жизни всё славно и гладко,
Только, забыв про удобства,
Русские пляшут вприсядку.

Вдрызг сапоги разбивая,
С посистом, валко ли, шатко,
В пляске про всё забывая,
Русские пляшут вприсядку.

Стройно кавказец гарцует
В бешеном вихре лезгинки,
Джигу ирландец танцует –
Такт отбивают ботинки.

Где-то в баварской глубинке,
Выпив отменного пива,
Бюргер в угоду старинке
Кружит по залу игриво.

В клубах весёлого дыма
Вечер кружит и смеётся,
И, тут и там, сквозь йодли
Про «нох айн маль» раздаётся.

Быются на стойбище чукчи
В трансцендентальном припадке...
Гордо храня равновесье
Русские пляшут вприсядку.

Есть в этом танце надежда,
Есть в нём мечта и свобода.
Бабочкой кружит над лампой
Горькая радость народа.

И ни при чём тут пол-литра,
И кто кого уважает.
Этим затейливым танцем
Русский себя выражает.

Вот он я весь нараспашку,
Видишь – люблю и не трушу.
Рвётся на части гармошка
Выплакать русскую душу.

То растанцуется лихо –
И ходуном половицы.
То вдруг наладится тихо –
Будто во сне что-то снится...

Где-то наверно, не знаю,
В жизни всё гладко и сладко.
Но сквозь года и метели
Русские пляшут вприсядку.

* * *

Жить в Освенциме твоих рук,
Жить в Майданеке твоих губ.
Говорили мне, что я груб,
Говорили мне, что я – труп.

Утверждали, то, что я плох,
Чуть пробился над губой пух,
Говорили мне, что я – лох,
Заблудившийся в ночи дух.

Достигал я пару раз дна,
Убивали пару раз, но
Постигая лабиринт сна,
Забывал я, то что есть дно.

Рвал овчарками меня страх,
Свет надежды в небесах гас,
И больнее, чем удар в пах,
Страшной ночи роковой час...

Если верно, что Земля – шар,
Значит, было суждено так,
Психодрамами богат век,
Смех сквозь слёзы, и сквозь свет – мрак.

Наважденьем по ТВ клип:
Лишь полшага – и трещит лёд.
Я, как муха, навсегда влип
В карих глаз твоих густой мёд.

Вновь раздастся за спиной вздох,
И шипя пойдёт любви пар.
Кто-то жив, а я давно сдох
В стылом карцере твоих чар...

В дивном храме поутру свет,
В русском гетто грязь накрыл снег.
Пусть закончился один век –
Продолжается другой век.

ВЕСНА В ГЕТТО

Вся округа – как ковчег света,
Сорван серенький покров буден,
Небывалая весна в гетто,
Небывалая весна, люди!
Солнце плещется в воде мутной,
Наполняя всё вокруг жаром.
То, что было лишь вчера трудно,
Будет нынче отдано даром.
Улыбнутся, позабыв холод,
Обитатели домов серых.
И высоко в небесах голубь
Затрепещет, как предвестник веры -
Веры в то, что тьма слабей света,
Веры в то, что всё ещё будет.
Небывалая весна в гетто,
Небывалая весна, люди!

АПРЕЛЬ

Л.

Ещё чуть-чуть и лето.
Не знаю, почему
Душа стремится к свету
И отвергает тьму.

Забудь про энтропию
И недостаток сна –
Вновь светотерапию
Устроила весна.

Везде цветочный запах,
Пьянящий, словно эль,
И мчит на Юго-Запад
Смеющийся апрель.

Зелёные побеги
Взошли из-под земли.
Забудь о тьме и снеге,
Свой дух расшевели.

Зима своё отвыла
Волчицею лесной.
Москва легка, стокрыла
Любуется весной.

Как сладко воздух пьётся,
Как радостно в груди,
Как весело смеётся,
Как много впереди

Таинственных мгновений,
Загадочных минут.
Апрель – весёлый гений
Опять не даст уснуть.

ЗАДАЧА

Жизнь, как борьба за
Соотношение цены и качества,
Вечная мука в поисках
Хлеба насущного.
Вывести на свет всех тех,
Кто внутри нас прячется –
Вот достойная задача
Всего мало-мальски сущего.

* * *

Душным летним вечером я и мой отец сидим в тёмной комнате с закрытыми ставнями и смотрим многосерийный художественный фильм «Четыре танкиста и собака». Входящие в состав экипажа три поляка и один грузин (национальность собаки неизвестна) совершают различные подвиги и доблестно сражаются с захватчиками, собака по мере своих собачьих сил и способностей помогает

им в этом. Чёрно-белое изображение постоянно расплывается, по экрану скачут полоски помех. Смотреть и трудно, и неинтересно, но мы смотрим, потому что смотреть больше нечего, а посмотреть что-то надо. И так каждый вечер, от начала до конца, все серии. Всё те же поляки, всё тот же грузин, всё та же собака Шарик неизвестной национальности бьют немцев и в хвост и в грину, крепко дружат и не забывают, что на войне всегда есть место шутке. За окном изнывает славный месяц июль, а мы всё сидим и смотрим многосерийный художественный фильм «Четыре танкиста и собака», потому что смотреть больше нечего, а посмотреть что-то надо.

Недалеко от дома проходит железная дорога, по которой через определённые промежутки времени идут пассажирские и товарные поезда, уносящие пассажиров и товары в дальнюю даль.

Бабушка хлопочет на кухне, во дворе в своей дощатой конуре мается от жары наша собака по кличке Рекс, которую отец ещё щенком принёс домой.

Лето в разгаре.

Наконец фильм закончен, наши победили, враг разбит. Спрашиваю мнение отца об этом фильме, и он, немного подумав, отвечает, назидательно подняв вверх указательный палец:

– Длинный и бессмысленный, как верёвка!

Я поражён ответом, пытаюсь возразить, говорю, что верёвка может быть длинной, но она никогда не может быть бессмысленной, на что отец, подростком переживший войну в тылу, видевший, как люди целыми семьями умирали от голода, и оставшийся в живых (как и те из его семьи, кто не был на фронте) только благодаря находчивости и упорству, поднимает вверх указательный палец и повторно провозглашает:

– Длинный и бессмысленный, как верёвка!

ИЗЫСКАННОЕ

Может быть, вам и слабо,
Ну а по мне – в самый раз
Девушку в строгом жабо
Вызвать в предутренний час

В сад, где блестят на листах
Крупные капли росы,
Бабочки выются в кустах,
Круглый кусок колбасы

Кем-то обронен лежит,
Бойких собак избежав.
Тучка ночная бежит,
Мальчик забылся, дрожа

В детском игрушечном сне,
Что навевает весна.
Где-то играют Массне,
Даль золотисто-красна

День обещает такой,
Что ни первом описать,
Веер над нежной щекой
Ходит, в окрестных лесах

Чуткая прячется лань,
Страха и неги полна.
Всюду, куда ты ни глянь,
Плещет желанья волна.

Сонный нарушив покой
(Полдень ещё далеко)
Нежной, ноластной рукой
С девушки сдёрну трико.

Бёдер запретных эмаль
И ягодиц пастила
В сердце развеют печаль,
Ту, что томила и жгла.

И не касаясь земли,
Смутных желаний полны,
Как на картинах Дали,
Вдаль поплынут корабли...

Солнце расправится с тьмой,
В мир посыпая лучи,
И я отправлюсь домой –
Новые стансы строчить.

Может быть, вам и слабо,
Только по мне – в самый раз
Девушку в строгом жабо
Вызвать в предутренний час
В сад...

ЖИЗНЬ

Продираясь сквозь эту жизнь, как измученные путники пробираются сквозь непроходимые джунгли или дремучий лес, вглядываясь внутрь себя самого и видя внутри только беспрозрачно-кромешную тьму и зияющие пустоты немых глазниц прошлого. Мрак в нас и вокруг нас. Но всё то, что не есть мрак, есть свет.

Свет в нас и вокруг нас – это ли не то, к чему должно стремиться?

Когда ты молод – ты могуч, ты светел, ты крылат – крылья юных надежд уносят тебя далеко-далеко, туда, где нет мучительных сожалений, утраченных иллюзий и понапрасну прожитых лет. О, эта сладость незнания! Ты пьёшь из родников чистейшую целебную влагу, наполняющую тебя светом и силой, пьёшь и не можешь напиться. И тебе кажется, что всё это будет длиться вечно, и крылья вечной молодости будут без устали переносить тебя с одного места на другое, а вокруг будет вечно струиться свет – много света, целое море сверкающего и переливающегося солнечного простора. Смеяться взахлеб, до икоты, носиться сломя голову весь день, а ночью моментально засыпать, едва щека коснётся подушки, и спать, как убитый, – это и есть молодость, которая верит без доказательств, любит без логических объяснений... – а разве можно любить за что-то, по-моему, любят просто так? – возразит кто-то.

Полнейшая ерунда! Любят всегда за что-то, всегда есть какая-то пусть не особо видимая и понятная причина любить. А рассуждения о том, что можно любить кого-то просто так оставьте разным дамочкам, которые неуклюже пытаются оправдать этими словами свою сексуальную неразборчивость.

Но постепенно время – самый жестокий и безжалостный диктатор, не знающий пощады, – начинает брать своё. Крылья теряют былую упругость, вода из заветных родников начинает горчить, в некогда звонком и беззаботном голосе проскальзывают унылые, дребезжащие нотки. Во взгляде всё больше рассеянной задумчивости, всё меньше искрящегося огня. И свет вокруг уже не так ярок.

И постепенно вас начинает обступать тьма. Незаметно, день за днём, шаг за шагом, она, крадучись, подбирается всё ближе и ближе, вытесняя спасительный свет куда-то далеко за пределы вашего зрительного восприятия. Ваша кожа становится всё более дряблой, безобразные морщины покрывают некогда молодое лицо – это безжалостное время вырезает на нём знаки своего владычества.

Единственное, чего не может победить человеческий гений – время.

А тьма уже обвила вас плотным кольцом, делая все предметы вокруг почти неразличимыми. Каждое движение даётся с трудом, раскалённый воздух обжигает лёгкие, распухшие, гноящиеся глаза слезятся. И непослушное тело делается все более беспомощным.

В воображении роятся воспоминания, целые сонмы воспоминаний – о таинственных тропинках детства, о ласковых глазах всех тех, кто любил вас – их было немного, но они были – те, кто любил вас...

Все мы узники невидимой тюрьмы, приговорённые бесстрастным судьёй по имени Время к высшей мере наказания с отсрочкой длиною в жизнь.

Наталья
БАРЫШНИКОВА

Наталья Барышникова

Поэт. Прозаик. Переводчик. Журналист, публицист, редактор. Много лет занимаюсь книгоизданием. Член Союза писателей России с 2001 года.

Автор восьми поэтических и прозаических книг: «Пока не кончилась Земля», «Зерно родства», «Бабочка в твоей руке», «Белый шиповник», «Континентальный климат», «Сберкнижка», «Соты», «Домашний кит».

Публиковалась в литературных журналах «Наши современники», «Золотой век», «Вестник Европы», «Отчий край», в альманахах и газетах РФ, в коллективных сборниках «Равно-денствие», «Восхождение» и др. Переводчик поэтических книг Сабигат Магомедовой «Расколотый мир» и «Любимая в тени».

Лауреат Международного фестиваля им. Александра Невского (2007, 2011) в номинации: литература, журналистика, просветительство.

Лауреат Всероссийской литературной премии «Сталинград» (2010).

Училась в Волгоградском политехническом институте (факультет горячей обработки металлов), в Волгоградском культпросветучилище (режиссёрское отделение), в Литературном институте им. Горького (семинар Андрея Василевского).

Биография получается складненькая, почти зарифмованная. Просяется ещё несколько премий, закольцовывающих выдающийся литературный путь, скажем, Государственная и

Нобелевская. Да не вышла – ни возрастом, ни амбициями. Возраст ещё не тот, амбиции уже скромные.

В детстве же, едва начав осмысливать мир и себя осознавать, абсолютно чётко знала, что лучший след, который способен человек оставить после себя – стихи. Позже не раз посмеялась над собственной наивностью, но тогда была запрограммирована, даже зомбирована семьёй на поэзию. Ждали появления на свет восемь лет, усердно придумывая меня, мама-филолог – Людмила Михайловна Гусакова, отец-историк – Владимир Ефимович Барышников и бабушка Наталья Германовна Гусакова – дипломированный филолог с 1946 года. Вот и получилось то, что получилось.

Еще несколько слов об отце. Владимир Ефимович Барышников появился на свет 1 сентября 1929, ушел в вечность 7 января 1994 года. Место рождения – станица Усть-Медведицкая (нынче город Серафимович). Родители – учителя. Отец, Ефим Евсеевич, директор-историк старой гимназии. Мать, Александра, учительница начальных классов. У Владимира Ефимовича была младшая сестра Антонина. В 1937 году Ефима Евсеевича арестовали и отправили в лагерь. Он писал из лагеря письма.

Владимир Ефимович окончил Сталинградский педагогический институт им. Серафимовича. Совсем молодым, в 24 года, его назначили директором вечерней школы при ХИМПРОМе (позже – военного предприятия), а в середине 80-х перевели директором вечерней школы Краснооктябрьского района Волгограда.

Отец был заядлым грибником, рыбаком и травником, спортоменом – шахматы, волейбол, горный туризм.

Расшифрованная аудиозапись воспоминаний отца, где он рассказывает, как ходил в горы, сделана в марте 1993 года. Насколько я поняла, время этих событий – август 1972 года. В том же 72-м году я пошла в первый класс, отец вел меня за руку.

ПИК КОММУНИЗМА

ПАМИРСКИЙ ФЕРЗЬ

(Аудиозапись на магнитофонной кассете МК-60-1, сторона А)

— Горы не прощают ошибок. У всякого горного ландшафта неповторимый темперамент. Исключительная гравитационная сущность, глубже сказать. И человек вынужден сообразно обстоятельствам слиться с законами горной жизни. Если нет гармонии — горы заберут тебя. Они отнимут силы, раздавят, похоронят во льдах, под снегом. На каждом шагу — ловушка. Сродни с фильмом «Сталкер» Тарковского. Но выдуманная Зона посещения пришельцами лежит в горизонтальной плоскости, а в горах, реальных горах, опасности поджидают и на линии горизонта, и по линии вертикали. Объемнее. Но суть, в конечном счете, та же, как пел Визбор: «Отыщешь ты в горах победу над собой».

Советую найти и прочитать книгу Владимира Шатаева «Категория трудности». К сожалению, у меня ее нет, отдал в школьную библиотеку и — с концами. Наверное, кто-то из моих учеников решил освоить альпинизм (*смеется*). Книга действительно интересная. И в ней как раз автор выводит чуть ли не знак равенства между альпинизмом и поэзией. Не своими словами, но мысль очевидна. Поэзия — стремление всеохватной души объять необъятное. Но часто уровень поэтической одаренности так и остается не выше юношеского порыва. Человеку некогда, человек трудом зарабатывает на жизнь. Но, возможно, он и понимает, что творчество в литературе — не его конек.

И так с альпинизмом. Вот ты готовишься, изучаешь, технически растешь, оттачиваешь мастерство в спортивном клубе, а попадаешь в горы, на, допустим, 3000 метров над уровнем моря, и задаешься вопросом: «Что я здесь делаю?». Не найдя ответа, скалолаз так и не становится настоящим альпинистом, а Пушкин — поэтом. Каждая профессия, каждое направление деятельности человека — область применения волевых, умственных и физических качеств. Здесь он оставляет свои силы ради множества наград. Это может быть мгновенное чувство счастья, может быть осознание своего величия, своей нужности человечеству и так далее. А вместе с силами человек теряет здоровье и жизнь. Иногда трагически, нелепо, случайно, иногда из-за собственной беспечной ошибки или фатальной ошибки товарища. Из горевосходителя альпинист превращается в горевосходителя. А восхождение, я считаю, это не только победа над собой, но и

победа над сверхчеловеческим, победа над царством природы. Сейчас природа покорилась тебе, сейчас она позволила тебе взойти на вершину, а через секунду готова тебя унести в царство мертвых. И так везде и всегда.

Я тебе расскажу маленькую историю. Нет-нет, без трагедии. Просто о том, как в критических ситуациях люди могут реагировать. Это было почти двадцать лет назад, на Памире. Наша группа из шести человек вышла к ледопаду. Ледопад? Как если бы ты оказалась во дворе, а перед тобой вместо гладкого асфальтowego тротуара многотысячное шествие айсбергов, самых разных по размеру, по форме, сплоченных, разъединенных, с невероятным количеством трещин, и трещины способны появиться под ногой в любой момент. И мы никак не могли обойти айсберги. Слева и справа летят с крутых склонов камни, «чемоданы». Очень опасно. Искать новый маршрут, распутывая узлы горного рельефа – потерять времени, а для альпиниста время – фантастически ценно. Надо было выбирать, мы выбрали «зубную щетку», так обозвали ледопад. Ползли несколько часов. И когда уже выходили на более-менее ровный участок, я увидел его под скальным выступом. Серак – ледяной монстр высотой в пять метров, он был как будто главнокомандующий, вожак айсбергов. А на верхушке серака восседала каменная глыба, «Царь-чемодан». Нерукотворное произведение искусства. Памирский ферзь. Я решил сфотографироваться на его фоне. Со мной в связке были Вениамин Зюзин и Анатолий Шилкин. Здесь надо немного об этих двоих ребятах рассказать.

Веня Зюзин, кличка у него Зюзя, он ею гордился. Столбист, родом из Красноярска. В Москве учился в МГУ на физфаке, постигал нелинейную оптику под руководством Рэма Викторовича Хохлова. Невысокий, жилистый, подвижный, неусидчивый. Заядлый курильщик, дымит как сто паровозов. Красноярские Столбы, откуда, кстати, великие альпинисты братья Абалаковы, были его альма-матер, колыбель скалолазания. Рассказывать о знаменитых скалах мог бесконечно. Хвастал, что выиграл спор, поднявшись на одну из сложных стен с завязанными глазами. В Ялте какие-то места призовые занимал на всесоюзных соревнованиях. Не любит веревку, но на Памире без нее не обойтись. Говорил, что совершил настоящий подвиг, когда вместо галош умудрился, скрепя сердце, надеть шекльтоны. Утверждал, что в экспедиции он по заданию Рэма Викторовича. Грустно об этом вспоминать. Рэм Викторович в 77 году, к тому времени уже ректор МГУ, не смог подняться на пик Коммунизма, все силы отдал, но не взошел, проведена была уникальная спасательная операция, но врачи не спасли... (вздыхает) Зюзя болтун отменный. Скажешь предложение, он твое последнее слово раз сто проговорит вслух, как будто философское изречение заучивает. Но иногда и сам что-то дельное произнесет – задумашься... (в этом месте пленка испорчена, не разобрать...) Говорил: «Альпинисты – физики, а йоги – лирики». Пожалуй, в этом что-то есть.

Толя Шилкин. Инвалид по слуху. Он глухой, а не глухонемой. Есть разница. Толя потерял слух в 10 лет, поэтому у него сохранилась речь. Если постараться, его бурчание не трудно разобрать. А я, к тому же, знаю немного жестовый язык и читаю по губам. Моя мама, твоя бабушка, оглохла в 37 году, когда ее мужа забрали. У нее был слуховой аппарат, но мы все равно учили ручную азбуку глухих. Так что я Толю вполне сносно понимал. У нас дополнительная альпинистская система жестов и знаков сложилась. И он уже повидал горы будь здоров. Ходил на Эльбрус в 67 году. Ходил на пик Ленина. Там он потерял товарища, говорил мне: «Горечь ощущаю, и как будто я сам там погиб...» Место под названием «сковородка». Скажи всем, кто идет на Ленина, чтобы внимательнее на этом участке...» Высокий благодаря длинным ногам, плечистый, черноволосый, похож на французского киноактера. Он математик из Дубны, закрытый. Изучает в «ящике» элементарные частицы. Толя сказал, что когда мы спустимся в базовый лагерь, он «покажет Хрущева». Мы оба заядлые книжники. У меня книга Станислава Лема «Магелланово Облако», у него – «Тигр снегов» Тенцинга Норгэя. Книги скорее как талисманы, успеваем прочесть по несколько страниц в часы отдыха между акклиматационными выходами.

Возвращаемся к ледовому памирскому ферзю. Толя достает из «абалаковского» рюкзака фотоаппарат «ФЭД», спускается метров на десять ниже. Мы с Зюзей красуемся буквально под головой памирского ферзя на покатом основании... И тут я слышу такой звук – циннны! Зюзя его тоже услышал, хоть и болтал громко. И реакция его была – никогда не забуду – он прыгнул на меня аки барс, и мы скатились с постамента в сторону. В это время серак треснул. «Царь-чемодан» наклонился вперед, слетел и поскакал вниз, на Толю. Мы с Зюзей кричим во все горло: «Камень!». А чего мы кричим? Он же глухой. Дергаем веревку... И вот как во сне я вижу: Толя, настроив объектив, медленно поднимает голову и нехотя, как бы равнодушно, делает два шага влево. «Голова» памирского ферзя, подпрыгивая, словно каучуковая, с тяжелым уханьем проносится в сантиметре от Толиного плеча... Он потом сказал, что почувствовал сейсмическую волну от первого удара камня о ледяной настил. Представляешь? (смеется)

Но все-таки звук в горах – важная составляющая безопасности. Снег по-разному посыпает сигналы, как бы предупреждает. Иногда словно в барабан бьет, значит, подвижный пласт, не крепкий. Треск, шорох... Да и крюк, например, вбивать, тоже слышать нужно, особенный звон, сто раз подумаешь – доверять ли, крепко ли, иначе сорвешься в пропасть и людей с собой захватишь, сколько раз такое было... (конец записи № 1).

ПОЛКОВОДЕЦ

(Вторая аудиозапись на магнитофонной кассете МК-60-1, сторона Б)

— Преодолев ледники Шини-бини и Турамыс, мы пришли на поляну Сулоева, это высота 4100. Валентин Сулоев — альпинист, умер в августе 68 года от сердечной недостаточности, не удалось ему осуществить мечту — траверс пика Коммунизма. Толя Шилкин с нескрываемым удивлением обнаружил могилу Юрия Назарова, родственника по линии матери, погибшего в 68 году на спуске с плато, причем это уже вторая родня, про первого он рассказывал: двоюродный брат, покоривший пик Коммунизма в 57 году.

Здесь же базовый международный альпинистский лагерь, хорошо оснащенный. Отсюда открывался захватывающий вид на пик Коммунизма поверх непроходимого ледника Трамплинный. Зюзя, спасибо ему за сверхкоммуникальность, познакомил нас с сотрудниками медико-биологической экспедиции академии наук Таджикской ССР. Ребята изучали мелких грызунов, смотрели, как ведут себя животные в условиях высокогорья. В этот сезон на МАЛе развернулась альпиниада. Не простая, а юбилейная, посвященная 50-летию образования СССР. Много горных туристов, инструкторов, тренеров, спасателей, много иностранцев, разноцветье палаток радует глаза. На пик Коммунизма взошло около ста участников соревнования. Не так много, как на Эльбрус в тот знаменательный год — более 2 тысяч человек. Конечно, успех зависит не только от технической подготовленности, но и от индивидуальных особенностей каждого, и главное — от погоды. А погода в наш сезон выдалась суровой: мороз под минус сорок, сильный, ураганный ветер, снегопад. Редко-редко стояли ясные дни, и надо было уметь ждать и уметь ловить момент. Владимир Шатаев, возглавлявший одну из альпгрупп, штурмовавших главный пик, обморозил пальцы на ноге...

Нам необходим был акклиматационный выход. По леднику Фортамбек и леднику Москвина на пик Евгении Корженевской, высота 7105. Сходили, по-моему, легко. Но после Корженевской трое наших товарищей решили, что пик Коммунизма подождет. Тем более что... шахматы есть, книжки есть, еды полно, баня — и та работает, опять-таки знакомства с альпинистами из союзных республик и дружественных социалистических стран. Тогда мы ушли втроем — я, Зюзя и Толя. Идти было удобно, на сложных участках инструкторы провесили перила для основных групп, тропить снег не было надобности, толпа альпинистов буквально траншею пропахала. Мы по ребру Буревестника поднялись на Памирское фирновое плато. Выше 5500 метров. Огромное поле, не меньше 11 километров в длину и 3 километра в ширину... Пик Душанбе, бивак, высота (пленка испорчена, не разобрать...)

Тридцать три несчастья этот Зюзя. Всю ночь шел снег. Вылезали поочередно из бивака на Пик Коммунизма

но каждый час откапываться. Примус не особо жгли, берегли бензин. Наутро выходим на штурм. Но тут выясняется – Зюзя каким-то образом потерял одну кошку – это раз. И у него болят ноги – он обменял шекльтоны на польские ботинки, примерял их без шерстяных носков – нормально, натянул носки – натер в кровь пальцы. Это два. Как же он шел все это время? Но это еще не все – горная болезнь скрутила Зюзю. Он не хотел никуда идти. Ни вниз, ни вверх. Апатия полнейшая. Оставайся здесь и помирай...

Я не собирался тратить силы на уговоры, на злость. Работа! Если он не способен выползти из палатки, то хотя бы самая простая работа! Пусть займется делом. Я приказал ему пересчитать снаряжение. Пять раз пересчитать. Сто двадцать пять раз пересчитать. «Вернемся – проверю!»

До вершины всего ничего... Мы с Толей собрались и пошли, пока было время и погода позволяла. Но каждый шаг... Не передать словами. Человека выручает железный автоматизм и сверхвнимательность, несовместимые, казалось бы, вещи на такой высоте. А впереди еще «лопата» и «нож» – страшные, опасные участки.

Когда Толя остановился, и было видно, что он не может идти, я достал из нагрудного кармана... фляжку с коньяком (*хитро улыбается, смеется*). На его заледенелом лице вопрос: «откуда?», и я написал на клочке бумажки: «Плох полководец, который не имеет резерва» (*смеемся вместе, отец и я*). Несколько глотков крепкого напитка прибавили сил и уверенности. Я добавил в записку: «Владимир Ефимович Барышников и Анатолий Иванович Шилкин». Когда мы были на вершине, я вложил записку в тур – горку из камней, сооруженную альпинистами.

На спуске забрали Зюзю. Он шел куда как резвее нас, громко, на весь Памир отчываясь: «Ледоруб – один, крючья – десять, веревка – три, кошка... одна штука!» (*конец записи № 2*).

ГРАВИТАЦИЯ

(Третья аудиозапись на магнитофонной кассете «AGFA», сторона А)

– Смотри, жесты глухих, обозначающие некоторых, не всех, лидеров коммунистической партии. То, что мне Толя показал. Ленин – пальцами – большим и указательным – поглаживая бородку с двух сторон, Сталин – ребрами ладоней по верхней губе – усы показываешь, Хрущев – пальцы сложены в фигу, большой палец фиги приставлен к правому крылу носа. Почему так? А потому что у Хрущева была папиллома на носу. Брежnev – ре-

брами ладоней одновременно провести по бровям. А это уже я позже узнал от знакомого глухонемого: Горбачев – пальцем провести над головой справа, как бы очерчивая родимое пятно, Ельцин – захватывая пятую пальцами нос, показывая его форму и размер, картофелиной...

Нельзя покорить вершину, это обманчивое чувство – стоишь наверху, мир под твоими ногами. На самом деле это всего лишь туманная, мимолетная, не успокаивающая мысль, потому что сразу надо спускаться – ты опять побежден. Поэтому нельзя быть победителем абсолютным. А вот познать ускользающие границы собственных сил – это основа восхождения. Человек, в конечном счете, стремится не к намеченной цели, не к победе, не к риску, и даже не к смерти. Человек жаждет ощутить пространство своей человечности, нащупать террито-рию своего пульса в невозмутимых объятьях матери-природы.

Лишь в горах я понял ничтожность человеческого существования и отчаян-ное желание человеческого духа победить гравитацию ничтожности.

Я просто хочу, чтобы ты представила себе масштабы. Подумать только, 70 лет с копейками просуществовала Советская власть, кажется, почти век, одна человеческая жизнь. Но что одна человеческая жизнь, да и что сотни и сотни человеческих поколений в сравнении с жизнью планеты Земля. Ничто! Сколь-ко у нас сейчас континентов – пять-шесть? А более 200 миллионов лет назад континент был один, суперконтинент. То есть суша в единственном экземпляре. Она раскололась когда-то на части, через миллионы лет части сошлись вновь, снова разделилась... Ничего не напоминает? Как Советская власть объедини-ла республики, а пролетели годы – и каждый теперь сам себе режиссер. И та-кое объединение и разъединение, сход-развал – такая схема, как бы магнитная программа, алгоритм этот виден невооруженным взглядом в обычной жизни. Вот, например, я рассказал, про Зюзю, Толю, но ничего не рассказал про вторую тройку. Нас же в группе шестеро было. Так вот. Звали их... *(звонок в дверь)* Схо-ди, Наташенька, открой... *(конец записи № 3)*.

СТИХИ

* * *

По-крещенски морозно везде.
Сипло движется локомотив.
И охрипла кукушка в гнезде,
Колыбельный кукуя мотив.

Впереди благодатные дни.
Гонят волны по Волге весну.
Мы с тобой в целом доме одни,
Долгожданно отходим ко сну.

По ресницам скользнет благодать
Безголосою тенью октав,
И кукушка затеет читать
Нам железнодорожный устав.

Отдаленно промчат поезда,
Оглушенные всхлипом птенцов.
Мне приснятся святые места,
Мамин голос и вкус леденцов.

* * *

Шиповник, завещанный грустным отцом, –
Раскидистый куст в огрубевшем сугробе.
Возможно ли ветки коснуться лицом
И с мертвой улыбкой пройти по Европе?

Дозволено нынче смотреть из окна
На жизни коварство. Смотреть, ужасаясь,
Что низкое небо, как будто стена,
Стоит между нами, сердце не касаясь.

Бессилен шиповник, а кажется горд
Своим пребыванием в мире суровом,
Где мартовский снег, как минорный аккорд,
Покажется музыкой, скажется словом.

* * *

Достану бабушкино платье довоенное,
Военное и послевоенное.
Оно и в радости, и в горе откровенное,
Надеждой бесконечной пленное.

Жаль, светлым днем, как и в неделю непогожую,
Мне не пройти в нем улицею спешно –
Я с детства выбирала ткань похожую
На жизнь жестокую и неизбежную.

* * *

Снова мальчик войдет в алтарь.
Освятите его ребро.
Петербург мне подарит янтарь,
А Москва – серебро.

И смиренно горит свеча.
Так горит, как в аду.
Петербург мне подарит печаль,
А Москва – чистоту.

Так молитва откроет итог
И святая вода.
Петербург мне подарит восторг,
А Москва – благодать.

Не осталось друзей и подруг.
И опала листва.
Поезда не идут в Петербург.
И забыта Москва.

* * *

За горизонтом пыльной смерти
Плынет кораблик по реке.
А за рекой начало тверди
И бабочка в твоей руке.

И ей отпущена свобода.
И изумрудная роса.
И нам уже не нужно брода,
А вместо слов – глаза в глаза.

И нам смешно, что были годы
И расстояния, а жизнь
Элементарные аккорды
Одушевляла от души.

И что есть музыка? Послушать –
Сверчки возвышенней ворон.
Не зря же гром гулял по лужам,
Оставив свой небесный трон.

* * *

Ни дубового креста, ни скрипичного ключа.
Видят в сумерках святые
Терем, рубленный сплеча,
Молодеет алыча
Сыновьями золотыми.
И тебя уносят в клюве однокрылого грача.
Мы от осени слепы, или отроду слеза
Пробирается садами –
Тени, души, голоса.
Помнят прошлое леса:
Долгий реквием в Адаме,
И болит чужим ребром горизонта полоса.

* * *

По вселенной бродят дети –
Дети, пойманные в сети
Первородного греха.

Незнакомые соседи
Заглядятся на рассвете
На чужие берега.

А в домах стареют лаги,
И над миром реют флаги.
Дети скажут – чепуха.

Потому что, бедолаги,
Защищенные от влаги,
Не придумали пока

Добродетельней греха,
Чем шататься по вселенной,
Глядя солнышку бока.

* * *

Наша девочка в бежевых джинсах
Все равно остается принцессой.
И сегодня она, как Мальвина,
Ожидает под вечер Пьеро.

Наша девочка в синеньком платье,
В легких шлепочках розово-синих
Уплывет из огромного детства.
И некстати дрожат зеркала.

Нашей девочке поздно влюбиться:
Где вы, принцы, князья? А монахи,
Не успевшие стать мужиками,
Вам мужчинами вовсе не стать.

Я о девочке плачу ночами.
Плачет ангел-хранитель над нею,
Плачут Бог, Президент, Губернатор...
И она убежит к Арлекино.

* * *

Я не знаю, почему
Дом так нравится ему.
В самом деле, в этом доме
Он ни сердцу, ни уму.

И за это он не мстит.
В доме дерево растит
И над черными ветвями
Все грустит, грустит, грустит.

Вспоминает день и ночь
Колыбельную. А дочь
Песню слышать не желает
И уйдет из дома прочь.

Вслед за матерью и за
Всем, что видела слеза.
Он, конечно, не подарок,
Но светлы его глаза.

И, наверно, потому
Не случится одному –
Умерев, стать частью рая –
Ни тебе и ни ему.

* * *

Безутешно над нашим бытом
Будут плакать друзья и дети.
Им ли знать, почему неубитым
Возвращаешься ты на рассвете.

Только здесь, под солнечным оком,
Где с небесной смешалась грустью
Эта боль о тебе, одиноком,
И Россия становится Русью,

И снега лежат по колено,
И любовь – как последняя правда,
И бросаешь ты в печь полено.
Ну, сырое оно. И ладно.

* * *

Когда с заснеженных перронов
Сажусь в пустые поезда,
Что для тебя моя корона,
Что для меня твоя звезда?

Жалеть себя мне слишком поздно.
Любить? Придёт и твой черёд.
А поезда под небом звёздным
Незримо движутся вперёд.

Запомнить станций очертанья,
Найдя их в зимней чистоте,
Возможно в этом смысл свиданья.
И оправданье высоте.

Но сколь их – мгновенных, кротких –
Вочных разбросанных снегах
У встреч, безжалостно коротких,
Мои грядущие века.

СОН СВЕРЧКА

Сверчок у ветхого вокзала
За опоздавшей электричкой
Стрекочет всё, что не сказала,
Что не сказалось по привычке,
Ни одичавшим пассажирам,
Ни провожающим, ни мне же...
Всегда нас что-то сторожило
И страховало на манеже...
Сквозь гул машин, тирады браны,
Наперекор глазам бездомным –
На струнах заблуждений ранних,
На клавиших надежд бездонных –

Он размышлял. Кренилось небо.
Скрипели звёзды, расцветая.
Звучала лунная полоска –
Спадала музыка святая.
И невозможностью казалось
Нарушить сон. Ночная месса
Земли и Воздуха касалась.
И мы опять молчали вместе.
На перекрёстке рая с адом,
То разрываясь, то сливаясь,
Во сне сверчка мы были рядом –
Клинок и рана ножевая.
Пусть будет так. Но, нарастая,
Стрельба колёс разбила утро.
...И снова станция пустая.
С похмелья дворник смотрит мудро.

Роман
НАЗАРОВ

Роман Назаров

Родился в Москве 15 сентября 1972 года. Окончил строительное училище (1989), медицинское училище (1999). Учился в Литературном институте им. Горького с 1990 по 1992 и с 2008 по 2014 гг. (семинары С.Н. Есина, А.А. Михайлова). Учился на сценарном факультете ВГИК (2000). Учился в Московском государственном открытом университете по специальности «Государственное управление и менеджмент» с 2007 по 2013. Участник Форума молодых писателей России в 2004, 2005, 2006 годах. Автор повести «Очарованный якут» (публикация в журнале «Дружба народов» – 2009, № 4). Автор книги рассказов «Шепот дневного сна». Автор былин «Игорь Всеславьевич и Злокачественная опухоль», «Кто на Руси светлее всех», «Грузчики. Рустам Дамирович». Автор документальных фильмов «Человек из гетто» (2005) о поэте Алексее Абакшине, «Шок прошлого» (2010) о судьбах студентов Литературного института, «Женщина – бог, мужчина – механизм (ЖБММ)» (2013).

ИСПОВЕДЬ ОТЦА

Необходимое пояснение.

С моим отцом, Анатолием Ивановичем Шилкиным, я виделся всего три раза в жизни. Первые два – летом в 90-м году. Съездил в Дубну, разыскал его квартиру через паспортный стол; а мама не хотела о нем ничего говорить, вычеркнула из своей жизни раз и навсегда. В первый приезд стрельнул у него четвертак, во второй через неделю – вернул. Помню, мы стояли в прихожей и в зеркальных наших отражениях отыскивали родные черты... В третий раз – он сам приехал на мое 25-летие... Мало о чем мы с ним говорили, так, о пустяках... Отец умер 3 мая 2004 года. Через 12 лет ко мне в руки попали его записи – это были листки формата А4 (исписанные мелким и нервным почерком, без заглавных букв и знаков препинания), сложенные пополам и вставленные между страниц учебника по астрономии. Вероятно, были еще некие Приложения, о которых он постоянно упоминает. Но ничего больше я не нашел в этой потертой и крошащейся книжке о планетах и звездах, кроме, пожалуй, неуютного ощущения, будто я заглянул в сумасшедший дом...

«учись всегда сейчас завтра везде всему и даже не удивляйся учись когда умрешь учись быть учись удерживать Я в любом психофизическом состоянии и в мертвом органическом элементарном тоже

у человека две головы одна останется навсегда в земле другая способна покорить космос

как я потерял слух в 43 году мне десять лет с ребятами играли в войну я спрятался в лесу за большим белым валуном прислонился к холодной гладкой поверхности и почувствовал непреодолимое желание спать и я уснул с самодельным автоматом в обнимку потом мне рассказывали медсестра Рита вытаскивала раненого солдата Тахионида с поля боя Рита девочка двенадцати лет с черными косичками вразлет я в нее влюблен был по уши она маленькая тростиночка конечно недалеко меня сдвинула от камня на крики прибежала моя сестра Тоня принесла домой я лежал без памяти две недели в лихорадке гной из ушей вытекал я кричал метался задыхался но чудом выжил врачей не было все на фронте бабка из Шутово приходила шептала дыму напускала иконы прикладывала хотя я не крещеный

Рио Рита пластинка тростинка Рита уехала Сталинград восстанавливать ты же знаешь фашисты камня на камне не оставили а сколько людей погибло вечная память героям

мама отправила меня к родственникам в Талдом три года я у них жил пока война не кончилась учился заново можно сказать помню деда он вернулся с Гражданской без руки обрубком тыкал в картинки и губами шевелил а здоровой рукой ухо мне выкручивал и я повторял глотая слезы когда в 46 году в Ленинград школа из эвакуации вернулась мама меня туда перевезла а школа знаменитая сильнейшими сурдопедагогами самая первая школа в стране открытая императрицей Марией Федоровной она же София Мария Доротея Августа Луиза Вюртембергская почему я запомнил длинное имя не знаю

учился я хорошо в 53 году поступил на механико-математический факультет МГУ познакомился в те годы с Владимиром Васильевичем Белецким тоже глухим после университета его пригласили в Институт прикладной математики АН СССР сейчас он уже член-корреспондент РАН а мне предложили поработать в лаборатории в Дубне и квартиру обещали вот так я снова в родных местах оказался

активно занимался спортом но иногда случались падения особенно когда отец умер а потом и мама в 71 году пил страшно но ничего выкарабкивался

всю жизнь любил горы бредил ими узнал про двоюродного брата по отцовской линии он в составе московского Буревестника покорил в 57 году семитысячник Пик Коммунизма и я что называется заболел мечтал долго готовился к Памиру тренировался посчастливилось попасть на Кавказ и покорить пятитысячник Эльбрус а в 72 году поднялся на свою главную вершину за месяц до своего рождения

на поляне Сулоева увидел могилу Юрия Назарова дальнего родственника твоей мамы он покорил Пик Коммунизма но погиб при спуске мучительно ясно осозналось тогда что я с твоей мамой встретился не случайно какие-то высшие силы определили

слушай меня сынок я маму твою любил она красавица смуглышка нет в мире никого лучше нее но мы были совершенно разные характерами семья у нас не сложилась бы ни при каких обстоятельствах в моей жизни сынок ты должен понять женщина обычная женщина не была на первом месте я никогда не

в ящике мы изучали гравитационные волны если профессор Белецкий был специалистом по небесной механике в Москве то наша группа в Дубне строила и рушила теории воздействия всех известных частиц на Вселенную включая нейтрино фотоны гравитоны тахионы то есть специализировались по механике квантовой лаборатории на начальном этапе негласно курировал сам Бруно

Максимович знаешь о нем слова Высоцкого в песне Марш физиков пусть не поймаешь нейтрину за бороду и не посадишь в пробирку но было бы здорово чтоб Понтекорво взял его крепче за шкирку

Дракон и Бабочка это наши машины собственно кроме экспериментов и математического анализа нам приходилось совершенствовать аппаратуру а точнее бесконечно ее чинить потому что она все время выходила из строя

квантовая механика настолько увлекательная наука насколько и магическая советую познакомиться с классическими работами Эйнштейна Бора Гейзенberга Фридмана Хокинга Пенроуза Дирака Шредингера Эверетта нас интересовало гравитационное присутствие как способ управления Вселенной через флуктуации в нейронных цепях ведь одна из основ дубненской теории такова что структура Вселенной сравнима по аналогии с нейронными связями ЦНС

конечно засекречено до сих пор я могу тебе лишь в общих чертах на словах и смотри Приложения 1 2 и 3 с математическими расчетами о жизни частиц и античастиц до Большого Взрыва в момент и после

редкие удачи и катастрофично частые неудачи все-таки навели меня на мысль а не являлся ли тахион в каком то квантовом смысле родоначальником всех частиц когда он проник в ложный вакуум несуществующей еще Вселенной

скорость его была на несколько порядков выше скорости появившегося впоследствии фотона как представлял я сначала тахион прошил насквозь простовселенную и умчался к другим так сказать засяткам мультивселенного гиперпространства

и Вселенная наша не расширяется как ты уже понимаешь а растет как расстет нервная система у ребенка

если они меня считут сумасшедшим не обращай внимания я не сумасшедший

расстояние вот что составляет главную проблему а вместе с расстоянием и время самое ценное что есть у живой материи это время ты же знаешь весной 72 года человечество запустило Пионер-10 к созвездию Тельца скорость станции двенадцать километров в секунду она долетит до Альдебарана через два миллиона лет вдумайся в эти нечеловечески жестокие цифры два миллиона лет а Вояджер-1 стартовавший в 77 году пролетит мимо звезды Глизе 445 через сорок тысяч лет одна человеческая жизнь ничто даже в подобном сравнении расстояние и время расстояние и время превращают человеческую жизнь в пыль а также наша с трудом поддающаяся контролю запредельная глупость

мы на ужасно низком уровне развития как нравственного осознания так и технического прогресса

Рио Рита пластинка снова возвращаюсь к ней отец Риты привез из Германии редкую пластинку ни у кого такой не было в СССР пасодобль fur mich Rio Rita bist du Granadas schonste Senorita fur dich Rio Rita klingt meine Serenada in der Nacht для меня Рио Рита ты самая красивая сеньорита Гранады для тебя Рио Рита звучит моя серенада в ночи я постоянно слышу эту песню ведь я слышал ее много раз до болезни до игры в войну перевернувшую всю мою жизнь мне нравится наблюдать как кружатся пластинки колеса диски в чарующем вращении я вижу принцип существования а ты знаешь что мы на самом деле не кружимся вокруг Солнца в том смысле что не возвращаемся в исходные точки отсчета пространственно-временного континуума очень просто само Солнце тоже движется по собственной орбите со скоростью девятнадцать километров в секунду а значит все планеты вращаются не по кругу или эллипсу а спиралеобразно и путешествуют общей системой вокруг центра Млечного Пути словно ползущая улитка со своей закрученной обителью вокруг недосягаемого яблочного чрева да занимаясь космическим ориентированием обнаруживаем что вращательное так или иначе движение свойственно всем объектам

тахион ворвавшийся в протовселенную обладал только ему присущими характеристиками именно эти особенности повлияли на спящие струны разбудившие плеяду частиц заполнивших наш мир именно уникальная структура тахиона позволила раскрыться струнным величинам настолько чтобы те создали подвижные в рамках устойчивого роста Вселенной фундаментальные физические постоянные например скорость света в вакууме постоянная Планка гравитационная постоянная элементарный заряд магнитная постоянная хотя и парадоксально звучит подвижные постоянные

мои расчеты не противоречат Стандартной модели смотри Приложение 2

чтобы понять рассчитать осознать структуру тахиона необходимо обратиться к свернутым пространствам то есть струнам прежде всего к струнам развернувшим четырехмерное гравитационное присутствие тахион как я предполагаю обладал качеством резонанса с трехмерной составляющей и стрелой времени а что заставило струны ответить на тахионное возмущение если не то обстоятельство что данные свернутые пространства были мишениями в Приложении 2 обозначенные мною как пространства-мишени следовательно искомый тахион являл собою как бы мы сейчас сказали программное обеспечение имеющее своей целью развернуть пространства-мишени включить их или разбудить или уступить да вспоминая Кьеркегора величайшая уступка и требование вечности к человеку

иными словами рождение Вселенной это шанс рождения Человека

а Человек не рождается без импульса Любви

я не все рассказал про тот случай когда мне было десять лет на несколько секунд я пришел в сознание но был так слаб что не мог открыть глаза пошевелиться хоть как-то дать знать что я живой а Рита моя медсестричка моя спасительница тащила меня волоком по земле с трудом приподняв за плечи падая поднимаясь и снова падая и вот когда я был в сознании она несколько раз поцеловала меня в лоб в глаза в щеки и один раз губы приговаривая миленький ну пожалуйста не умирай прошу тебя не умирай этот поцелуй я никогда не забуду этот нежный тревожный поцелуй маленьких потрескавшихся соленых горячих губ моей любимой двенадцатилетней Риты с косичками вразлет впрочем уехавшей вскоре возрождать из пепла Сталинград ведь там погиб ее отец

иногда я думаю что шел в горы лишь затем чтобы снова однажды испытать такой силы поцелуй вдруг я усну на камнях и ко мне придет спасать моя Рита но я знаю что это наваждение попытка оправдать необъяснимое я шел в горы испытать себя но камни ветер снег лед страшный холод и необозримая пропасть под ногами не могли побороть моей печали об ином

мы проводили эксперименты на мышах и крысах и почему-то не отдавали себе отчет не понимали нам нужен тот кто наблюдает тот кто вносит в принцип неопределенности свои корректизы и этот кто-то должен быть человек человек с нервной системой с головным мозгом с сознанием с второсигнальной системой и я принял решение

в 97 году осуществлена первая серия экспериментов когда я был заведующим лабораторией и в нарушение всех инструкций убрал со стенда клетки с грызунами установил кресло для испытаний человека конечно усовершенствовали датчики изменили функции Дракона спрятали в огнезащитный бокс обложили его огнегуашелями Бабочку перенастроили и привязали к полу и стене а то она вечно норовит взлететь

итак Дракон выпускает пучок фотонов преобразователь дифференцирует свет в электромагнитные волны головного мозга датчики подсоединенны к моим полушариям а моя задача первое двусторонняя связь с Драконом и Бабочкой второе услышать и увидеть а правильнее осознать информацию об изначальном импульсе свернутого пространства выпустившего первичный фотон далее про-контролировать информацию и передать ее крыльям Бабочки а уж она должна вывести на экран результаты которые еще необходимо перепроверить специальными алгоритмами

что мы выяснили но я хочу сначала о субъективных впечатлениях рассказать это будет туманно но такова уж сущность человеческих ощущений страшная бессмысленная тайна ты Есть и тебя сразу Нет вот знание Есть стрелой времени растягивается подобно пространству при движении фотона не давая фотону лететь быстрее установленным самим пространственно-временном континуумом скорости надеюсь ясно выразился а знание Нет не то чтобы сжимается а скорее отпрыгивает в будущее как электрон перепрыгивает с орбиты на орбиту ребенок осознавший два знания единым целым никогда эти знания не потеряет из виду то есть оно эмоционально глубоко в душе можно сказать это знание на уровне генетического кода обретенного генетического изменения

когда приходит время полового созревания и прорывается рвущая оболочку страха сила иначе жизненная волна приобретенное ранее двойственное знание фонтанирует из тебя и через тебя подчиняя боль наслаждению ради новой жизни и направлено к новому будущему умиранию самое главное здесь двойственное знание становится тройственным и я без всяких религиозных намеков смотрю дополнительно поколения кварков и нейтринные осцилляции здесь чисто волновые функции гравитационного присутствия в точке двумерного пространства волна угасает продолжительнее чем в точке трехмерного сообразно закону сохранения энергии

на этом этапе Дракон задымился а Бабочка рванулась с такой силой что затрещали цепи пришло остановить потоки но я успел самое главное я успел поймать иначе и не скажешь поймать первоначальный фотон и задать да задать вопрос тахиону через фотон

что мы выяснили внимание тахион был частью фотона точнее сказать фотон и тахион были до появления нашей Вселенной единой неделимой частицей давай назовем эту частицу фотахион да так удобнее фотахион для открытой нами частицы нет скоростных пределов и нет пределов гравитационных то есть частица которую черные дыры даже самые самые массивные черные дыры не способны захватить в свои сети

фотахион встретился с протовселенной проник в нее оставил фотоны ну скажем оставил фотоны размножаться пронзил протовселенную насквозь и улетел к другим протовселенным так вот момент встречи фотахиона с протовселенной мы назвали Большими Поцелуем

про фотоны ты прекрасно знаешь в одном нуклоне этих частиц не меньше двадцати миллионов вот и посчитай это просто фраза я конечно не прошу подсчитать но возможно попытаться представить количество фотонов на сегодняшний момент в нашей Вселенной которая возрастом меньше пятнадцати миллиардов лет

физики и лирики как в шестидесятые спорили хочу добавить физики и математики потому что у физиков большие сложности с математической строгостью нам приходится учитывать свойства этих техногуманитарных полей

соприкосновение фотахиона с протовселенной иначе момент Большого Понтуя вот память о душе которую помнит ребенок и о которой между прочим говорил Сократ и я спрашиваю себя сколько раз нужно умереть с памятью о Любви чтобы стать бессмертным

кстати душа это математический термин ибо геометрически является любым компактным многообразием так в 72 году Чигер и Громол предъявили гипотезу о душе а Перельман ее легко доказал в 94 году

мне думается еще что наша лаборатория открыла новую Музу да назовем ее Муза уравнения бесконечномерности почему бы и нет а первоначальный фотон точнее фотония пусть будет женского рода да фотония да эта частица считает что тахион ее предал но это разумеется не так тахион продолжает свою жизнь вне вселенных к новым вселенным в то время как наша Вселенная не выпускает из себя ни одного фотона соответственно наша Вселенная растет но не светится для других вселенных однако можно предположить что фотахион тот первый фотахион не потерял фотон так как свернутые пространства только фотонную часть скопировали и размножили следовательно фотахион не потерял свою ФТ-симметрию и внутреннее равновесие а продолжил свой бесконечномерный путь навстречу очередному Первому Поцелую

впрочем наши исследования были свернуты до 2003 года когда я уже был на пенсии но лабораторией нашим дубненским малым ускорителем заведовал мой ученик к сожалению новая серия экспериментов провалилась два включения потоков и я потерял сознание вскоре выяснилось что у меня опухоль мозга несомненно расплата за расширение квантовых свойств нейронов

да я назвал себя Тахионидом хотя меня зовут Анатолий Иванович а твоя мама Фотония в честь фотона как равноправной части фотахиона

послушай через 12 лет после моей смерти тебе записи в учебнике Астрономии Воронцова-Вельяминова должна передать Рита дочь сестры Тони не удивляйся вот тому что я сейчас пишу это долго просто если они сочтут меня сумасшедшим не обращай внимания я не сумасшедший

2004 Тахионид твой отец»

СТИХИ

* * *

В железобетонные платья
Одеты жилища твои.
Метано-бензиновой ратью
Задавлены чресла твои.

Завод мегаполисных тюрем
Трудом высекает закат.
Асфальтовый плавится тюнинг,
И рельсами кружится ад.

Я сам у прогресса заложник,
Гигантские зреют ростки,
Но в маленьком сердце тревожно
Ромашек горят лепестки.

И сон преисполнен коварства
Устроить перформанса жест:
Неси, демиург, государствам
Живой хвойно-лиственныи крест.

* * *

Солнечные крылья на ресницах
Ты огнём желаний не лови:
Может ненароком и присниться
И тогда неистово развиться
Скорость осознания любви.

ВЯЧЕСЛАВУ АНАНЬЕВУ

Когда Христос идет навстречу –
Пустые умолкают речи.
В зеркальной литургии сна
С бессмертной легкостью ясна
Свечой зажженная молитва
Души отчаянная битва.

* * *

Христос ли, самогон ли, женщина ль святая
источник наивысшего блаженства –
не разделяй, но властвуй!
В Эдеме не было и нет
предателей и слуг.
Послушай, милый друг,
приветствуй ясным «Здравствуй!»,
приветствуй нежным взглядом,
невинною игрой
спектральных сердца чувств
туман рассей:
никто из солнц ни выше, ни мудрей.
С тобою вечно троица святая
связующею бездной восстает,
растут с тобою мать-отец земные
и предки, и потомки золотые
не жадностью, но житницей полны,
космической любовью вскружены.

АЛЕКСЕЮ ИВИНУ

Отстаивая самостоятельность,
терновый логос, тень пространства,
зачем плодить врагов бытийных
в расстрельных списочках упрямства,
когда за тонкой оболочкой
кремнистый пульс атомохода
сердечной мышцы, поволока
неугасающих исходов
и робкий утренний гостинец
протуберанца, и зверинец
ворвется солнечным сплетеньем,
и хрустнет ветка за мгновенье?

Ты вышел в поле равновесий,
как грустный клон, сдираешь маску:
зернистая родня по весям,
и спят логатовцы, с опаской
звенит словесность сухостоя
в семейном ветре долгостроя,
ни впереди, ни за спиною –
никто не скажет, что с тобою
роскошно серые страницы
питались вологодской тишию,
хандры российской пели птицы
и трепетали сердца мышцы.

ТЕБЕ – ОТВЕТ – ЧЕРЕЗ СТО ЛЕТ
(М.И.Цветаевой)

К тебе – сейчас – протягиваю руки
В голодный девятнадцатый чумной
Московский год, – забудешь эти муки! –
И полетишь со мной!

Не повторим ошибочки Орфея,
Законам Ада-памяти урон
Апгрейдом нанесем, – хвала Морфею,
Дарующему сталкинг-сон!

Душа поет – к Берлину ли, к Парижу –
Тебя влечет по-навык легкий транс?
«Москва… странноприимный…» – говоришь ты. –
«Клеймо…» – Вот благодатный шанс!

По-над Тверской, над Пушкиным в раздумье –
Смотри! – шагаловские летуны
Мы словно… «Или нет – как чайки-хохотуны –
Странно-тревожны сны!..

…Свою ладонь тихонечко на шею –
Ко мне, другою нежно проведи
По талии… так… поцелуй!..» – Немеет,
Дрожит и бьет в груди…

Марина! Я ведь о себе не молвил
Ни сло… – «Ой, посмотри, под нами – храм,
Назад почти лет тридцать, право слово,
Христа ты принял там» –

Открылся тайн источник! Удивляюсь! –
«С Олимпа видно все – ты так и знай!
От платьев и колец не отрекаюсь,
Раз я вернулась в рай –

Я женщина – и женщиной останусь
На небе, в дальнем космосе, всегда –
И письма целовать не перестану!» –
Я думаю... Тогда

Передаю контроль над сновиденьем
Тебе, о Царь-Девица! Говори,
Куда летим – в Музей отца? Мишеню
Представился Бори-

соглебский, впрочем, были здесь – я помню
Ту тяжесть бронзовых локтей...
А так – скорей – считать моих любовниц,
Тех, мнимых, без затей? –

«Любовниц у тебя – что кот наплакал,
Но встречных женщин – истинно любил,
А взгляд своей жены-поэта – лайкой! –
В нем искры моих сил!

Сейчас мы к Александрову слетаем,
Оттуда Иоанна – Русь,
И мой – с сестрой – музей! Я точно знаю –
И чуточку горжусь! –

Где памятнику быть Сереже, Але,
Маврикию, Андрюшеньке, сестре
И мне – примером фото есть...» – Как мало
Мы вместе, и острей

Я чувствую, что скоро... расставаться...
Ты в Вечность не исчезнешь? Беатрис
От Данта так сбежала! – «Мне скрываться
Не нужно – сто актрис

В душе на тыщи лет вперед проснулись!
Мы встретимся, любовь, через сто лет!» –
Я буду ждать... В Чистилище, в Раю ли... –
«Лети за Солнцем вслед!».

ПРИЗНАНИЕ В ЛЮБВИ

(волгоградскому поэту Сергею Васильеву, 1957-2016)

Мне нравится с тобою говорить,
Страдать косноязычием готова
Печаль моя, но в солнечных чертогах
За Пушкиным душою воспарить.

Мне нравится тобою дорожить,
Читать «Часы с кукушкой» до рассвета,
Над Волгой ворожить из лета в лето.
И, сердцем принимая все ответы, –

Вот родина моя, другой уж нету! –
Мне нравится с тобою долго жить.
Мне нравится тебя богочестить...
Не вижу в этом ничего смешного:

Жена моя была твоей женой –
Так, Мать-Земля нас жаждет породнить,
Отец Небесный – в силах подчинить
Одною правдой и весной одною.

TO SPY THE SKY

(волгоградскому поэту Леониду Шевченко, 1972-2002)

Поздняя осень. Начало девяностых. Общага Лита.
Комната – от лифта налево и сразу направо первая дверь. Пробита.
Ты швыряешь (с наигранной злостью) карты на стол – перебор,
Допиваешь кагор и выходишь, дымя сигаретой,
В черный-черный такой коридор.

Подожди-подожди, согласились мы только что:
«Посторонний» Камю – наша библия и никому
Не раскроем секреты психodelических карт.
Не сложили сейчас, завтра сложим в игрушечный Ад
Все мистерии жизнеподобного века. И не подпускай
Необычного зверя. Но ты лишь нервно взмахнул рукой
И произнес словно бы невпопад: «To spy the sky!».

Поздняя осень. Начало девяностых. Общага Лита.
Комната – от лифта налево и сразу направо первая дверь. Пробита.
Ты бросаешь (с детской наивностью) карты на стол – перебор,
Допиваешь агдам и выходишь, дымя папиросой,
В черный-черный такой коридор.

Подожди-подожди, мы же слушали вместе БГ,
«Равноденствие», «Треугольник», провальный альбом «Radio Silence»,
Расщепляли поэзию, рок, музыку, жизнь и на «б», и на «г»,
Дженис Джоплин, Джим Моррисон, Джимми Хендрикс и
Перепахивали Бродского, Рейна, Тарковского, китайца Фу Си,
Поднимались драконами над переменами, пили свой кайф,
Почему ж так резко услышал я – «To spy the sky!»...

Поздняя осень. Начало девяностых. Общага Лита.
Комната – от лифта налево и сразу направо первая дверь. Пробита.
Падают карты на стол, ты нашел бычок пожирней, закурил, до сих пор
Помню великий сарказм. За дверью пробитой – голос Музы твоей Елены,
Пьяной, цепкой, любимой, прекрасной словно Сирена.
Допиваешь рояль и выходишь, выходишь, выходишь
В черный-черный такой коридор...

**САША ДВАНОВ, или ОКТЯБРЬСКИЙ
РОМАНС ДЛЯ НЕЙРОНЕТА**
(писателю Андрею Платонову, 1899-1951)

В избушке тихо. За оконцем,
За красной нитью горизонта,
Где небо, в землю утопая,
Взрывает котлованы Солнца,
Где ювенильная, слепая
За далью стелется нирвана,
Как Чевенгуря бесконечность,
Живет счастливый Саша Дванов.

И безупречно
Он чувства превращает в проги –
Программы будущих свершений,
А проги – это нейробоги
Машин желаний и творений,

Природы генной человека.
Слились в едином организме
Здесь все, уставшие навеки –
До коммунизма,

И каждый наблюдатель цену
Своей душе определяет.
Убийца – голый перед жертвой,
А жертва – мститель и убийца:
Кровавый круг перерожденья
Пересмертьем замыкает.
Уравновешены свободы
И тюрьмы Бога.

В избушке тихо. За оконцем,
За красной нитью горизонта,
Где небо, в землю утопая,
Взрывает котлованы Солнца...

ПЕСЕНКА ПРО ПЕРВУЮ ЛЮБОВЬ

Я простой советский паренек,
И в капитализм попал совсем случайно.
Все мои друзья в раю печальном,
Только светит мне твой огонек.

Помнишь, подарил тебе красивые цветы
В день, когда нас принимали в пионеры,
«Сенкью вери матч» промямлил я, краснея,
«Данке шон» сказала, засмеявшись, ты.

Я носил из школы ранец твой тяжелый.
Мы гуляли во дворе и в парке, и на рынке.
Помню я в глазах твоих лучистые искринки,
Голос твой волшебный не забуду, нет.

Я читал фантастику,
А ты любила классику.
Были мы с тобою ангелами века:
Я мечтал спасти весь мир,
Ты – близкого человека.

Вот пришли к нам злые, времена лихие,
Зрелиш стало больше, меньше стало хлеба,
Я закон нарушил, и отвернулось небо,
Горькие плоды судьбы своей вкусили.

Годы мчались быстрые, годы сумасшедшие,
Из тюрьмы вернулся я, поздно завязал...
Ты давно с другим уже, и в семье счастливая,
В школе детям инглиш с дойче
Преподаешь.

Я простой советский паренек,
А в капитализм попал совсем случайно.
Все мои друзья давно в раю печальном,
Только светит мне твой огонек.

Только светит мне твой огонек.

88, 99. СОН-ЭКСПРЕСС

Моргнуть не успеешь – старьевка.
Чихнуть не успеешь – in past.
Экспрессом трамвай гумилевский
Вспорол исторический пласт.
СашБаш, колокольчик союза,
На шаттле афганского блюза
С Христом над Панамой летит,
Рабыню Израуру зрит.
У Рейгана светится Горби,
Московских красавиц наив.
Свободный озоновый миф
Земными расколами скорби
Протащит на Сотбис тайник,
Куда Кашпировский проник.
СашПуш юбилейный замутит,
Двухсотвечный поэт.

Звезда восходящая Путин
С Бориской пирует дуэт.
Взрывают жилища злодеи,
Чеченский syndrome шьет идеи.
Шойгу за медведем пошел,
За Кубриком Neo пришел,
А в Слатине горстка на стенку...

Детей убивают дети,
Особого класса ѿети –
Политики мрачных застенков.
БГ ѿшиварится в пси,
Бог Сейсмос нехило тусит.

ГОЛУБИ ДЕЛЬФИНЫ

на крыльях ястребиных
звездеют globalины
из бездны в парафины
из wild wild west в пустыни
клюют твои аршины
рыхлят твои морщины
соленые машины
белковые машины
ты господи скажи им
ты господи кричи им
сознание расширь им
сознание расширь им
и боль и страх потери
и боль и страх потери
ты боже лучший снайпер
ты боже лучший снайпер
а голуби дельфины
а голуби дельфины
ныряют в эндорфины
небесные афины

БОРИСУ ЧИЧИБАИНУ

Ротши банкует Трампу,
Байден под ручку с Рокфе,
Путин разбил все лампы,
Джинн поджидает в кафе.
К немцам пришли верблюды,
Вотан скулит в Rammstein.
С чьей головой на блюде,
Снимется selfie-шайтан?
С неба кровят подвалы
В арктику неплатежей.
Пилят цари кимвалы
Золота мнящих пажей.
Липкие стебли Мойры
Вечности лет теребя,
Красные помидоры
Трескаем за тебя.

ДУМАЙ ПРО ЖЕНСКУЮ ГРУДЬ

Мыслить античную силу
Верно, отправившись в путь.
Что бы с тобой ни случилось,
Думай про женскую грудь.

Маленькая ли, большая,
Средняя или чуть-чуть –
Богу нужна любая:
Думай про женскую грудь.
Если в кармане ветрище,
В сердце устроился гнет,
Брось унывать, дружище –
Женская грудь тебя ждет.

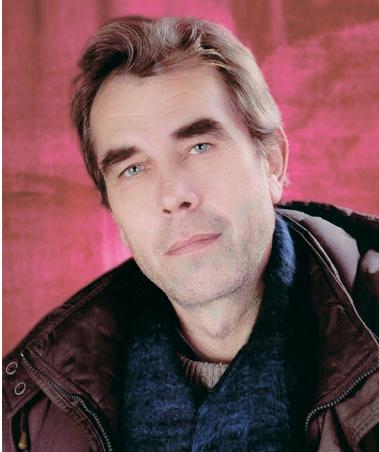
Скажем воякам пропащим,
Слушай и ты, террорист,
Кровь проливать не слаще,
Женщину слаще любить.

Думай о мамме усердно
Днем и во сне не забудь.
Жизнью единственно ценно
Создано – женская грудь.

BEAUTY CASE ДЛЯ ЭВРИДИКИ

– Мы не хотим с Персефоной тебя удержать, Эвридики,
Можешь идти за фракийцем Орфеем божественно-чистым,
Тронули звуки кефарные наше подземное царство,
В плату возьми бьюти-кейс – небольшой чемоданчик – в дорогу.
Пользу найдешь несомненную в сей косметичке практичной:
Зеркальце, баночки с кремом, расческа, помады и пудры,
Пилочки, кисточки, тушь для ресниц, щеточки, гель, карандаш –
Много чего, но прежде – духов флакон от бога Dior’а
(есть такой, древние греки не знали о нём почему-то).
Новую сущность эстетики Тени своей ты добавишь,
Аурой тонкой засветишься, роскошью вспыхнешь гламурной,
Смысла не будет тогда оглянуться чудесноголосому,
Выйдешь с Орфеем на свет, заживешь, как и раньше, красиво.
Также спасётся Орфей от схватки смертельной с вакханками,
Не возжелает он с горя юношу нежной любовью мужской,
И – в танце весеннем закружит вас сладкоистомный Эрот.
Вы нарожаете кучу смыслёных нимфят звонкопевчих,
Сказки расскажете им про Харона, Гипноса и Лету…
Ну же! Ступайте скорее вслед за Гермесом оккультным!
Вечные боги проворно в своих изменяются мыслях! –
Так говорил царства мрачного мудрый Аид повелитель,
Взмахом руки трёхголового адского пса усмиряя.

Сергей
ИВАЩЕНКО

Сергей Иващенко

(21.11.1955 – 31.12.2018)

Сергей Васильевич Иващенко – детский писатель, поэт, художник. В разные годы работал на буровой, машинистом автокрана, шофером, грузчиком, сторожем, фотографом, внештатным корреспондентом, воспитателем изостудии. Образование – средне-техническое. Окончил Сергиево-Посадский художественно-промышленный техникум игрушки. Публикации произведений: в журнале «Советская женщина» (1988, № 4 – сказка «Чудовище»), в сатирическом журнале «Крокодил» (мини-басни под рубрикой «Пешком на Парнас»), в областной и районной печати (стихи и сказки в газетах «Призыв», «Голос труда» и др.), в журнале для детей «Кукумбер», на сайтах «Новая Литература», «Островок», «Пиратская морда». Сказки неоднократно звучали по радио. Тексты трех песен вошли в музыкальный диск «Дальнобойщик» Ольги Коркиной. Один из авторов сборника «Русское восприятие. Russian perception» (2006). Участник областных совещаний молодых писателей (г. Владимир). Член Владимирского отделения РСПЛ (Российский союз профессиональных литераторов).

ДОЖДЬ

(отрывок из повести*)

Неутомимым ритмом метронома отзвучал день.

Еще один день труда, забот и надежд. Сколько их было и сколько еще будет? И в конце каждого дня, на том рубеже, где солнце огибает горизонт, приходит вечер.

Порой вслед за ним наплывают тяжелыми тучами дождь.

Сегодня такой вечер.

Я стою у открытого окна и принимаю на себя бисерные удары первых капель. Душу мою переполняют восторг и грусть, и к сознанию пробивается то ли воспоминание, то ли сон...

Фея... Муза... Она влетела в мою комнату неслышно. Я заметил ее, когда она присела на полку с книгами, помахивая прозрачными крыльшками. Чтобы не показать своего изумления, я сказал: «Привет». Фея в ответ кокетливо дернула тонкой стройной ножкой и тут же потеряла интерес ко мне.

— Какая ты хрупкая... — сказал я.

Подумал и решил назвать свою музу Галатеей.

Она вспорхнула и в легком вальсе закружилась под потолком. Я смотрел. Я улыбался. Галатея подлетела к окну, прошуршала по стеклу и села на раму.

Загремел гром... Как грустно...

А все потому что — лето, а хорошей погоды нет уже два месяца. Ну, да к чему эти мысли, ведь у меня гостья, крохотная и хрупкая, как мое счастье. Пока я думал о счастье, Галатея исчезла.

Я долго ее ждал. А когда ждешь, жизнь очень длинная. Вновь я услышал знакомый звук полета. Но поверил не сразу, и только когда звук не прекратился, а наоборот усилился, я поднял глаза. На фоне белого геометрически правильного потолка все в том же ритме неслышного вальса, словно перышко вольной птицы, словно пушинка отцветшего цветка, словно... ах! — беспечно и призрачно плыла она. Муза дождя — Галатея.

— Милая, — прошептал я, — славная, не улетай больше. Я долго тебя ждал. Неужели ты этого не чувствуешь?

Я понимал, что если бы она ответила, если бы она хотя бы раз посмотрела на меня, ее бы не стало. Таков закон воздушного парения. С той стороны стекла размазывался каплями дождь. Он заглядывал в комнату, и я теперь понял, почему гром удариł именно в тот момент, когда отразился в стекле облик подлетевшей к окну Галатеи...

* Публикуется в авторской редакции.

Ах, как она кружилась! Как вдруг падала на пол и уже над самой поверхностью, когда я застывал от ужаса, легко и плавно, словно ветром подхваченная снежинка, взлетала вверх к самому потолку, и потолок, ранее любивший свою геометричность и ровность, ужасался самого себя и покрывался трещинами-морщинами. Тогда же и стены зябли, затягивались гусиной кожей и пытались освободиться от всего лишнего, навешанного на них. Вздыхали со скрипом спрятанные под толстым линолеумом половые шпунтованные доски; лопались в перекошенных рамках стекла, и весь дом сотрясался, тужился и как будто освобождался от фундамента.

А дождь весело и лихо запрыгивал в комнату. И на всем скаку, даже не осадив коней, влетал ветер, смертельно бился о стены и ни в коем случае не ушибался. И только вокруг Галатеи величественно, словно ореол, царил покой.

Галатея, милая, славная воздушная странница, научи меня быть таким же. Га-ла-те-я!

Дождь льет все сильнее. Я замечаю какое-то движение, приглядевшись, понимаю, что это отражается мое лицо, едва видимое на размытом стекле. Я вглядываюсь в неясные его очертания и спрашиваю: «Кто ты? Кто?» Порыв ветра бросает мне в лицо пригоршню холодного бисера, и я закрываю глаза...

...Все Знания и Незнания, ютившиеся во мне, появились и обступили меня шумной, бесстолковой толпой.

Шумели не все, конечно. Знания в большинстве молчали, были тяжелы и гранитны. Легкие Незнания галдели черными птицами, словно на помойке. Своими хищными голодными клювами они выклевывали крошки у Знаний. Я попытался навести порядок, как-то расставить всю эту толпу и тут же почувствовал единодушный отпор. И если Незнания, как пиками, ополчились на меня клювами, то Знания образовали нечто такое тяжелое и огромное, так что я сразу же отказался от своего намерения. Хочешь не хочешь, нужно было начинать разговор. Так как право выбора было за мной, я дал слово Незнаниям.

— Мы не знаем, — подступили Незнания, — кто ты?

— Человек.

— Мы не знаем, — повысили они голос, — какой ты человек?

— Такой, как все.

— Мы не знаем, — задумались они, — формулу такого как все.

— Я тоже. Просто то, что есть во мне, есть в окружающих.

— Мы не знаем, — после недолгого молчания продолжили Незнания, — почему ты ушел?

— Я не мог не уйти, меня звало главное.

— Мы не знаем, — заволновались они, — что главное: то, что ты оставил, или то, к чему ты идешь?

— Идите к черту! — не вытерпел я. — Я сам уже не знаю!

— Мы не знаем дорогу, — заверещали они, — по которой ты нас посылаешь!

— Это там, где ни я вас, ни вы меня не сможете увидеть. Понятно?

— Мы не знаем, — обиделись они, — что такое «понятно», во-первых, а во-вторых, не кричи, мы твои дети и ты должен нас накормить.

— Мне очень жаль, — показал им пустые ладони.

— А какое солнце? — почему-то спросили они, глядя с надеждой и мольбой на меня.

— Вот такое! — развел я руками.

— Мало!

— Большое.

— Мало!

— Яркое.

— Мало!

— Светлое, теплое, летнее, весеннее, зимнее, вечернее, утреннее, далекое, необходимое...

— Мы не знаем, — перебили меня бодрым голосом Незнания, — почему ты недавно изменил себе?

— Это нечестно, — запротестовал я. Как хитро они обманули, вытянув из меня энергию.

— Мы не знаем, — все более напирали Незнания, — почему ты боишься ответить?

— Я ничего не боюсь. И потом, я ведь все исправил.

Что-то густое и тяжелое стало накрывать меня. Я поднял голову и ужаснулся. Высоко, к самым облакам, раздаваясь и расширяясь в объеме, огромной массой, дышащей гневом и отмщением, поднимались надо мной Знания.

— Ну, хорошо, — устало сказал я. — Может, вы и правы. Но все равно это не самое главное.

Огромная масса Знаний стала совсем густая. Словно кофе.

— Мы не знаем, — засмеялись Незнания, указывая на Знания, — почему ты их испугался?

И тут меня прорвало.

— Ах так? — заскрипел я зубами. — Присосались ко мне! Кормитесь мной и еще что-то хотите доказать. Плевал я на вас!

И тут же тысячи клювов впились в меня, и сверху, глухо охнув, невыносимой тяжестью упала гранитная громада. Боль ужасная и неукротимая охватила все мое тело, сдавила грудь и горло, проникла в мозг и сердце. Отчаяние было совсем близко.

— Сдавайся! — кричали моя вывернутая рука и огромная рана на бедре.

— Смирись! — завывало болью в висках.

— И станет легче, — шептало рядом что-то скользкое и гадкое.

И тогда, собрав все свои оставшиеся силы и перемешав кровь со слюной, я выплюнул алый плевок, и он, словно роза, лепестками рассыпался на чем-то скользком и гадком. И в той стороне, где небо соприкасается с землей, раздался первый медный звук. Он разрастался, заполнял все вокруг, он проникал под гранит, играл отзывками на острых клювах, он обволакивал трепетным звучанием

мое тело, пока, наконец, не достиг моих ушей и уже во всю силу, давя избавлением на перепонки, позвал меня голосом самозабвенно играющей трубы.

— Вот к кому я иду, вот он мой ответ! — крикнул я, освобождаясь от уже бессильных обломков и затупленных клювов.

— За мной, — приказал я. — К ней!

Все мои Знания и Незнания окружили меня, уселись на мои руки и плечи, повисли и запутались в волосах, приникли к груди. И мы пошли в ту сторону, откуда раздавались звуки начищенной и раскаленной от солнца таинственной трубы. Звуки Истины...

Где-то между туч ударяет молния, и я, резко обернувшись от окна, успеваю увидеть на полу длинную черную Тень, распластавшуюся у моих подошв. Она всегда со мной, она мой самый верный спутник. Так было с самого начала...

Тень шла за мной по пятам, серая, как мышь, и гибкая, как шлейф свадебной фаты. Обручившись еще при самом первом упавшем на меня луче света, она неотступно и ревниво следовала за мной, не расставаясь даже в самые опасные минуты. Она не боялась ни острых углов зданий, ни проезжей части дороги. Тень плавно огибала углы и в самый последний миг ускользала из-под колес автомашин, нагло и с кривлянием отпечатываясь на кузове машины. Она без спроса вползала через окна в чужие квартиры, но никогда не выдавала подсомненные секреты. Тень любила тайны и сама всегда старалась быть загадочной и непредсказуемой. Это была ее маленькая месть за привязанность ко мне. Иногда она в порыве вытягивалась, утончалась и готова была вот-вот оторваться от моих ступней, но пугалась свободы, не в силах отрешиться от привычного, быстро сворачивалась жалким зябким клубком у моих ног. Тогда я находил самое большое здание, и Тень с радостью разбухала, увеличивалась и наползала на стену до самой крыши. Чувство превосходства и значимости наполняло ее до краев, она свысока смотрела на меня и представляла себя мной, а меня Тенью. Иногда Тень обижалась и тогда, особенно вечерами, раздваивалась, множилась и смеялась над моими неумелыми попытками найти среди миражей настоящую.

Когда ее шутки заходили слишком далеко, я сердился, выключал лампу и закрывал глаза. Тень исчезала, но стоило мне уснуть, как тут же памятью являлась ко мне в странных и непонятных снах. Месяя за предательство, она напускала на меня мои ошибки, и они, нагие и уродливые, обступали и мучили откровениями. Я просыпался, включал свет, и Тень тут же ложилась ко мне в постель и нежно прижималась к моему боку. Сердиться долго я не мог. Однажды, правда, после ее нелепой проделки я задал ей жестокое испытание. Ее вина заключалась в том, что она легла на очень близкого мне человека и исказила его черты.

— Врешь! — прокричал я Тени.

И Тень испугалась, истошно заорала и, дернувшись в конвульсиях, исчезла. И только где-то в рисунке подошвы остался маленький ее клочок, похожий на испуганного мышонка. Я взял его в ладони и прикрыл от света, но безжалостный свет пробивался сквозь пальцы, и мой мышонок стал таять, словно осколок

неколодного льда. Крохотные слезинки побежали по линиям моих ладоней, и я не вытерпел и вышел из луча света. За мной, еле видимая, почти прозрачная, подавленно потянулась моя Тень. Она зацепилась за угол, оставила на нем большой, рваный кусок.

Очень близкий человек меня предал, и я больше никогда не пытался избавиться от Тени...

...Вокруг меня шепчется ночь, и в ее шепоте я слышу что-то давно мной забытое. Память просыпается и наполняет меня криком рожающей женщины. Я вздрагиваю, оглядываюсь и вижу длинную дорогу, уходящую за горизонт. Вдоль дороги, протянув в мою сторону ветви, качаются деревья...

Куда и зачем я иду?

В темноте проносится машина...

Память моих рук сжимает баранку руля, а память глаз ловит набегающую ленту дороги. Дорога вонзается в меня, убегает за моей спиной все дальше и где-то за горизонтом вливается в маленький неиссякаемый родник. И там, чуть искаженное рябью, все время дрожит и переливается мое отражение. И в глубине бьющего родника притаились просыпанные золотые песчинки моей памяти.

Куда и зачем я иду?

...Ночь окутывает ватной темнотой и забирается в мою память.

И я вижу посаженные мной вдоль дороги деревья и цветы...

— Ты нас обручил с жизнью, — доносятся чьи-то голоса порывом ветра. — Ты полил нас и помог поверить в долгую жизнь, ты вырвал вокруг нас сорную траву и разрыхлил почву, ты улыбался нам и говорил с нами, ты познакомил нас с солнцем и ветром, дождем и снегом, весной и осенью, ты заставил нас поверить в красоту и необходимость. Но почему ты покинул нас?

...Куда и зачем я иду?

Где-то кричит сверчок и падает с дерева созревший плод. Где-то слышен страстный зов женщины, слышны шаги мужчины. Где-то мигает огнями самолет и сгорает, пронизывая атмосферу, метеорит... Где-то на обочине дороги одиноко горит зажженный мной первый огонек познания. Он колеблется от ветра и ждет, когда я зажгу большой огонь и соединю с ним его мерцающую точку.

Я иду по шелестящему ковру трав и цветов, и новая память рождается во мне долгом и виной перед всем тем, что я посадил, зажег и оставил за своей спиной. Боже! Куда и зачем я иду?

Дождь льет, не переставая, кажется, никогда не наступит конец его щедрому раздолью. Очищаясь от пыли и сора, плачет морщинистый ствол яблони, плачут стены домов, плачут окна. Они так давно ждали этого очищения... Все маски и полуправды смыты, и мир вглядывается в свое истинное отражение. Это так необходимо...

...Где-то, разбивая ногами лужи, шагает невидимый мне человек. Куда он спешит?! Что его гонит в непогоду? Может быть он Путник, и смысл его жизни на никогда не заканчивающихся дорогах. И если это так, пусть ему встретится дерево...

...Путник увидел Дерево не сразу. В дымке перегретого воздуха показался какой-то неясный и колышущийся силуэт. И по мере того, как он приближался, силуэт очерчивался все яснее, пока не превратился в грубый, весь изломанный ветром и непогодой ствол с такими же изломанными и корявыми ветками. Листва, как печать упорной и несдающейся одинокой жизни, трепетала и помогала синтезом стволу и корням. Дерево жило. Оно перекачивало откуда-то из темной глубины влагу в свое тело.

Прохладная тень укрывала небольшой клочок, вполне достаточный, чтобы под ним укрылся от палящего солнца усталый Путник. Ноющие ноги запросили пощады, и Путник, прислонившись к стволу, присел на траву. Дерево дрожало и холодило спину. Путник устало прикрыл веки и расслабился. Потому-то он и не сразу услышал, когда дерево заговорило...

– Здравствуй, Путник. Скажи, ты много видел на своем пути? – прошелестело Дерево.

– Да, – ответил Путник, – много чего.

– А что для тебя самое главное? – спросило Дерево.

Оно знало, что путники отдыхают недолго, и потому задавало интересующие его вопросы без лишних реверансов.

– Дорога, – ответил Путник. – А для тебя?

– Отbrasывать тень и дарить плоды, – ответило Дерево и тут же задало свой вопрос: – А чего ты боишься?

– Пустых заколоченных окон вдоль дороги, – ответил Путник, – и еще того часа, когда ноги откажут раньше глаз.

– А я боюсь засохнуть, – сказало Дерево и, немного подумав, тихо добавило: – И еще человека с топором. Это нехорошо, да?

– Нет, почему же, – сказал Путник.

– А ты знаешь, – доверительно прошептало Дерево, – почему у меня нет нижних ветвей? – И тут же, не ожидая ответа, быстро проговорило: – Я их отбросило, потому что их часто ломали раньше, и это было больно, и я могло умереть. Но я не прячу свои плоды, я просто не хотело так умирать. Ведь тогда остальным не останется ни тени, ни плодов. Правда же?

– Да, – согласно кивнул головой Путник, – мы должны уметь и защищаться. Ради будущего.

– А тебе бывает тяжело? – спросило Дерево.

– Бывает, – взгляд Путника смотрел вдаль, – особенно в непогоду. Тогда очень холодно от ветра, дождя или снега и хочется где-то спрятаться.

– Мне тоже, – согласилось Дерево, – но я привыкло.

– Я тоже, – вздохнул Путник. – Дорога всему учит.

– А тебя предают? – совсем тихо прошептало Дерево.

— Да, — ответил путник, — бывает. А тебя?

Дерево показало ему несколько сломанных веток.

Они долго молчали.

— А тебе не хочется жить в теплом и уютном доме? — наконец нарушило молчание Дерево.

— А тебе не хотелось бы в рощу или в лес? — в свою очередь спросил Путник.

И они засмеялись.

— Ладно, — встал Путник, — мне пора. До свидания.

— Постой, — засуетилось Дерево, — возьми моих плодов, подкрепись. Тебе еще столько идти!

Путник подставил ладони, и в них опустилось несколько сочных, янтарно переливающихся плодов.

— Знаешь что? — сказал он. — Я сохраню семена твоих плодов и посажу на пустынных и знойных местах. Ведь в них заключена твоя сила.

— Посади, — послало вдогонку Дерево, — и пусть никогда не кончится твоя дорога!

— И твоя тень! — крикнул издали Путник.

Путник все уменьшался и уменьшался, и превратился в неясный, колышущийся силуэт, исчезнувший под мерный и неторопливый ритм шагов где-то за горизонтом.

...Когда же он кончится? — думаю я про дождь.

Ведь все имеет свой конец. Но дождь льет и льет. Значит, он еще не все сделал, что должен был. А что должен был сделать я?!

Не знаю.

А со мной мои верные помощники, мои вестники...

...Тихо-тихо ко мне подошел первый вестник. Несколько его силуэт едва проглядывался, и имя ему было: Сон-Ощущение. Он волновал меня чем-то еще невыразимым в словах, и я иногда терял его из виду. Тогда он поманил кого-то, и его место занял второй вестник. Тот подошел и положил свою мягкую ладонь мне на плечо. И сразу же самые невероятные и сладостные картины пронеслись в моем сознании. Звали второго вестника Мечта-Желание.

— Что ты хочешь от меня? — спросил я его, но Мечта-Желание не ответил, а только улыбнулся и поманил третьего вестника.

Решительным шагом, с развевающимся плащом за спиной, подошел ко мне третий вестник и, взяв за руку, повел за собой. Его глаза горели как угли, шаг был широк и размашист, и я едва поспевал за ним.

— Ты должен действовать! — кричал третий вестник, и звали его Поиск-Действие.

Я не смотрел под ноги и потому не заметил лежащий на дороге камень.

Когда я пришел в сознание, то почувствовал на себе чей-то цепкий и внимательный взгляд. Рядом со мной, в строгом костюме, сидел, подперев голову рукой, четвертый вестник. Лицо его было бледное и серьезное. Глубокие морщины изрезали лоб, а под глазами едва проглядывались синеватые мешки. Он указал пальцем на камень и осуждающе покачал головой, а затем положил руку мне на плечо, и в моем сознании, словно на экране, возник весь мой путь от начала до конца. Особенно четко были видны препятствия на этом пути.

— Вот так-то, — сказал четвертый вестник, и звали его Опыт-Разум.

Я почувствовал сзади дыхание и, резко обернувшись, увидел искривленное в извиняющейся улыбке лицо пятого вестника. Он мягко, как-то боком, подступал ко мне, и его маленькие блестящие глаза все время бегали по сторонам. Пятый вестник несмело протянул ко мне дрожащую руку и прикоснулся пальцами к моему плечу. И сразу же дорога в моем сознании потемнела, препятствия выросли и стали непреодолимыми, а конец дороги терялся в такой невообразимой дали, так что мне стало зябко. Пятый вестник извиняюще и сочувствующе развел руками, а звали его Боль-Сомнение.

Я вытер рукавом выступивший на висках пот и вдруг услышал чьи-то еще далекие шаги. Ритмичной поступью приближался ко мне шестой вестник, и эхо его шагов отозвалось в моем теле, и я задрожал, выпрямился и, в ожидании, протянул руки. Блестя небесными отражениями во взоре, подошел ко мне шестой вестник и вложил свои ладони в мои.

— Веди! — сказал я ему и пропустил шестого вестника вперед. А звали его Любовь-Истина.

Мы пойдем по дороге, пока нас не разлучит седьмой вестник. И имя его будет Память-Покой.

Дождь все-таки теряет свою силу. Я вижу на восточном небосклоне одинокую звезду. Она чисто и беспечно разгорается, когда одна бисеринка бьет в мои глаза. И звезда, теряя очертания, рассыпается лучами...

...Я пишу по старинке — шариковой ручкой. И косые торопливые строчки заполняют белый лист бумаги. Бусинками дождя ложатся в конце каждого предложения точки, и мне не хочется, чтобы закончилась эта капель. Но снова я слышу знакомый звук полета. Здравствуй, Галатея!

Муза читает написанные строчки, а на меня так и не смотрит. Жаль, конечно, но что поделаешь. Галатея забирает у меня ручку и, немного отмерив, проводит на бумаге прямую горизонтальную линию от края до края.

Затем она улетает.

Я пишу дальше, но все меньше расстояние до проведенной моей музой Галатеей последней черты...

СТИХИ

НОЧЬ

Печальной бабочкою ночь
Бутон земли едва качает.
И лунный стебель отмечает
Дорожка, мчащаяся прочь.
На капли зябкие росы
Крыло мохнатое спадает,
Пыльцой мельчайшею слетает
Расцветка дремлющей красы.
И чует бог земли и хлеба
К губам приникнувшее небо.

У МОЕГО ДОМОВОГО

У моего домового – дома нет никакого.
В кармане моем тесном – мало ему места.
Скучет мой домовой по теплой трубе дымовой,
По чердакам вольным, да по углам темным.
Часто, в душевных мухах, карманы дырявит в брюках.
Разве с худым карманом дом я ему достану?
Не вешай нос, домовой. С нашею-то головой
Будет и печь, и крыша, и потайная ниша.
Ну, улыбнись, чумовой, старый ворчун домовой.
Эх, кабы твое терпенье, да кабы мое везенье!

ВЕТЕР

Вращенье ветра, возвращенье
Сpirалью, дугами, винтом.
В бедовом свисте – совращенье
И смех над веткой и листом.
Сраженье, битва, укрощенье,
Коварство, хитрость и обман.
Удар, победа и прощенье.
Он плут, он ангел, он тиран!
Трепещет лист, и ветки стонут.
Чуть-чуть ропща, в блаженстве тонут.

КОТ

Ко мне приходит старый кот.
Он хищник, вор и обормот.
О стулья бок и спину чешет,
Меня мурлыканием тешит,

Затем взбирается на стол,
Мяукнув, ужинать я, мол.
И как там я не протестую,
Он всё съедает подчистую.

Затем, желая отдохать,
Он залезает на кровать.
Хвостом пушистым мне помашет
И когти острые покажет.

И, растянувшись, долго спит,
Усом и ухом шевелит.
Я спать хочу, но вот беда,
Я не могу прогнать кота.

И чтобы даром ночь не тратить,
И чтобы как-то всё поправить,
Пишу стихи о том, что кот –
Он хищник, вор и обормот...

КАЩЕЙ

Между явью и сном, среди старых вещей,
Терпким крепким вином забавлялся Кащей.
Жизнь дана на века, смерти нет у него.
Время, словно река, в никуда, в ничего.
Опостылел удел вечным быть, не боясь.
Тыщи слов, тыщи дел, чтобы вновь, повторяясь,
Снова видеть рассвет, за рассветом – закат.
Много лет, много лет привыкать, отвыкать.
Не изведать вовек смерти – сладостных мук,
И восстал человек в нем от частых разлук.
Взял иглу, уронил в пыль дороги большой.
И воскрес, и ожил, и утратил покой.
Сколько дел впереди. Лишь успеть бы, успеть!
Ведь иглу не найти, не поднять, не сберечь.
Счастлив нынче Кащей среди трав и лугов
Без вина, без вещей и бессмертья оков.

ОДА

Скакал кузнец средь трав зелёных.
Ну, пусть, кузнецик, но скакал.
Как будто гордый аксакал.
Ну, пусть, юнец, но всё же – воин.

Среди безбрежности полей,
В лесу, полянами лежавших,
Как ветер обгонял скакавших –
Улиток, гусениц, клещей.

Как взор его огнём пылал,
Звенел булат, труба играла.
Едва-едва не запылала
Трава, в которой он скакал.

И дрогнул враг, его узрев,
Хотя имел в активе жало.
Вот был комар и вдруг не стало,
Крылом взмахнул и улетел.

Победа! Долго он смотрел
Вокруг, противника взывая.
И буйный ветер, лист срываю,
О чести и о славе пел!

ПРОСИЛКА

– Здравствуй, художник. Что ты рисуешь?
– Кошку.
– Мы очень просим, ты нарисуй ей лукошко.
В это лукошко посадим мы кошку.
И отнесём её прямо к окошку.
Кошка на солнышке песню споёт.
После на донышке сладко уснёт.
Милый художник, отдан нам лукошко,
Но не буди только спящую кошку.

ПРО КОМАРА

Прилетел вдруг комар – комарище.
За спиной вот такие крылища,
А в руках удалых – топорище.
Ищет-свищет, по комнате рыщет.
Увидал меня, подлетел, звения.
– Зарублю! – кричит.
– Загублю! – кричит.
От разбойника некуда деться,
Ни запрятаться, ни запереться.
Я под стол, и он под стол.
Я в кровать, и он в кровать.
Тут с испугу, с перепугу,
Я его рукою – хвать.
Запищал, завизжал комарёночек,
Словно маленький слабый ребёночек.
– Отпусти, – говорит.
– Не губи, – говорит.
Где же сила твоя, комарище?
За спиной вот такие крылища?
А в руках удалых топорище?
Улетай, поскорее – трусище!

ВРЕМЕНА ГОДА

Лето-леточко, красно яблочко,
Пошто тучами ты нахмурилось?
Разметалось, пригорюнилось.
Ясным днём меня не потешило,
Во тепле своём не понежило,
По сухим полям не попешило,
По лесам грибным не полешило.

Осень-матушка, полно донышко,
Пошто ветрами раскручинилась?
Пошто водами распучинилась?
Растревожилась, растрёножила.
Красна молодца задорожила,
Очи девичьи запорошила,
Грусть-тоской своей огорошила.

Зима-мачеха нелюдимая,
Пошто долгим сном заворожила?
Тёмной ночкою заполошила.
Разлеталася, разсвисталася.
Запуржила всё, да завьюжила,
Те дороги укрыла, порушила.
А весна пришла – занедужила.

Весна-любонько, чисто личико,
Пошто солнышком ясным тужишься?
С ветром северным али сдюжишься?
Разнебеснилась, разневестилась.
Только что ж ты, краса, несмеляннее?
Сердце болью-тоской окаяннее.
Ну, да слаще, знать, будет свидание!

СТРАСТИ-ВОДАСТИ

Через реку, по мелководью,
К воде припав багровой плотью,
Кленовый лист переплывал.
И тенью лёгкой покрывал:
Подводный камень и ракушку,
Язя плавник, плотвы макушку.
И головастиков пугал.
К нему ручейник подгребал,
И от листа благоговея
Качался рядом, багровея.
Себя красавцем воображал,
И от любви к себе дрожал.
Там длинноногий водомер,
(Мирам подводным не в пример),
Тот лист багровый, оседлав,
Как в лодке гордо восседал.
И мотылёк, летя над ним,
Вдруг забывал взмахнуть своим
Крылом и падал в мир прибрежный.
И хохотал сверчок потешный,
Всё это видя из норы.
И поднимались комары,
Округу гулом оглашая,
Скороговоркою вещая
О том, что лист сюда плывёт,
За ним ручейник вслед гребёт,
А сверху гордый длинноног
Сидит, как сам надводный бог.

ТРИСТА ТРИДЦАТЬ ТРОГЛОТИДОВ

Триста тридцать троглодитов,
Незнакомых прежде видов,
Земноводных молодцов –
Удостоены призов.
За бегучесть и прыгучесть,
За певучесть и скрипучесть,
За весёлый добрый смех
И влечение до потех.
Рядом с папой троглодитом,
Рядом с мамой троглодихой,
Дружно пряники едят –
Триста тридцать троглодят.
Их бегучесть и прыгучесть,
Их певучесть и скрипучесть
В триста тридцать раз сильней.
Приз им выдайте скорей!
Триста тридцать троглодитов,
Незнакомых прежде видов,
С ними столько же троглодят –
На лесной поляне спят.
Их бегучесть и прыгучесть,
Их певучесть и скрипучесть
Нас замучили вконец
И утихли, наконец!

* * *

Над уснувшей рекой распушился туман.
Не шуршат камыши, не шумят больше ивы.
Только в тёмной воде белотельые дивы
Запоздавшим суютят и приют, и обман.

В чешуе их хвостов серебрится луна,
И спадают к воде расплетённые косы.
На ресницах застыли полночные росы,
И в ладони у каждой свеча светлячком зажжена.

Вот и путник бредёт над уснувшей рекой.
Клонит голову сон, просит отдыха тело.
Вдруг увидел он див. Удивлённо, не смело
Отстранился в испуге дрожащей рукой.

Только нету пути ни назад, ни вперёд.
Манят дивы его и зовут, и ласкают.
К самой юной идёт и к губам приникает,
И, безумный, к теченью пускается вброд.

Где-то в омуте тёмном, на илистом дне,
Безмятежно уснёт очарованный путник.
Ну а дива на время, забыв свои плутни,
Белолицее дитятко явит к весне.

И не будет вовеки конца колдовству,
Пока ночь и река стерегут свои чары.
Будет путник и дива, и в небе стожары,
Уронившие звёзды беспечно в траву.

В СТЕПИ

Славна Родина хлебами.
В знойной дымке, над степями,
Солнца вечно-юный лик.
В поле путь далёк лежит.
Память гор ушедших, давних –
Валуны лежат да камни.
Только ящерки и змеи
Вьют под камнями постели.
Над прудами вербы млеют,
Реки в августе мелеют.
И седеет ковылём
Степь со скифским бобылём –
Одиночим истуканом,
Рядом с жертвенным курганом
Где под толщей вековой
Щит таится боевой.
Рядом стрелы и колчан,
Золотой гречанки стан.
Чаша римская блестит,
Ковшик глиняный лежит.
В царстве том гуляют мыши,
Им курган не хуже крыши.
А над степью ястреб кружит,
Он о битвах прошлых тужит.
Половецку кость хватает
И о камни разбивает.
И парит в тоске немой

Над мелеющей рекой.
Лишь глубокие криницы,
Словно ведьмины глазницы,
Чистой потчуют водой –
Да не мёртвой, а живой.
В той степи гулять раздольно –
Славно дышится и вольно
Средь сухих душистых трав
И стрекочущих орав.
Солнце медленно сползает,
Сумрак тенью наползает.
Над притихшими хлебами –
Ночь и день столкнулись лбами.
Сумрак маревом ложится,
Нынче Родине приснится
Тёплый свежий каравай
И полей неблизкий край.

РАССВЕТ

Уж скоро день. Рассветная пора
Туманом лёгким стелется над миром.
Походкой лёгкой битого вора
Уходит ночь оврагом тихо-тихо.

Колдуют птицы, спрятавшись в листве,
И вот лучами небосвод лаская,
Весь золотой в протянутой руке
Шамана бубен тихо выползает.

Распевы птиц становятся звончей.
Мир набухает красками живыми.
И вдохновенно тянет соловей,
Дрожа, дрожа напевами своими.

СОДЕРЖАНИЕ

Р. Назаров. Сладкие чары цикуты (вместо предисловия к сборнику)	3
<i>Фарид Нагим</i>	
Витюша	7
Девочка и смерть	24
<i>Андроник Романов</i>	
Кладбище насекомых	33
Родина	42
Стихи	49
<i>Галина Бурденко</i>	
Сновеллы	55
Стихи	83
<i>Алексей Абакин</i>	
Девушки и собаки	91
Русские пляшут в присядку	94
<i>Наталья Барышиникова</i>	
Пик Коммунизма	104
Стихи	110
<i>Роман Назаров</i>	
Исповедь отца	119
Стихи	126
<i>Сергей Иващенко</i>	
Дождь	139
Стихи для детей	147

РУССКОЕ ВОСПРИЯТИЕ

СЛИЯНИЕ СОЛНЦ

Главный редактор и составитель

Роман Назаров

Дизайн обложки и верстка

Андроник Романов

Издательство **DIGIBOO**
Москва. www.digiboo.ru